

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А.А.ЖДАНОВА

ОТ СТАРОГО ПОРЯДКА К РЕВОЛЮЦИИ

к 200-летию Великой французской революции
Межвузовский сборник под ред. проф. В.Г.Ревуненкова

Л.: издательство ЛГУ. 1988

В сборнике рассматриваются основные проблемы политической истории Великой французской революции, 200-летие начала которой в 1989 г. готовится отметить все прогрессивное человечество. Статьи содержат материалы, опровергающие представления, которые пропагандирует буржуазная наука о неизменности социальных структур и политических институтов Старого порядка в послереволюционную эпоху. Особое внимание уделяется проблемам политической культуры. Книга предназначена для историков, обществоведов и читателей, интересующихся историей Франции.

Редколлегия: д-р ист. наук В.Г.Ревуненков (отв. ред.), д-р искусствоведения Н.Н.Калитина, д-р ист. наук Г.Л.Курбатов, д-р ист. наук Г.Р.Левин, канд. ист. наук А.Б.Егоров, канд. ист. наук Н.Е.Колосов, С.Н.Коротков (отв. секр.)

Рецензенты: д-р ист. наук Ю.В.Егоров (ЛГПИ им. А.И.Герцена)
Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Ленинградского университета.

Веб-публикация: **Vive Liberta**, 1 вандемьера ССХХI года

Ссылки на тематически связанные материалы даны нами после текста статьи.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Текст здесь: <http://vive-liberta.diary.ru/p180910172.htm>

Ревуненков В.Г. (Ленингр. ун-т). Современные интерпретации Великой французской революции

Копосов Н.Е. (Ленингр. ун-т). Высшая бюрократия в политической системе Старого порядка

Озолинг А.Е. (Ленингр. ун-т). Французская памфлетистика при Старом порядке

Шпаковская И.А. (Ленингр. ун-т). Роль периодической печати в политической системе Старого порядка

Пименова Л.А. (Моск. ун-т). О некоторых особенностях дворянского сознания на исходе «века Просвещения» (по наказам дворянского сословия Генеральным штатам 1789 г.)

Текст здесь: <http://enlightment2005.narod.ru/arc/lpimen.pdf>

Лукьянец И.В. (Ленингр. ун-т). Этико-политические взгляды аббата Сен-Пьера (1658–1743)

Коротков С.Н. (Ленингр. ун-т). Финансовая политика Французской революции: характер и итоги

Текст

здесь:

http://enlightment2005.narod.ru/arc/cambon_tarle_korotkov.pdf

Искуль С.Н. (ЛОИИ АН СССР). Дворянские привилегии и дворянство в эпоху революции

Соколов О.В. (МИАИВВС). Высшие офицеры французской армии и революционное правительство 1792–1794 гг.

Куркина Ю.В. (БАН АН СССР). Вареннский кризис и французское общественное мнение (по материалам памфлетов эпохи Великой французской революции)

Плавинская Н.Ю. (ИВИ АН СССР). «Дух законов» Монтескье и публицистика Великой французской революции 1789–1799 гг.

Текст здесь: <http://www.montesk.info/article/plavin1.html>

Хлобыстин А.Л. (Гос. Эрмитаж). Л.-Л.Буальи — художник эпохи Великой французской революции (опыт социологической интерпретации)

Калитина Н.Н. (Ленингр. ун-т). О празднествах эпохи Великой французской революции

Владимир Георгиевич Ревуненко

СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Революция конца XVIII в. во Франции принадлежит к числу наиболее крупных событий не только в истории этой страны, но и во всемирной истории. С давних пор ее справедливо называют Великой французской революцией. Эта революция была первой в новой истории Европы буржуазной революцией, которая завершилась не частичной ломкой старого, не компромиссом между буржуазией и дворянством, как это было, например, в английской революции XVII в., а полной, бескомпромиссной победой буржуазии над дворянством, полным разрушением старого феодального общества и сложившегося на его основе абсолютистского государства. «Франция, — писал Ф. Энгельс, — разгромила во время великой революции феодализм и основала чистое господство буржуазии с такой классической ясностью, как ни одна другая европейская страна».¹

Французская революция конца XVIII в. имела неизмеримо большее международное значение, чем предшествовавшие ей буржуазные революции. Она смела отжившие средневековые порядки не только в самой Франции, но в известной мере и в соседних с нею странах, положив тем самым начало переходу от феодализма к капитализму на европейском континенте. «Возьмите великую французскую революцию, — говорил В. И. Ленин. — Она недаром называется великой. Для своего класса, для которого она работала, для буржуазии, она сделала так много, что весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком

французской революции. Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии».²

Французская революция конца XVIII в. прошла под руководством буржуазии, которая была тогда классом восходящим, передовым, выступавшим против феодализма и абсолютизма в союзе с народом. Но, будучи классом эксплуататорским, буржуазия уже в ту эпоху проявила и известную непоследовательность, а некоторые ее слои и прямую контрреволюционность, когда процесс ломки старого приобрел такую глубину и силу, которые грозили поколебать и ее собственные классовые привилегии. Главной движущей силой этой революции, буржуазной по своему социально-экономическому содержанию и конечным результатам, были народные массы, т. е. крестьянство и городской плебс, которые не шли пассивно за буржуазией, а выступали самостоятельно, со своими методами борьбы, наложив на ход революции «отпечаток своих требований, своих попыток по-своему построить новое общество, на место разрушаемого старого».³

Особенно велика была роль в революции парижского плебса, парижских санкюлотов, которые являлись не только ее ударной силой, творцами исторических дней 14 июля, 10 августа и 31 мая, но и ее политическим авангардом. Ф. Энгельс подчеркивал, что «буржуа на этот раз, как и всегда, были слишком трусливы, чтобы отстаивать свои собственные интересы; что, начиная с Бастилии, плебс должен был выполнять за них всю работу; что без его вмешательства 14 июля, с 5—6 октября до 10 августа, 2 сентября и т. д. ancien régime неизменно одерживал бы победу над буржуазией, коалиция в союзе с двором подавила бы революцию и что, таким образом, только эти плебеи и совершили революцию».⁴

Еще в либерально-буржуазной историографии XIX — начала XX вв. сложилось представление о Великой французской революции как об одной и единой революции, прошедшей в своем развитии ряд этапов. Правда, о хронологических рамках революции и ее внутренней периодизации историки спорили. Французские историки периода реставрации (Ф. Минье, А. Тьер), которые собственно первыми увидели в этой революции акт классовой борьбы между буржуазией и дворянством, понимали под нею период 1789—1814 гг., т. е. считали и консулат, и империю Наполеона закономерными этапами развития революции.⁵ А. Олар, глава буржуазно-республиканской школы в историографии Французской революции, сложившейся на рубеже XIX

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 367.

³ Там же. Т. 33. С. 39.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 126.

⁵ См., напр.: Mignet F. Histoire de la Révolution française: Depuis 1789 jusqu'en 1814. Т. 1—2. Paris, 1824.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 259.

и XX вв., отказывался признавать «императорский деспотизм» фазой революции и ограничивал ее периодом 1789—1804 гг.⁶ Представители известной «русской школы» историков Французской революции (Н. И. Кареев, Е. В. Тарле) исключали из числа этапов развития революции и консулат, т. е. понимали под нею период 1789—1799 гг.⁷

В новейшей французской буржуазной историографии возобладали тенденция делить революцию конца XVIII в. на ряд либо вполне самостоятельных революций («революция 14 июля», «революция 10 августа», «революция 2 июня», «революция 9 термидора» и пр.), либо автономных революций, т. е. революций, совпадавших во времени, но развивавшихся вполне самостоятельно («дворянская революция», «буржуазная революция», «крестьянская революция», «санкюлотская революция»). Начало такому подходу положил левобуржуазный историк А. Матьез, главные труды которого вышли в 20-е годы. Матьез считал, что во Франции той эпохи произошли четыре последовательно сменявшие друг друга революции: дворянский бунт 1787 г., буржуазная революция 1789 г., демократическая и республиканская революция 1792 г. и, наконец, революция 2 июня 1793 г., представлявшаяся ему попыткой осуществления социальной демократии. Крайне идеализируя Робеспьера, Матьез видел в перевороте 9 термидора не грань между восходящей и нисходящей линиями революции, а конец революции (т. е., как ему представлялось, — конец всего цикла революций).⁸

Современные французские буржуазные историки Ф. Фюре и Д. Рише начисто отвергают «традиционное» представление о революции конца XVIII в. как о «единой революции», к тому же революции антифеодальной, ускорившей развитие Франции по капиталистическому пути. Они предлагают «новую интерпретацию» этой революции, как якобы имевшей пагубные последствия для дальнейшего развития капитализма в стране и представлявшей собой переплетение трех совпавших во времени, но совершенно различных революций: революции либерального дворянства и буржуазии, отвечавшей как духу философии XVIII в., так и интересам капиталистического развития; архаичной по своим целям и результатам крестьянской революции, не столько антифеодальной, сколько антибуржуазной и

антикапиталистической; и революции санкюлотской, враждебной капиталистической концентрации и потому по существу своему реакционной. Эти авторы утверждают, что из-за народного движения, «движения нищеты и гнева», революция «сбилась с пути», что ее «занесло», особенно на этапе якобинской диктатуры, и что лишь переворот 9 термидора положил конец «отклонению» революции от ее либеральных и буржуазных задач.⁹

В марксистской историографии Французская революция рассматривается как сложный, многосторонний, но внутренне единый процесс, прошедший через определенные этапы своего развития. Правда, хронологические рамки революции и в марксистской литературе определялись по-разному.

К. Маркс и Ф. Энгельс разделяли представление историков периода реставрации о первой Французской революции как революции 1789—1814 гг. Это явствует из многих их высказываний. Так, например, в работе Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (1852 г.) мы читаем: «революция 1789—1814 гг. драпировалась поочередно то в костюм Римской республики, то в костюм Римской империи».¹⁰ А вот что писал Ф. Энгельс в работе «Внешняя политика русского царизма» (1890 г.): «Победа над Наполеоном была победой европейских монархий над французской революцией, последней фазой которой являлась наполеоновская империя».¹¹

Место «наполеоновской эры» в общем ходе буржуазного преобразования Франции и Европы Маркс определял так: «Камилль Демулен, Дантон, Робеспьер, Сен-Жюст, Наполеон... осуществляли в римском костюме и с римскими фразами на устах задачу своего времени — освобождение от оков и установление современного буржуазного общества. Одни вдребезги разбили основы феодализма и скосили произрастающие на его почве феодальные головы. Другой создал внутри Франции условия, при которых только и стало возможным развитие свободной конкуренции, эксплуатация парцеллированной земельной собственности, применение освобожденных от оков промышленных производительных сил нации, а за пределами Франции он всюду разрушал феодальные формы в той мере, в какой это было необходимо, чтобы создать для буржуазного общества во Франции соответственное, отвечающее потребностям времени окружение на европейском континенте».¹²

В. И. Ленин, уточняя и развивая марксову теорию буржуазно-демократической революции, выдвинул положение о бонапартизме как особой форме буржуазной контрреволюции, внеся тем самым определенную поправку и в марксову периодизацию

⁶ Aulard A. Histoire politique de la Révolution française: Origines et développement de la démocratie et de la république (1789—1804). Paris, 1901 (русс. перевод: Олар А. Политическая история Французской революции. М., 1938).

⁷ См., напр.: Тарле Е. В. Рабочие национальных мануфактур во Франции в эпоху революции (1789—1799). СПб., 1907.

⁸ Mathiez A. La Révolution française. Т. 1—3. Paris, 1922—1927 (русс. перевод: Матьез А. Французская революция. Т. I—III. М.; Л., 1925—1930).

⁹ Furet F., Richet D. La Révolution. Т. 1—2. Paris, 1965—1966.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 119.

¹¹ Там же. Т. 22. С. 32.

¹² Там же. Т. 8. С. 120.

первой Французской революции. «История Франции показывает нам, — писал он, — что бонапартистская контрреволюция выросла к концу XVIII века (а потом второй раз к 1848—1852 гг.) на почве контрреволюционной буржуазии, прокладывая в свою очередь дорогу к реставрации монархии легитимной. Бонапартизм есть форма правления, которая вырастает из контрреволюционности буржуазии в обстановке демократических преобразований и демократической революции».¹³

В советской исторической литературе долгое время господствовало представление о Великой французской революции как революции 1789—1794 гг. Переворот 9 термидора оценивался почти всеми советскими историками не просто как реакционный буржуазный переворот, направивший развитие революции по нисходящему пути, а как «конец революции», что искажало всю дальнейшую картину событий. «9 термидора было последним днем революции, — писал, например, А. З. Манфред. — С гибелью Робеспьера... закончилась последняя глава Великой французской революции».¹⁴ Отход от этих антиисторичных и идущих не от Маркса и Ленина, а фактически от Матьеза оценок наметился лишь в последние годы. Так, в известном коллективном труде советских ученых по истории Франции подчеркивается, что первая Французская революция закончилась отнюдь не 9 термидора. «Этим днем закончилась поступательная линия в развитии революции, — читаем мы там, — начался ее упадок, завершившийся установлением личного, авторитарного режима Наполеона Бонапарта».¹⁵

Видные зарубежные историки-марксисты А. Собуль и В. Марков также отвергают представление о перевороте 9 термидора как о «заключительном акте» революции. «Захват власти термидорианской буржуазией, — пишут они, — завершил не революцию, а ее восходящую фазу, вершиной которой была... якобинская диктатура».¹⁶

Таким образом, есть все основания считать, что Великая французская революция охватывает не четверть века (1789—1814), как это принималось в исторической науке при жизни К. Маркса и Ф. Энгельса, и не пятилетие (1789—1794), как это представлялось многим советским историкам, а десятилетие (1789—1799 гг.), причем она развивалась сначала по восходящей, а затем по нисходящей линии.

Аристократическая «предреволюция» 1787—1788 гг. послу-

жила своеобразной прелюдией к революции, а наполеоновский консулат 1799—1804 гг. стал ее эпилогом.¹⁷

Главной особенностью восходящей линии революции являлось то, что на каждом ее следующем этапе к власти приходили все более радикальные группировки буржуазии, все более возрастало влияние народных масс на ход событий, все более последовательно решались задачи буржуазно-демократического преобразования страны. Наоборот, смысл переворота 9 термидора заключался именно в том, что демократические элементы буржуазии были отстранены от власти, с влиянием народных масс на законодательство и управление было покончено, а развитие революции направлено по пути, выгодному исключительно буржуазной верхушке общества. «27 июля Робеспьер пал, и началась буржуазная оргия», — писал Ф. Энгельс.¹⁸

Основными вехами поступательного развития революции были три парижских народных восстания: восстание 14 июля 1789 г., которое сломило абсолютизм и привело к власти крупную либерально-монархическую буржуазию (конституционалистов); восстание 10 августа 1792 г., которое фактически низвергло монархию и привело к власти республиканскую крупную буржуазию (жирондистов); восстание 31 мая — 2 июня 1793 г., которое низвергло господство Жиронды, хотевшей республики только для богатых, и передало власть в руки «наиболее последовательных буржуазных демократов — якобинцев эпохи великой французской революции».¹⁹

Якобинцы представляли революционное крыло французской буржуазии того времени, способное осуществлять политику союза с народом, а Жиронда — ее оппортунистическое крыло. Именно в этом видел существо различий между Горой и Жирондой В. И. Ленин, который писал: «представители передового класса XX века, пролетариата, т. е. социал-демократы, разделяются на такие же два крыла (оппортунистическое и революционное), на какие разделялись и представители передового класса XVIII века, буржуазии, т. е. жирондисты и якобинцы».²⁰

В. И. Ленин высоко ценил заслуги якобинцев, давших «лучшие образцы демократической революции и отпора коалиции монархов против республики».²¹ Ленин особенно подчеркивал связь якобинцев с народом (причем уточнял: именно в 1793 г.!), видя в этом источник их силы в борьбе против внутренней контрреволюции и иностранных интервентов. «Историческое ве-

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 83.

¹⁴ Манфред А. З. Французская буржуазная революция конца XVIII века (1789—1794). М., 1950. С. 158.

¹⁵ История Франции. Т. 2. / Под ред. А. З. Манфреда, В. М. Далина, В. В. Загладина. М., 1973. С. 71.

¹⁶ Markov W., Soboul A. 1789. Die Grosse Revolution der Franzosen. Berlin, 1975. S. 387.

¹⁷ А. Собуль и В. Марков относят к «эпилогу» революции всю «наполеоновскую эру». Последняя глава их совместной книги носит название «Der Rücklauf der Revolution: Vom Thermidor zum Kaiserreich» и освещает ход событий до 1815 г.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 127.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 203.

²⁰ Там же. Т. 11. С. 48.

²¹ Там же. Т. 32. С. 374.

личие настоящих якобинцев, якобинцев 1793 года, состояло в том, — писал он, — что они были «якобинцы с народом», с революционным большинством народа, с революционными передовыми классами своего времени».²² Однако существо ленинской оценки якобинцев не исчерпывается указанием на их тесную связь с народом в 1793 г. Ленин видел не только сильные стороны якобинцев, не только их заслуги, но и их слабости, ошибки, которые обусловили в дальнейшем их отрыв от народа и крушение якобинской диктатуры. Он ссылался именно на опыт якобинцев периода 1793—1794 гг. как на доказательство того, что «мелкобуржуазная демократия не способна удержать власти, служа всегда лишь прикрытием диктатуры буржуазии, лишь ступенькой к всевластию буржуазии».²³

В буржуазной историографии якобинской диктатуре даются самые различные оценки: от сугубо негативных до более взвешенных и даже идеализированных, апологетичных. Наиболее злоую карикатуру на «правительство террора» (как обычно именуют якобинскую диктатуру буржуазные историки) создали Ип. Тэн, отразивший в своих трудах по истории первой Французской революции тот страх перед революцией как таковой, который внушила буржуазии Парижская коммуна 1871 г.²⁴ Тэн представил якобинскую диктатуру как систему насилий и убийств, при помощи которой якобинское меньшинство захватило власть и удерживало ее якобы вопреки воле большинства нации. Тэн особо подчеркивал, что эта система была направлена своим острием против знатных и богатых. Обстановку в Франции тех лет он рисовал в таких тонах: «Вот, с одной стороны, вне закона, в изгнании, в тюрьме, на эшафоте — избранная часть населения Франции, почти все люди благородного происхождения, богатые, заслуженные, выдающиеся умом, культурой, талантом и достоинствами, и вот, с другой стороны, над законом, во всем могуществе — безответственные диктаторы, подонки всех классов, шарлатаны, звери и преступники».

А. Олар признал неисторичным подобное огульное отрицание у создателей «системы террора» иных мотивов, кроме стремления к власти и господству. Сам он видел в нем своеобразный режим общественного спасения, вызванный к жизни иностранным нашествием и внутренними мятежами. Олар решительно отверг тезис Тэна о «господстве черни» при Робеспьере. «Своего рода историческая иллюзия, — писал он, — заставляла казаться правительство Робеспьера и второго Комитета общественного спасения... опирающимся главным образом на

парижскую чернь. В действительности же, если оно заботилось о прокормлении этой черни с целью предупредить мятежи (чего оно и достигло)... то, с другой стороны, этот же Комитет неуклонно применял поистине буржуазные законы против коалиций рабочих».²⁶

Если Олар подчеркивал преимущественно патриотическую направленность в деятельности «правительства террора», то А. Матьез приписывал этому правительству далеко идущие планы социального переустройства. Матьез утверждал, что Робеспьер и его партия стремились «поднять до социальной жизни всех вечно обездоленных»; что они «хотели использовать террор для нового переустройства собственности»; что когда они принимали вантозские декреты, то перед их умственным взором стояла «республика, построенная на принципе равенства, без богатых и бедных». «Робеспьер пошел дальше политической демократии. Он шел к социальной революции, и это было одной из причин его падения», — заключал он.²⁷

Но всякое искажение истории мстит за себя. Представив якобинскую диктатуру подлинно народной по своему характеру, а ее социально-экономическую политику отвечающей интересам всех обездоленных, Матьез оказался не в состоянии научно объяснить такой бесспорный исторический факт, как возникновение «плебейской оппозиции» к робеспьеровскому правительству, которую он изображает в самом превратном свете.

«Бешеные», которые первыми осознали ограниченность социально-экономической политики якобинцев и подвергли ее справедливой критике, являлись для Матьеза «сеятелями подозрений, зачинщиками насилий и анархии». Матьез доказывал, что Робеспьер «оказал революции значительную услугу, освободив ее от демагогии „бешеных“». Матьез считал, что и эбертисты выражали недовольство Робеспьером не потому, что имели более передовую социальную программу. «Но большинство из них, — писал он, — жаждало не столько осуществить ту или иную социальную программу, сколько удовлетворить свое честолюбие и мстительную злобу. У них не было, строго говоря, никакого представления о социальной политике».²⁸

Эти оценки обнаруживают лишь буржуазную ограниченность самого Матьеза, который не мог допустить, что в ходе революции должны были оформиться революционные течения, идущие дальше робеспьеристов, и что именно эти течения выражали интересы городской и сельской бедноты.

Советские историки всех поколений высоко оценивали историческую роль якобинцев и якобинской диктатуры. Но уже классовая природа якобинства понималась у нас по-разному.

²² Там же. С. 216.

²³ Там же. Т. 44. С. 11.

²⁴ Taine H. Les origines de la France contemporaine. Т. 1—6. Париж, 1877—1893 (русс. перевод: Тэн И. Происхождение современной Франции. Т. 1—5. СПб., 1907).

²⁵ Тэн И. Происхождение современной Франции. Т. 4. С. 198.

²⁶ Олар А. Политическая история Французской революции. С. 549.

²⁷ Матьез А. Французская революция. Т. 3. С. 144, 206; Mathiez A. La réaction thermidorienne. Paris, 1929. P. 2.

²⁸ Матьез А. Французская революция. Т. 3. С. 37—38, 146.

Н. М. Лукин, книга которого о Робеспьере, изданная в 1919 г., положила начало специальным изысканиям советских ученых в области изучения Французской революции, видел в якобинцах партию мелкой буржуазии, опирающуюся на поддержку крестьянско-плебейских масс. Я. М. Захер первоначально разделял эту точку зрения, но в дальнейшем пришел к выводу, что якобинцев нужно считать представителями революционной буржуазии в широком смысле этого слова, включая и определенные слои крупной буржуазии. А. З. Манфред отказывался признавать якобинцев представителями только тех или иных слоев буржуазии и понимал под ними партию блока мелкой и средней буржуазии, крестьянства и плебейства.²⁹

Н. М. Лукин считал долгом историка-марксиста дать Робеспьеру четкую классовую характеристику. «Его оценка Робеспьера, — писал он, — будет далека как от злобной карикатуры Тэна, так и от безоговорочной апологии Амеля. Для него Робеспьер прежде всего — представитель определенного класса... мелкой французской буржуазии». ³⁰ Лукин упрекал Матьеза именно в том, что он не хотел видеть в Робеспьере «выразителя интересов определенного класса — мелкой зажиточной буржуазии», что у него Робеспьер, «этот наиболее подлинный представитель демократии», стоит «выше всех партий», что для него «существуют только интересы революции». ³¹ Напротив, А. З. Манфред считал ошибочным искать для Робеспьера «точный социальный эквивалент и жесткую этикетку, причисляя его к той или иной категории средней или низшей буржуазии. Лучше всего, если мы скажем, что Робеспьер представлял и защищал интересы французского народа в революции», — утверждал он. ³²

По-разному определялся у нас и характер якобинской диктатуры. Лукин и его ученики рассматривали якобинскую диктатуру как «диктатуру низов», т. е. как революционную власть, созданную без участия крупной и средней буржуазии и направленную не только против сил феодальной реакции, но в известной мере и против самой буржуазии. Напротив, Я. М. Захер отстаивал положение о буржуазной природе якобинской диктатуры и подчеркивал, что она слагалась не только как орудие подавления роялистско-жирондистской контрреволюции.

²⁹ Лукин Н. М. Максимилиан Робеспьер. М., 1919; Захер Я. М. 1) Робеспьер. М.; Л., 1925; 2) Движение «бешеных». М., 1961; Манфред А. З. Французская буржуазная революция конца XVIII века (1789—1794). М., 1950.

³⁰ Лукин Н. М. Избр. труды. Т. 1. М., 1960. С. 149. — Э. Амель — мелкобуржуазный панегирист Робеспьера, издавший в 1865—1867 гг. трехтомный труд „Histoire de Robespierre”.

³¹ Лукин Н. М. Альбер Матьез // Историк-марксист. 1932. Т. 3. С. 72.

³² Манфред А. З. О природе якобинской власти // Вопросы истории. 1969. № 5. С. 100.

но и как орудие обуздания и подчинения буржуазии плебейского движения.

Лукин представлял себе якобинскую «диктатуру низов» как власть мелкой буржуазии, которую поддерживали и на которую оказывали влияние крестьянско-плебейские массы. «Власть остается в руках „низших слоев тогдашней буржуазии”, руководящее положение в правительстве сохраняется за робеспьеристами, партией революционной мелкой буржуазии», — подчеркивал он. ³³ Напротив, А. З. Манфред утверждал, что после победы восстания 31 мая — 2 июня 1793 г. «власть в стране перешла от жирондистской буржуазии к блоку демократической буржуазии, крестьянства и плебейства». ³⁴

А. Л. Нарочницкий впервые в нашей литературе показал, что среди монтаньяров имелось сильное и влиятельное правое крыло, выражавшее интересы определенной части крупной и средней буржуазии, преимущественно той, которая нажила свои капиталы в годы революции. К этому крылу он относил дантолистов и таких деятелей, как Камбон, Барер и «великие специалисты» Комитета общественного спасения — Карно, Р. Ленде и Приёр из Кот д'Ор. «Это были буржуазные деятели, смелые и энергичные, — писал он, — но совершенно чуждые какому-либо мелкобуржуазным уравнилельным идей... Они решились на временное установление революционной диктатуры и на уступки народу ради победы над коалицией, защиты и укрепления буржуазной Франции». ³⁵ Что касается группировки Робеспьера и Сен-Жюста, которая заняла с лета 1793 г. руководящее положение в Комитете общественного спасения, то А. Л. Нарочницкий указывал, что при всех свойственных этой группировке умеренно-уравнилельных стремлениях она все же стояла ближе к буржуазии, чем к народным массам. «Робеспьер, — писал он, — вовсе не был сторонником полного равенства имуществ и хотел лишь уничтожить нищету. С этой точки зрения Робеспьер стоял гораздо ближе к представителям богатой буржуазии, чем к радикальным уравнилельям из плебейской среды». ³⁶

Господством буржуазии и верхних, зажиточных слоев мелкой буржуазии в Конвенте и во всех без исключения правительственных комитетах Нарочницкий и объяснял то обстоятельство, что при всем том большом влиянии, которое оказали народные массы на социально-экономическую политику якобин-

³³ Лукин Н. М. Избр. труды. Т. 1. С. 359—360.

³⁴ Манфред А. З. О природе якобинской власти. С. 102.

³⁵ Нарочницкий А. Л. Вопросы войны и мира во внешней политике якобинской республики летом 1793 г. // Учен. зап. Моск. пед. ин-та им. В. И. Ленина. 1949. Т. 58. Вып. 2. С. 86.

³⁶ Нарочницкий А. Л. Раскол среди якобинцев и внешняя политика якобинской республики с января до апреля 1794 г. // Там же. 1946. Т. 37. Вып. 3. С. 120.

ской диктатуры, эта политика «никогда не была чисто мелкобуржуазной или чисто плебейской, а всегда оставалась связанной с задачами капиталистического развития Франции. Она подтверждает то положение, что якобинцы в целом были наиболее смелыми и решительными представителями революционного класса своего времени — буржуазии».³⁷

«Бешеные» и эбертисты также оценивались в советской литературе по-разному. Для Я. М. Захера понятия «плебейское движение» и «бешеные» полностью совпадали. Вплоть до последних лет своей жизни (когда он стал более справедливо оценивать эбертистов) этот историк считал, что выразителями интересов и руководителями парижских санкюлотов, плебса были «бешеные», одни только «бешеные». «Санкюлоты или плебейские массы в целом — вот тот социальный слой, интересы которого представляли Жак Ру, Варле, Леклерк», — утверждал он.³⁸

С. Л. Сытин видел в Жаке Ру, Варле и Леклерке «предпролетарских революционеров» и пытался доказать, что движение плебейских масс Парижа за удовлетворение своих социально-экономических требований летом 1793 г. развертывалось «под руководством Ру и Леклерка». Эбертистов этот автор считал «мелкобуржуазными революционерами», представителями «одной из группировок левых якобинцев», а Парижскую коммуну 1793—1794 гг. без обиняков объявлял «мелкобуржуазной».³⁹

Иначе оценивал роль «бешеных» и эбертистов Нарочницкий. «Можно считать, что за „бешеными“ шла лишь незначительная часть плебейства, — писал он. — Главная масса городской бедноты шла за Парижской коммуной и эбертистами... За их [Шометта и Эбера] спиной стояли многочисленные массы городских ремесленников, рабочих, бедноты».⁴⁰

Нарочницкий обратил внимание также на то, что парижский плебс, санкюлоты имели мало сторонников в Конвенте и совсем не были представлены в правительственных комитетах. «Но главные силы и непосредственные вожаки плебейства, — писал он, — находились вне Конвента и вне Комитета общественного спасения — источник влияния плебейских масс был в секциях Парижской коммуны, в клубах, народных обществах и революционных комитетах».⁴¹

В последние два-три десятилетия за рубежом опубликован

ряд трудов историков-марксистов, посвященных парижским санкюлотам и их взаимоотношениям с правительством якобинской диктатуры. Наибольшую известность из этих трудов приобрело фундаментальное исследование Альберта Собуля «Парижские санкюлоты во II году», вышедшее первым изданием в 1958 г. и с тех пор неоднократно переиздававшееся во Франции и переведенное на многие иностранные языки.⁴² Значение этой книги Собуля, а также работ Вальтера Маркова, Жоржа Рюде и других ученых заключается не только в том, что они существенно расширяют наши представления о парижских санкюлотах, но и по-новому ставят некоторые коренные вопросы истории Французской революции, такие, например, как вопрос о социальной структуре плебса, о классовой природе якобинцев, о характере якобинской диктатуры и др.

Собуль проводит четкое различие между якобинцами и санкюлотами, понимая под первыми представителей революционной буржуазии, а под вторыми — широкие массы неимущих и низшие слои мелкой ремесленной буржуазии. «Существовало социальное противоречие между якобинцами, вышедшими почти исключительно из рядов буржуазии, — мелкой, средней и даже крупной, с одной стороны, и санкюлотами — с другой», — пишет он, подчеркивая одновременно, что под санкюлотами надо понимать не только поденщиков и подмастерьев, но и ремесленных мастеров, мелких лавочников и другие мелкобуржуазные элементы.⁴³

Собуль собрал большой и в значительной своей части свежий документальный материал, характеризующий социально-экономические и политические взгляды санкюлотов, а также обстоятельно проанализировал взаимоотношения между санкюлотами и правительством якобинской диктатуры. Этот материал со всей очевидностью показывает, что санкюлоты и якобинцы, борясь совместно против роялистско-жирондистской контрреволюции, по-разному понимали коренные социальные и политические проблемы своего времени, причем взгляды санкюлотов являлись более передовыми и более отвечали интересам дальнейшего развития и углубления буржуазно-демократической революции, чем взгляды якобинцев. Правда, этого последнего вывода сам Собуль не делает. Наоборот, он пытается доказать, что социальные идеалы санкюлотов были несовместимы с потребностями капиталистического развития Франции, а их политические идеалы — с потребностями обороны страны и необходимостью диктатуры в интересах общественного спасения. Однако факты и материалы, которые собрал Собуль, говорят сами за себя.

⁴² Soboul A. Les sans-culottes parisiens en l'an II. La Roche-sur-Yon, 1958 (русс. перевод: Собуль А. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М., 1966).

⁴³ Собуль А. Парижские санкюлоты... С. 525.

³⁷ Нарочницкий А. Л. Вопросы войны и мира... С. 87.

³⁸ Захер Я. М. Движение «бешеных». С. 31.

³⁹ Сытин С. Л. Борьба плебейских масс Парижа во главе с Ру и Леклерком за удовлетворение своих социально-экономических требований в июле — сентябре 1793 г. // Учен. зап. Ульяновск. пед. ин-та им. И. Н. Ульянова. 1956. Вып. VIII. С. 254—255, 288—290.

⁴⁰ Нарочницкий А. Л. Вопросы войны и мира... С. 67.

⁴¹ Там же. С. 86.

Санкюлотское движение не поднялось еще до понимания необходимости ликвидации частной собственности и замены ее коллективной собственностью. Ремесленные мастера и мелкие лавочники были фанатично привязаны к своей собственности, а наемные рабочие и подмастерья, жившие бок о бок со своими хозяевами и подвергавшиеся повседневному воздействию с их стороны, сами мечтали стать собственниками. Но к крупной собственности помещиков и капиталистов относились с нескрываемой враждебностью. «Являясь производителями, — пишет Собуль, — они считали, что только личный труд узаконяет собственность. Они мечтали об обществе мелких собственников, где каждый дел бы своим полем, своей мастерской, своей лавкой».⁴⁴

Политические порядки, сложившиеся в 1792—1794 гг. в Коммуне Парижа и парижских секциях, представляли собой не что иное, как зачаток революционной власти того типа, который В. И. Ленин называл «революционно-демократической диктатурой низших классов».⁴⁶ Эта была власть действительно «низших классов», т. е. мелкой ремесленной буржуазии и тогдашних рабочих. Это была власть, которая оказывала большое влияние на Конвент и фактически приобрела значение «второй власти» в государстве.

Противоречивость подобной социальной программы, ее мелкобуржуазность очевидны. Но столь же очевидно и ее революционное значение. Идея равенства мелких собственников, которая сама по себе и даже реакционная, если речь идет о социалистической революции, наиболее полно и последовательно выражает задачи буржуазно-демократической революции, когда речь идет прежде всего о том, чтобы покончить с крупной феодальной собственностью.⁴⁵ Эта социальная программа была нацелена не на то, чтобы помешать развитию капитализма в стране, как это полагают многие современные французские историки, а на то, чтобы направить это развитие по самому выгодному для народа пути, по так называемому «американскому пути», по которому Французская революция сделала лишь первые шаги.

Столь же передовые идеи выдвигали санкюлоты и в политической области. Господствуя на высшем этапе революции Коммуне Парижа и парижских секциях, санкюлоты практиковали свои особые приемы осуществления демократии, которые являют нам концепцию демократии, совершенно отличную от буржуазной концепции. Во-первых, санкюлоты не считали, что роль народа в управлении государством должна ограничиваться лишь избранием депутатов в Конвент и местные органы власти. Они отстаивали право избирателей давать наказы своим депутатам, контролировать их деятельность и в случае необходимости отзываться их. Во-вторых, санкюлоты считали, что право голоса, правом занимать общественные должности и другим политическими правами могут обладать лишь «чистые граждане», т. е. те, кто доказал свою верность революции или в меньшей мере ничем себя не скомпрометировал. Граждан, которых подозревали во враждебном отношении к революции лишали всяких политических прав, а иногда и просто изгоняли из общих собраний секций. К этому нужно добавить, что име-

⁴⁶ Там же. Т. 10. С. 13.
⁴⁷ Собуль А. Из истории Великой буржуазной революции 1789—1794 годов и революции 1848 года во Франции. М., 1960. С. 133.

⁴⁴ Soboul A. Les sans-culottes parisiens en l'an II. P. 503.

⁴⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 225—226.

введенный под давлением народных «низов», она дополнила максимум на заработную плату, фактически снижавшим заработки рабочих и вызвавшим их сильное недовольство, даже стачки, которые сурово подавлялись. Ограничения демократии и террор применялись не только против дворянско-буржуазной реакции, но и против плебейских элементов, против «бешеных», против эбертистов. Именно буржуазная ограниченность революционной якобинской власти, ее растущий отрыв от народных «низов» и создали предпосылки для термидорианского переворота, совершенного теми элементами буржуазии, которые выступали вообще против всяких уступок народу в социальной области.

Прологом термидора явились казни жерминаля II г. (март — апрель 1794 г.), когда погибли Эбер, Шометт и другие руководители Парижской коммуны, подвергшейся после этого чистке и утратившей те черты, которые делали ее зачатком власти общественных «низов». Совершив этот пагубный для судеб революции акт, якобинское правительство лишилось доверия и поддержки парижских санкюлотов, что и позволило перерожденцам и нуворишам сравнительно легко свергнуть его 9 термидора.

Еще Лукин подметил, что именно в результате событий марта — апреля 1794 г. «распадается блок между робеспьеристской мелкой буржуазией и „общественными низами“... Казнь эбертистов сопровождалась разгромом важнейших массовых организаций (внепарламентского типа — Парижской коммуны, Клуба кордельеров, революционной армии), на которые опиралась якобинская диктатура. Робеспьеровцы переставали быть „якобинцами с народом, с революционным большинством народа“. Это означало ослабление самого революционного правительства и ускорение его гибели».⁴⁸

К такому же выводу приходит и Собоуль. «Драма жерминаля была решающей, — пишет он. — Осудив в лице руководителей кордельеров народное движение в его своеобразных формах, революционное правительство оказалось во власти умеренных... Нажав на все пружины, оно еще некоторое время могло противостоять их натиску. Но в конце концов оно погибло, не сумев обрести поддержки и доверия народа».⁴⁹

Движение революции по нисходящей линии, начавшееся 9 термидора и окончательно закрепленное поражением парижских санкюлотов в жерминале и прериале III г. (апрель — май 1795 г.), завершилось государственным переворотом 18 брюмера VIII г. (9 ноября 1799 г.), в результате которого во Франции установился личный, авторитарный режим Наполеона Бо-

напарта, переросший в дальнейшем в новую разновидность монархии буржуазного типа.

Нисходящая линия революции не представляла собой отступления в сторону феодального прошлого, она означала укрепление и дальнейшее развитие социальных порядков, покоящихся на частной капиталистической собственности и системе наемного труда. Эта линия предполагала лишь одно: подавление народного движения, отстранение народных масс от всякого участия в управлении государством, ограничение демократических прав и свобод. Именно в этом буржуазия видела гарантию своих социальных привилегий, но именно это обернулось в конечном итоге против нее самой, проложив путь сначала к империи Наполеона, еще буржуазной по своему существу, а затем и к реставрации полуфеодальной монархии Бурбонов. Что касается «наполеоновской эры» (1799—1814), то ее нельзя ни отождествлять с эпохой революции, ни отрывать от нее. Режим Наполеона — это действительно «бонапартистская контрреволюция», которая окончательно задушила народную революцию, ликвидировала последние остатки демократических свобод, превратила в фикцию и конституцию, и права законодательных органов, ликвидировала в конечном итоге и республику, но которая вместе с тем закрепила и упрочила все социальные завоевания революции, выгодные буржуазии и зажиточному крестьянству. Столь же двойственную роль играл этот режим и на международной арене. В ожесточенной борьбе с коалициями европейских монархий (по меньшей мере на ее начальных этапах) наполеоновская Франция не только грабила страны Западной Европы, не только захватывала их территории, но и подрывала в них феодальные отношения, способствовала утверждению в них буржуазного строя. Яркую и точную характеристику этой эпохи дал В. И. Ленин, который писал: «Империалистские войны Наполеона продолжались много лет, захватили целую эпоху, показали необыкновенно сложную сеть сплетающихся империалистских отношений с национально-освободительными движениями. И в результате история шла через всю эту необычно богатую войнами и трагедиями (трагедиями целых народов) эпоху вперед от феодализма — к «свободному» капитализму».⁵⁰

Революция конца XVIII в. во Франции знаменовала собой крутой поворот не только в истории этой страны, но и во всемирной истории — поворот от феодализма и абсолютизма к капитализму и буржуазной демократии. Ее место в марксистской схеме периодизации всемирной истории ясно и четко определил В. И. Ленин, который писал: «Новую эпоху в истории челове-

⁴⁸ Лукин Н. М. Альбер Матъез. С. 72.

⁴⁹ Собоуль А. Первая республика 1792—1804. М., 1974. С. 121, 104.

⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 382—383 (империалистскими войнами Ленин называл здесь грабительские, захватнические войны вообще).

чества открыла великая французская революция», уточняя, что содержанием этой эпохи было «свержение абсолютизма и феодализма, подрыв их, свержение чуженационального гнета».⁵¹

В. И. Ленин выделял три эпохи в развитии человечества со времени Французской революции: 1) 1789—1871 гг., 2) 1871—1917 гг., 3) с 1917 г. Эпоху 1789—1871 гг. он характеризовал так: «Это — восходящая линия буржуазии, эпоха буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных в частности, эпоха быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений». Эпоха с 1871 г. — «эпоха полного господства и упадка буржуазии, эпоха перехода от прогрессивной буржуазии к реакционному и реакционнейшему финансовому капиталу».⁵² А вот ленинская характеристика эпохи с 1917 г.: «Уничтожение капитализма и его следов, введение основ коммунистического порядка составляет содержание начавшейся теперь новой эпохи всемирной истории».⁵³

Совершенно очевидно, что В. И. Ленин видел во Французской революции конца XVIII в. грань всемирно-исторической важности между двумя эпохами — эпохой феодализма и эпохой капитализма, как в Октябрьской революции 1917 г. в России — начало перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе.

С начала 40-х годов в нашей исторической литературе получила широкое распространение иная точка зрения по вопросу о том, какое же историческое событие знаменует собой переход от феодализма к новому, капиталистическому строю. Таким событием была признана английская революция XVII в. как якобы «положившая конец феодальной формации в Англии и открывшая эру господства капитализма».⁵⁴

При этом игнорировалось то обстоятельство, что английская революция XVII в., во-первых, не привела к установлению «чистого» (по выражению Ф. Энгельса) политического господства буржуазии, во-вторых, ничего не изменила в положении крестьян, которые как были, так и остались держателями земли на феодальном праве (копигольдерами).

В принятой у нас системе исторической периодизации выделяется период с 1640 г. по 1870 г., который характеризуется как «период победы и утверждения капитализма в передовых странах». Хронологические рамки этого периода определены явно неудачно, так как здесь не расчленены две качественно различные эпохи в развитии капитализма, гранью между которыми является конец XVIII в. Это уже не говоря о том, что при таком делении Великая французская революция явно утра-

чивает значение исторического рубежа эпохального значения, каким его считал В. И. Ленин.

Еще К. Маркс указал на XVI век как на «начало капиталистической эры»⁵⁵ и ясно и точно определил хронологические рамки так называемого «мануфактурного периода», т. е. той стадии, когда капитализм развивался лишь в качестве одного из укладов разлагающегося феодального общества: «приблизительно с половины XVI столетия до последней трети XVIII».⁵⁶

Для «мануфактурного периода» характерны ранние буржуазные революции (Реформация и крестьянская война в Германии, Нидерландская революция XVI в., английская революция XVII в.), которые все в той или иной мере подрывали феодальные порядки, но ни одна из которых еще не знаменовала собой превращения капитализма из уклада разлагающегося феодального общества в господствующий способ производства.

В схеме исторической периодизации, выработанной историками ГДР, место Французской революции 1789 г. определено гораздо более точно. «Распад феодализма, возникновение и развитие мануфактурного капитализма и первые буржуазные революции (70-е годы XV в. — 1789); победа и упрочение капитализма в передовых странах (1789—1871 гг.)» — так расчленяется этот отрезок всемирной истории в коллективном труде «Классовая борьба. Традиции. Социализм», вышедшем в 1974 г.⁵⁷

Эта периодизация полностью соответствует ленинскому пониманию Французской революции конца XVIII в. как глубокого социального переворота, открывшего собой эпоху крушения феодализма и утверждения более передового общественного строя — строя капитализма и буржуазной демократии.

Такой эта революция вошла во всемирную историю и такой в ней останется, несмотря на все попытки современных буржуазных «реинтерпретаторов» исказить ее подлинное историческое значение и сущность.

За последние два-три десятилетия изучение фактической истории Французской революции продвинулось далеко вперед, в том числе и усилиями лучших представителей немарксистской исторической мысли, каким был, например, Ж. Лефевр. Выявлены новые исторические факты, новые материалы, остававшиеся неизвестными предшествующим поколениям ученых и заставившие по-новому взглянуть на ряд конкретных явлений и проблем того времени. Особенно велики успехи в изучении народных движений эпохи революции, достигнутые прежде всего благодаря трудам историков-марксистов, как зарубежных (А. Собуль, В. Марков, Ж. Рюде и др.), так и советских

⁵¹ Там же. Т. 26. С. 311—312.

⁵² Там же. С. 143.

⁵³ Там же. Т. 41. С. 425.

⁵⁴ Английская буржуазная революция XVII века / Под ред. Е. А. Косминского, Я. А. Левицкого. Т. 1. М., 1954. С. 16.

⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 728.

⁵⁶ Там же. С. 348.

⁵⁷ Klassenkampf. Tradition. Sozialismus. Berlin, 1974.

(А. В. Адо, А. Д. Люблинская, А. Р. Иоаннисян и др.). «В итоге впервые с такой полнотой и конкретностью были показаны самостоятельные, специфические устремления и революционные действия народных низов во время революции, сила их социально-уравнительного порыва, его несовместимость с интересами и желаниями всех имущих, включая и наиболее передовые в политическом плане элементы французской буржуазии».⁵⁸

Эти слова нашего выдающегося знатока аграрной истории Франции XVIII в. дают ясное представление о том новом, что характерно для современной марксистской историографии Французской революции.

⁵⁸ Адо А. В. Буржуазная ревизия истории Французской революции XVIII в. // Социальные движения и борьба идей. М., 1982. С. 55.

Тематически связанные материалы

В.Ревуненков. Проблемы якобинской диктатуры в новейших работах советских историков
http://vive-liberta.narod.ru/journal/fe_70_jacobdict.htm#1967

Проблемы якобинской диктатуры:

Симпозиум в секторе истории Франции

Института всеобщей истории АН СССР 20-21 мая 1970 г.

http://vive-liberta.narod.ru/journal/fe_70_jacobdict.htm

Е.Черняк. 1794 год: актуальные проблемы исследования Великой французской революции
http://vive-liberta.narod.ru/journal/tchernyak_fe-87.pdf

В.Ревуненков. К истории споров

о Великой французской революции

http://vive-liberta.narod.ru/journal/fe_70_jacobdict.htm#1989

Якобинство в исторических итогах

Великой французской революции:

традиции и этапы изучения проблемы

http://vive-liberta.narod.ru/journal/fe_70_jacobdict.htm#1995

С.Летчфорд. В.Ревуненков против «московской школы»:

дискуссия о якобинской диктатуре

<http://vive-liberta.narod.ru/journal/revunenkov.pdf>

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А.А.ЖДАНОВА

ОТ СТАРОГО ПОРЯДКА К РЕВОЛЮЦИИ

к 200-летию Великой французской революции
Межвузовский сборник под ред. проф. В.Г.Ревуненкова

Л.: издательство ЛГУ. 1988

В сборнике рассматриваются основные проблемы политической истории Великой французской революции, 200-летие начала которой в 1989 г. готовится отметить все прогрессивное человечество. Статьи содержат материалы, опровергающие представления, которые пропагандирует буржуазная наука о неизменности социальных структур и политических институтов Старого порядка в послереволюционную эпоху. Особое внимание уделяется проблемам политической культуры. Книга предназначена для историков, обществоведов и читателей, интересующихся историей Франции.

Редколлегия: д-р ист. наук В.Г.Ревуненков (отв. ред.), д-р искусствоведения Н.Н.Калитина, д-р ист. наук Г.Л.Курбатов, д-р ист. наук Г.Р.Левин, канд. ист. наук А.Б.Егоров, канд. ист. наук Н.Е.Колосов, С.Н.Коротков (отв. секр.)

Рецензенты: д-р ист. наук Ю.В.Егоров (ЛГПИ им. А.И.Герцена)

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Ленинградского университета.

Веб-публикация: **Vive Liberta**, 1 вандемьера ССХХI года

Ссылки на тематически связанные материалы даны нами после текста статьи.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Текст здесь: <http://vive-liberta.diary.ru/p180910172.htm>

Ревуненков В.Г. (Ленингр. ун-т). Современные интерпретации Великой французской революции

Копосов Н.Е. (Ленингр. ун-т). Высшая бюрократия в политической системе Старого порядка

Озолинг А.Е. (Ленингр. ун-т). Французская памфлетистика при Старом порядке

Шпаковская И.А. (Ленингр. ун-т). Роль периодической печати в политической системе Старого порядка

Пименова Л.А. (Моск. ун-т). О некоторых особенностях дворянского сознания на исходе «века Просвещения» (по наказам дворянских сословия Генеральным штатам 1789 г.)

Текст здесь: <http://enlightment2005.narod.ru/arc/lpimen.pdf>

Лукьянец И.В. (Ленингр. ун-т). Этико-политические взгляды аббата Сен-Пьера (1658—1743)

Коротков С.Н. (Ленингр. ун-т). Финансовая политика Французской революции: характер и итоги

Текст

http://enlightment2005.narod.ru/arc/cambon_tarle_korotkov.pdf

Искуль С.Н. (ЛОИИ АН СССР). Дворянские привилегии и дворянство в эпоху революции

Соколов О.В. (МИАИВВС). Высшие офицеры французской армии и революционное правительство 1792—1794 гг.

Куркина Ю.В. (БАН АН СССР). Вареннский кризис и французское общественное мнение (по материалам памфлетов эпохи Великой французской революции)

Плавинская Н.Ю. (ИВИ АН СССР). «Дух законов» Монтескье и публицистика Великой французской революции 1789—1799 гг.

Текст здесь: <http://www.montesk.info/article/plavin1.html>

Хлобыстин А.Л. (Гос. Эрмитаж). Л.-Л.Буальи — художник эпохи Великой французской революции (опыт социологической интерпретации)

Калитина Н.Н. (Ленингр. ун-т). О празднествах эпохи Великой французской революции

ВЫСШАЯ БЮРОКРАТИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СТАРОГО ПОРЯДКА

Вопрос о непосредственных носителях государственной власти, безусловно, является одним из основных при изучении той или иной политической системы. Под высшей бюрократией мы понимаем персонал центральных правительственных учреждений. Применительно к Франции Старого порядка речь идет о королевском совете и связанных с ним службах, в первую очередь институте провинциальных интендантов. Разумеется, королевский совет не был единственным политически значимым органом в абсолютистской Франции, однако именно он вместе с интендантами провинций представлял основную организационную форму механизма подготовки и принятия как политических, так и важных административных решений.

Королевский совет восходил к феодальной курии французских королей, состоявшей из их прямых вассалов. В XIII—XIV вв. в его составе появляются и играют все большую роль юристы. Из их числа формируется несколько специальных трибуналов, которые выделяются из состава совета в так называемые верховные суды (Парламент, Счетная палата, Большой совет). В составе совета постепенно складывается также рабочая группа, именуемая «тесным» или «тайным» советом.

В начале XVI в. совет состоял обычно из нескольких десятков человек, которые назывались королевскими советниками (позднее в связи с девальвацией этого титула они стали именоваться государственными советниками). Однако их число было непостоянным: на одни заседания ходило больше советников, на другие — меньше. Совет состоял из представителей

разных социальных групп — высшей аристократии и формирующейся тогда «робы» (это название чиновников, в первую очередь магистратов верховных судов, произошло от названия судейской мантии). Робены тогда нередко были выходцами из слоев низшего дворянства, но в большинстве своем принадлежали еще к среде богатой городской буржуазии, крупных купцов и финансистов.

Высшая знать была представлена в совете в первую очередь принцами крови и перешедшими на службу к французским королям иностранными принцами, высшими коронными чинами (коннетаблем, маршалами, гофмейстером и т. д.), крупными военачальниками и политически активными прелатами. Принцы крови, высшие коронные чины и кардиналы считались «прирожденными советниками» короля и претендовали на обязательное место в совете, однако реально им необходимо было его приглашение, поскольку король по своему усмотрению комплектовал совет. Что касается полководцев, дипломатов, судебных чиновников и финансистов, входивших в совет, то их продвижение и на королевской службе, и по социальной лестнице зависело главным образом от воли короля, так что ни о каком праве на места в совете применительно к ним не могло быть и речи.¹

В начале XVI в. королевский совет после выделения из его состава Большого совета, превратившегося в самостоятельный верховный суд в конце XV в., не имел специализированных секций, однако дипломатические, финансовые и судебные дела рассматривал в разные дни, а некоторые его члены специализировались по тем или иным категориям дел и заседаний. Вместе с тем сохранялись под старым наименованием «тесного» или «тайного» совета неформальные консультации короля с несколькими особо доверенными лицами (как правило, своими друзьями, родственниками и прелатами) по центральным политическим вопросам.

Постепенно, на протяжении первой половины XVI в., заседания этого совета становятся регулярными, и он выделяется в особую секцию — «деловой совет», долгое время сохранявший неформальный характер. На протяжении религиозных войн деловой совет был заполнен ставленниками враждующих партий и на некоторое время потерял значение. Дела решались тогда «в рабочем порядке» королем и Екатериной Медичи со статс-секретарями. В этот период некоторого упадка роли совета разворачивается деятельность министерских бюро, которые в XVII в. вместе с советом составляли основу высших органов власти.

Становление института статс-секретарей затянулось на пол-

¹ Harsgor M. Recherches sur le personnel du Conseil du Roi sous Charles VIII et Louis XII. T. I—IV. Lille; Paris, 1980.

тора столетия. Они выделились во второй половине XV — первой половине XVI вв. из числа королевских нотариусов и секретарей. Еще в XIV в. несколько секретарей были прикреплены к особе короля для записи его распоряжений, затем некоторые из них стали специализироваться на финансовых делах. На рубеже XV—XVI вв. росту значения этого института способствовала яркая индивидуальность одного из них — Флоримона Роберте. Финансовые секретари вели административную корреспонденцию, присутствовали на заседаниях совета и фиксировали его решения. Постепенно за ними закрепился титул статс-секретарей. В 1547 г. Генрих II произвел реорганизацию института. С тех пор статс-секретарей было обычно четыре, и между ними были распределены провинции Франции и иностранные государства, переписку с которыми они вели. В ходе религиозных войн личная верность королю и Екатерине Медичи сделала статс-секретарей важными политическими агентами короны. Они вели практически всю черновую административную работу и даже получили право самостоятельно вскрывать депеши с мест и излагать королю только их основное содержание. Параллельно выработалась и другая важнейшая черта функций статс-секретарей: наряду с письмами от имени короля, они стали посылать в провинции свои (поначалу полуофициальные) разъяснения королевских распоряжений. Со временем эта переписка получила официальный статус и стала главным каналом общения правительства с провинциальной администрацией.

В период религиозных войн стали развиваться и зачатки отраслевой специализации статс-секретарей, особенно в 70—80-е годы XVI в. благодаря Вильруа, ставшему фактическим руководителем внешней политики королевства и одной из центральных фигур в правительстве. Каждый статс-секретарь имел свое бюро, в котором работало несколько клерков. Старшие клерки бывали обычно влиятельными людьми. Должности статс-секретарей в XVI в. в большинстве своем принадлежали трем тесно связанным между собой семьям Роберте, Лобеспинов и Нефвилей де Вильруа. Именно эти министерские династии стали первыми примерами формирования нового слоя французской знати, происходившего из высшего чиновничества.²

Эпоха религиозных войн была во многих отношениях переломной в истории Франции. Ко второй половине XVI в. относится формирование в основе своей новой социальной структуры, главной особенностью которой было наличие наряду со слоем военного и придворного дворянства самостоятельного, богатого и политически активного слоя высшего чиновничества, происходившего в большинстве своем из буржуазии, но в юридическом плане составлявшего часть второго сословия. Вместе

с тем это было время энергичного поиска новых форм и методов управления, эмпирического нащупывания тех путей выхода из социально-политического кризиса, которые привели в XVII в. к конституированию классического французского абсолютизма. Именно таков смысл нескончаемых административных преобразований Генриха III, которого иногда характеризуют как безвольного монарха, своими личными недостатками во многом способствовавшего политическому бессилию королевской власти, но который по праву может считаться одним из творцов французского абсолютизма. В его царствование не только продвинулось вперед становление института статс-секретарей, но и была создана основа организации административных секций королевского совета.

После выделения «делового совета» основному составу государственных советников оставалось вести текущие административные и финансовые дела. Судебные функции совета в это время были относительно скромными, и большую часть судебных дел оставляли на рассмотрение Большого совета. На протяжении религиозных войн финансовая секция совета несколько раз претерпевала реорганизацию, но к концу XVI в. выделилась в самостоятельную секцию, ставшую основой совета. Она называлась государственным финансовым советом. Одновременно стала расширяться юрисдикция королевского совета, что привело к оформлению самостоятельной секции для решения судебных дел, так называемого совета частных тяжб. Состав обеих секций был идентичен. В них входили государственные советники, работавшие под руководством канцлера, главы судебного ведомства и наиболее высокопоставленного гражданского чиновника королевства. Количество государственных советников не раз менялось при Генрихе III, но в итоге было зафиксировано регламентом 1584 г. Полагалось иметь тридцать три государственных советника, двадцать один из которых должны были представлять военное дворянство («государственные советники шпаги»), шестеро — церковь («государственные советники церкви») и шестеро — робу («государственные советники робы»)³. Военное дворянство сохраняло лидирующие позиции в совете. Что касается робенов, то это были обычно президенты верховных судов, в первую очередь — Парижского парламента. Правила, по которому сан государственного советника считался достоинством, несовместимым с обладанием должностью в судебном или финансовом аппарате, тогда не существовало. Лишь немногие государственные советники робы делали свои карьеры в королевском совете. Обычно их карьеры делались в верховных судах и состояли в продвижении с постов советников на посты президентов и из менее престижных судов в более престижные. Некоторые между пребыванием в долж-

² Sutherland N. M. The French secretaries of state in the age of Catherine de Medici. London, 1962.

³ Guillard R. Histoire du Conseil du Roi. Paris, 1718. P. 42.

ности советника и приобретением должности президента несколько лет служили докладчиками прошений королевского дворца. Это была специфическая коллегия высокопоставленных магистратов в годы религиозных войн насчитывавшая около 50 членов. Они заседали под председательством канцлера и рассматривали главным образом дела, связанные с владением должностями. Вместе с тем они привлекались и к работе королевского совета, готовили дела для рассмотрения на нем, а в 1553 г. были уполномочены совершать инспекционные поездки по стране с целью контроля за деятельностью местной администрации. Докладчики прошений в XVII в. стали важнейшим элементом королевского совета, и из их числа происходили почти все провинциальные интенданты и государственные советники. Однако в XVI в. они играли иную роль, являясь не столько администраторами, сколько судьями. Они формально принадлежали к составу Парижского Парламента, где занимали места ниже президентов, но выше советников. Приобретение этих должностей, конечно, позволяло магистратам войти в более тесный контакт с правительственными кругами и королевским советом, однако в XVI в. не нарушало общего стиля парламентской карьеры. Почти полное отсутствие специфических карьер в совете и возможность совмещать участие в его заседаниях с «основной работой» в верховных судах свидетельствует об отсутствии в конце XVI в. специфической социальной группы робы совета. Между робенами, служившими в совете, и магистратами верховных судов тогда не было социопрофессиональных различий. По-видимому, не было между ними и принципиальных политических расхождений. В годы религиозных войн высшее чиновничество в целом занимало royal-листные позиции, однако в его составе были многочисленные клиенты грандов, прежде всего Гизов, и по мере углубления социально-политического кризиса и компрометации династии Валуа партия католиков укрепляла свои позиции в среде парламентариев. Некоторые из них вошли даже в состав лигерского руководства в период междуцарствия 1589—1594 гг.⁴ Это руководство в свете современных исследований предстает в первую очередь как муниципальная элита Парижа, и участие в нем парламентариев может рассматриваться как показатель неполной вычлененности в этот период высшего чиновничества из буржуазной элиты. Вместе с тем сравнительный анализ отдельных категорий лигерских активистов, проведенный Р. Десимоном, показал, что период Лиги был завершающим этапом распада этого единства, что в социокультурном и политическом аспектах между высшим чиновничеством и верхушкой буржуазии была постоянно расширявшаяся трещина. К концу рели-

⁴ Descimon R. Qui étaient les Seize? Mythes et réalités de la Ligue parisienne // Mémoires de la Fédération des sociétés historiques et archéologiques de Paris et de l'Île-de-France. 1983. P. 1—304.

гиозных войн процесс формирования самостоятельного социального слоя чиновного дворянства был завершен, в то время как процесс формирования робы совета только начинался и осязаемых результатов достиг только на самом высшем уровне в лице крайне немногочисленной группы статс-секретарей.

Абсолютизм Генриха IV имел, следовательно, весьма ограниченные орудия действия.⁵ Однако в условиях относительной политической стабилизации усиление королевской власти создавало предпосылки для преобразований в сфере администрации. Царствование Генриха IV оценивается историками по-разному: для одних оно было временем торжества «умеренной монархии», соответствовавшей идеалу политических теоретиков XVI в. (например, Жана Бодена), для других — началом становления абсолютизма образца XVII в., предвосхищением реформ Ришелье и расцвета неограниченной монархии при Людовике XIV. На самом деле в политике Генриха IV наличествовали и элементы реставрации, обычного наведения порядка, причем, как предполагалось, традиционного порядка в измученной междоусобицами стране, и элементы создания новой политико-административной системы. Последняя начала постепенно складываться во второй половине XVI в. Однако царствование Генриха IV привело к значительному ускорению этого процесса, что отразилось, в частности, в истории королевского совета.

Главным было значительное укрепление в совете позиций робенов, к которым весьма резко переходит преобладание над военным дворянством и духовенством. Еще по регламенту 1585 г. они составляли в совете меньшинство. То, что этот регламент отражал реальную ситуацию при последних Валуа, видно из списка государственных советников, присутствовавших на заседаниях в 1563—1567 гг., который опубликован на основе протоколов совета Н. Валуа. На 29 дворян шпаги и 15 представителей духовенства в нем приходилось только 12 робенов, причем из 20 человек, присутствие которых зафиксировано в протоколах совета более 50 раз, только один был робеном — канцлер Лопиталь (он, естественно, посещал совет чаще всех — 196 раз). С приходом к власти Генриха IV картина сразу меняется: в списке наиболее прилежно посещавших заседания совета членов значатся имена 19 робенов, 13 военных и 4 клириков, причем наибольшей активностью отличались именно первые, особенно интенданты финансов.⁶ Новая ситуация была вскоре закреплена регламентами, из которых наиболее значительным был регламент 1628 г., отводивший

⁵ Hinrichs E. Fürstenlehre und politisches Handeln im Frankreich Heinrichs IV. Göttingen, 1969.

⁶ Valois N. Le Conseil du Roi aux XIVe, XVe et XVIe siècles. Paris, 1888. P. 188—190; 227—228.

27 мест государственных советников робенам, и по 4 — людям шпаги и церкви.⁷ После кратковременного вторжения знати совет в годы регентства Анны Австрийской и Фронды преобладание робы в совете, весьма близкое к монополии, было окончательно закреплено регламентами 1657 и 1673 гг.

Одновременно с победой робенов в административных советах они вытесняют знать и из «делового совета», который восстанавливается при Генрихе IV, но уже в новом виде. В него входят теперь наряду с королем в первую очередь министры т. е. канцлер, сюринтендант финансов и статс-секретари. Последние продолжают укреплять свое положение, в частности и в том, что касается развития их отраслевой специализации. В первые десятилетия XVII в. возникают зародыши военного министерства и важного ведомства министерства королевского дома, отдаленного предшественника министерства внутренних дел. Четвертый статс-секретарь специализируется по делам протестантской церкви, что было важным политическим и административным делом в умиротворяемой после религиозных конфликтов стране. Высшая аристократия практически не участвует в работе делового совета, если ее представители не занимают постов, позволяющих претендовать на место в нем (речь идет о посте сюринтенданта финансов, нередко замещавшегося представителями высшей знати, например, герцогом Сюлли).

Отражением возросшего влияния статс-секретарей стало появление в первой половине XVII в. особой секции совета, где они выступали основными докладчиками, — совета депеш, названного так потому, что в нем зачитывались сообщения из провинций, перепиской с которыми по-прежнему ведали статс-секретари. Наряду с деловым советом совет депеш составил группу правительственных секций, работавших обычно при личном присутствии короля или регентши. Первые упоминания о совете депеш относятся ко второму десятилетию XVII в. а его окончательное конституирование — к 1652 г.⁸

Расширение представительства робы в совете приводит к тому, что расширяется и круг робенских династий, для которых становятся типичными карьеры, ориентирующиеся в первую очередь на королевский совет. Однако эти карьеры еще, как правило, не похожи на тот стереотип, который вырабатывает несколько позднее, уже при Людовике XIII, особенно при Ришелье. Дорога в совет, если она не является традиционной парламентской карьерой, чаще всего при Генрихе IV ведет через сферу финансов. Однако постепенно становятся типичными и те, которые наряду с постом государственного советника занимают уже должности в верховных судах, даже если раньше в них служили. И то и другое является признаком постепенного

конституирования робы совета как специфической фракции высшего чиновничества. Этот переломный момент нашел отражение в анонимных докладных записках, собранных правительством Генриха IV с некоторых членов королевского совета и докладчиков прошений. Среди последних были такие, которые рассматривали свою деятельность как аналогию службы в верховных судах и главным считали подготовку дел частных лиц для обсуждения в судебной секции королевского совета. Такие люди с недовольством взирали на более или менее быстрое продвижение в королевский совет новых людей, выдвинувшихся в финансовой администрации и приносивших с собой новые взгляды и подходы, отличные от выработанных многолетней практикой верховных судов стереотипов принятия судебных решений по административным вопросам.⁹ Это недовольство является показателем чрезвычайно важного процесса: обновления человеческого материала, создаваемого абсолютизмом и создававшего абсолютизм, становления нового социального типа члена королевского совета и новой политической ментальности, отличной и от идеологии магистратов верховных судов, и тем более от представлений о политике военного дворянства и буржуа.

На поверхности большой политики эта борьба течений в королевском совете вылилась в конфликт двух его наиболее влиятельных деятелей — канцлера Бельевра и сюринтенданта финансов Сюлли. Этот конфликт хорошо изучен. Поводом к столкновению был вопрос о введении полетты (ежегодного сбора с чиновников, позволявшего им передавать свои должности по наследству), но назревал он с самого начала царствования Генриха IV. Бельевр выступал безусловным сторонником политического урегулирования и королевского абсолютизма и много сделал для укрепления новой династии, однако он мыслил будущее королевства так, как и большинство парламентариев: повседневная администрация должна осуществляться верховными судами (хотя, конечно, под общим руководством королевского совета) и в соответствии с традиционными судебными процедурами. Сюлли, который, в отличие от Бельевра, являлся более жесткому административному диктату королевских комиссаров, и солдатская решимость его преобразований в фискальной сфере, как известно, была одним из главных направлений политики Генриха IV. Именно эта линия в конце концов и победила, и конфликт закончился опалой Бельевра.¹⁰ Очевидно, что это было торжество не одного только Сюлли: это был пер-

⁷ Guillard R. Histoire du Conseil... P. 56; Mousnier R. Les éléments du Conseil du Roi sous Louis XIII. Paris, 1949. P. 85—88.

⁸ Mousnier R. La plume, la faucille et le marteau. Paris, 1970. P. 16

⁹ Paris. Bibliothèque Nationale (B. N.). Cabinet des manuscrits (C. M.). Mss. fr. 16216. P. 81—85.

¹⁰ Mousnier R. Sully et le conseil d'état et des finances // Revue d'histoire. T. 197. 1947. P. 68—86; Major J. R. Bellièvre, Sully and the assembly of notables of 1596. Philadelphia, 1974.

вый успех зарождающейся социопрофессиональной группы высшей бюрократии.

Царствование Людовика XIII было решающим в формировании этой группы. Робенский по составу совет в эти годы представляет весьма хорошие возможности для политических карьер. Регламенты стремились стабилизировать рост численности государственных советников, однако в лучшем случае время ограничивали его. В 1644 г. правительство, обеспокоенное непрерывными тяжбами советников о старшинстве, опубликовало регламент со списком совета. В нем значилось 114 человек, и то, как отмечал в своем дневнике Оливье Лефевр д'Ормессон, многие были забыты.¹¹ Около половины советников по-прежнему были одновременно магистратами верховных судов, как президентами, так иногда и советниками, в последнем случае — чаще всего Парламента. Некоторые попадали в совет, даже будучи генеральными лейтенантами президентальных судов, бальяжей и сенешальств и выполняя одновременно ответственные поручения правительства. Некоторым дорога в совет была расчищена их верностью правительству в годы гражданских смут, когда от позиции руководителя трибунала среднего звена порой зависел исход политической борьбы в том или ином провинциальном городе. Впрочем, провинциальных чиновников в совете насчитывалось немного. Неоколо половины государственных советников сделали регулярные карьеры в совете. Это стало возможным благодаря постепенной эволюции института докладчиков прошений.

Этот последний на протяжении первой половины XVII в. значительно вырос численно и в начале самостоятельного правления Людовика XIV насчитывал уже 80 человек. При Генрихе IV и особенно при Людовике XIII докладчики прошений все шире привлекаются к работе в совете и постепенно получают право присутствовать на его заседаниях, где они стояли за креслами государственных советников, опираясь на их спины, а затем и участвовать в обсуждении и голосовании. Конечно, они допускаются только в административные секции совета, но и подавляющее большинство государственных советников не участвуют в работе политических секций, где заседают представители министерств. В результате из полусамостоятельных корпораций, принадлежавшей к составу Парламента и работавшей при совете, докладчики прошений превращаются в часть аппарата королевского совета, выступая в качестве его младших членов.

Одновременно получает развитие институт провинциальных интендантов. И для современников, и для историков XIX в. он являлся своеобразным символом королевского абсолютизма.

В настоящее время его становление рассматривается в историко-графическом как наиболее значительный рубеж на пути формирования абсолютной монархии.¹² В последние годы происхождение этого института получило новое освещение в работах М. Антуана. Можно считать, что появление первых интендантов провинций относится к середине XVI в. (к правлению Генриха II), когда правительство стало прикомандировывать к губернаторам провинций судебных и финансовых чиновников для участия в работе их советов и организации технической работы по фискальным и административным вопросам.¹³ В годы религиозных войн развитие института происходило довольно медленно, а при Генрихе IV получило новый толчок благодаря политике реформ в финансовой администрации, в ходе которых королевские комиссары побывали почти во всех французских провинциях. Однако постоянных интендантов в провинциях было мало. Они стали распространяться только после вступления Франции в Тридцатилетнюю войну в 1635 г., когда в условиях военного времени налоговый пресс резко усилился и распространилось широкое недовольство правительством, выразившееся как в хорошо известной волне народных движений, так и в оппозиционных, иногда открыто нарушающих правительственные распоряжения, иногда тихо обходящих их мероприятиях местного чиновничества. Между королевской властью и ее собственным аппаратом, в том числе и чиновничеством верховных судов, назревал конфликт. Это было результатом выбора, сделанного монархией при Генрихе IV. Курс на централизацию и новые административные, а не судебные формы принятия решений делал этот конфликт неизбежным. После борьбы Сюлли и Бельевера в высших политических сферах еще не раз вспыхивали конфликты за пути развития монархии, и наиболее значительным из них была «великая буря», т. е. затянувшееся на несколько лет соперничество первого министра Людовика XIII кардинала Ришелье с хранителем печатей Мишелем де Мабильяком, которое завершилось после знаменитого «дня одурения» 1630 г. опалой последнего и торжеством курса на конфронтацию с империей Габсбургов ценой усиления налогового пресса и борьбы с недовольством внутри страны. В этих условиях правительству требовались новые постоянные представители на местах, которые могли заменить в качестве проводников политики короны в провинциях как верховные суды, так и родственные им финансовые бюро казначеев Франции (на по-

¹¹ Ormesson O. Lefèvre d'. Journal / P. p. A. Cheruel. Paris, 1860. Т. 1. P. 176—177.

¹² Bonney R. Political change in France under Richelieu and Mazarin. Oxford, 1978.

¹³ Antoine M. 1) Institutions françaises en Italie sous le règne de Henri II: gouverneurs et intendants // Mélanges de l'École française de Rome: Moyen Age — Temps Modernes. 1982. T. 94. N. 2. P. 759—818; 2) Genèse de l'institution des intendants // Journal des savants. 1982, juil. — dec. P. 283—317.

следние в 20-е годы главным образом опирались правитель-
ство). Интенданты 20—30-х годов иногда бывали парвеню, вы-
двинувшимися благодаря не всегда достойной службе Ришелье,
или его приближенным. Такие люди обеспечили первым интен-
дантам печальную славу заплочных дел мастеров, приспешни-
ков деспотизма (подобных нарисованному пером Альфре-
де Виньи Лобардемону). На деле картина была гораздо более
сложной. Многие интенданты были советниками верховных су-
дов, безусловно, лояльными к правительству, но очень медлен-
но усваивавшими необратимость происходящих изменений в го-
сударственном строе, т. е. неизбежность повышения налогов
укрепления государственного аппарата. Не сразу утвердилась
в сознании государственных деятелей (не исключая и самого
Ришелье) и мысль о неизбежности структурных изменений
государственном аппарате, в частности, о том, что распростра-
нившимся по всем провинциям интендантам суждено до само-
конца Старого порядка оставаться центральным элементом
административной машины абсолютизма. Политические пере-
мены, происшедшие во Франции в третьем и четвертом десяти-
летиях XVII в., не имели ничего общего с сознательным и целена-
правленным государственным строительством. Как и ранее,
речь шла только об эмпирическом поиске новых, осознававших
как временные, приемов управления для условий, когда старые
законные формы оказались неэффективными. Но эта неосозна-
тельность не означала случайности. Трудно сказать, имело ли пра-
вительство реальную возможность сделать иной выбор, чем то
который сделало, но очевидно, что его естественное стремление
состояло в том, чтобы стать более сильным, и социально-поли-
тическая эволюция общества способствовала этому.

Это означало, что институт интендантов должен был по-
ложить прочную основу кадров, которые готовились бы специфич-
еским образом. Их школа, разумеется, должна была давать
представление о функционировании традиционных органов
суда и администрации (в первую очередь парламентов), а также
и о работе королевского совета. Она должна была давать
навыки как судьи, так и финансового администратора. На-
конец люди, назначаемые на интендантские посты, должны
были видеть перед собой перспективу иной политической карьеры,
чем та, которую предлагали парламенты. Это было важно, что
интенданты находились на местах в состоянии борьбы с парламентами.

Поэтому источником кадров интендантов становится
Ришелье коллегия докладчиков прошений. Она была близка
магистратов верховных судов к королевскому совету, а ее эво-
люция усилила эту близость. Несколько лет службы в совете
давали докладчику прошений достаточное знание центральной
администрации и позволяли проверить его деловые качества
предшествующая этому служба (более или менее кратковре-

менная) в верховных судах давала знакомство с регулярной
администрацией и судебной системой королевства. Должности
докладчиков прошений были продажными, однако правитель-
ство контролировало сделки и допускало в совет только тех,
чья лояльность была доказана в верховных судах, а также и
тех, порукой лояльности которых могла служить фамильная
традиция службы в королевском совете. Таким образом, пер-
вичный отбор, почти всегда безошибочный, осуществлялся уже
на этапе поступления в докладчики прошений. Его эффектив-
ности способствовало и то, что служба в совете имела свою
репутацию, и в глазах магистратов верховных судов эта репу-
тация не всегда была безупречной. От тех, кто домогался раз-
решения купить должность докладчика, ожидалось, что они
с готовностью примут групповые ценности, вырабатывавшиеся
в среде королевского совета. Для высшего французского чинов-
ничества вообще было характерным сохранять верность от по-
коления к поколению одному и тому же трибуналу. Королев-
ский совет тоже начинает выступать в качестве своеобразного
трибунала, в котором формируются свои династии, образующие
ядро, а новые члены быстро пропитываются его духом. Уже в
20-е годы XVII в. члены совета демонстрируют вполне разви-
тое групповое самосознание, которое, как это было обычно,
проявляется в первую очередь в тяжбах о первенстве по чести
с парламентом (об одной из таких тяжб сохранилась неопуб-
ликованная записка президента парламента и государственного
советника Николя де Бельевра, сына канцлера).¹⁴ Для второй
четверти XVII в. типичной становится следующая карьера:
советник Парламента — докладчик прошений — интендант про-
винций — государственный советник. Появление карьер, ориен-
тирующихся почти исключительно на продвижение в пределах
аппарата королевского совета, относится еще к XVI в., но
тогда возможности были гораздо более ограниченными, и от-
дельные люди, прошедшие этим путем, еще не образовывали
среды. На протяжении первой половины XVII в. эта среда воз-
никает, и к середине столетия в совете нередко служат не
только сыновья, но и внуки и даже правнуки членов совета.
Добавим, что должность докладчика приобретали обычно в
сравнительно молодом возрасте. Регламент 1598 г. запрещал
принимать докладчиком прошений не достигших тридцати двух
лет, однако на практике часто встречались исключения, и дети
влиятельных отцов (в первую очередь членов совета) обычно
попадали в совет до тридцати, а нередко и до двадцати пяти
лет. Вместе с семейной традицией, весьма сильной в роенских
династиях, это способствовало принятию групповых ценностей
в совете. Поэтому английский исследователь Р. Бонни спра-
ведливо отмечает, что к середине XVII в. в политической мен-

¹⁴ B. N., C. M. Mss. fr. 18415. P. 18.

тальности интендантов провинций намечается существенный перелом: они становятся людьми, вполне принимающими экстраординарную и казавшуюся поначалу вынужденной и временной систему администрации, установившуюся во Франции в годы Тридцатилетней войны.¹⁵ К сожалению, именно политическая ментальность членов новой администрации изучена меньше всего (ей посвящена лишь глава в работе Р. Бонни).

Вместе с тем не следует недооценивать и значения другого факта. Возникшая роба совета оставалась частью высшего чиновничества, в экономическом, социальном и культурном плане не слишком отличавшейся от среды магистратов верховных судов. Они создавали специфическую группу внутри этого слоя, но отнюдь не были изолированы от него. В одних и тех же семьях обычно встречались и члены совета, и магистраты верховных судов, и одни и те же персонажи часто несколько раз переходили из одной категории в другую на протяжении своей карьеры. В тех групповых ценностях, о которых шла речь выше, многое было именно корпоративным, а не принципиально политическим. Следует помнить, что мы имеем дело с обществом, для которого характерен так называемый партикуляристский тип создания. Иными словами, корпоративные предрассудки в нем нередко заслоняли или, по крайней мере, значительно изменяли общеполитические, социальные и другие идеи. Баланс был более сложным, чем иногда считают исследователи. Нельзя говорить, что мы имеем дело с единым социальным слоем высшего чиновничества, оппозиция внутри которого между робой совета и магистратами верховных судов носила чисто политический характер.¹⁶ Члены совета составляли, конечно, не изолированную от высшего чиновничества целую, но все же свою отдельную социальную среду, а их противостояние по политическим вопросам с парламентами было далеко не абсолютным и к тому же носило черты корпоративного соперничества. И все же даже с этими оговорками нельзя не признать чрезвычайно важного значения совершившегося факта: создание социальной группы робы совета было необходимым шагом на пути формирования абсолютной монархии. Главный этап этого пути был пройден при Ришелье и Мазарини. К этому времени относится и завершение в основных чертах формирования данной социальной группы. Окончательно она складывается во второй половине XVII в. в период самостоятельного правления Людовика XIV.

Прежде чем охарактеризовать высшую бюрократию в период ее наивысшего расцвета, следует сказать несколько слов о развитии королевского совета как учреждения. В наполнен-

ные драматическими коллизиями годы правления двух кардиналов-министров его структура в основе осталась прежней, однако административная активность, что и естественно, значительно увеличилась. Уже начиная с эпохи религиозных войн в совет все чаще начинают отзывать из обычных трибуналов судебные процессы, в которых прямо или косвенно оказывается заинтересованная корона. Это воспринимается как злоупотребление, к пресечению которого стремились принять меры уже Генрих IV и Сюлли. По мере втягивания короны в конфликт с парламентами количество таких отозваний дел (эвокаций) стремительно возрастало. Огромный рост работы совета был, по-видимому, главным фактором в его истории в середине XVII в. Коллегиальность в обсуждении и принятии решений в этих условиях обычно подменялась решением по докладу рассматривавшего дело члена совета, который, впрочем, предварительно должен был обсудить его в специализированном бюро совета, где заседали несколько государственных советников и докладчиков прошений. Расширение юрисдикции совета, развивавшееся параллельно становлению института интендантов, также означало укрепление абсолютизма и обострение конфликта королевского совета с верховными судами.

Наконец, важным аспектом эволюции центральной администрации в первой половине — середине XVII в. было дальнейшее развитие института статс-секретарей, и в первую очередь становление в 30—40-е годы могущественного военного министерства, что было связано главным образом с деятельностью Сюбле де Нуайе и Мишеля Летелье, создавших при Ришелье и Мазарини основы армии нового образца, необходимой опоры развивающегося абсолютизма.

Кризис Фронды лишь на время поставил под сомнение необратимость происшедших во Франции политических перемен. Временное (и весьма частичное) усиление влияния знати в совете и отозвание интендантов из большинства провинций по требованию верховных судов не остановили дальнейшего развития абсолютизма. После подавления Фронды институт интендантов был восстановлен, а королевский совет реформирован. Регламент 1657 г. предусматривал наличие в составе последнего 24 государственных советников робы, трех — шпаги и трех — церкви. По регламенту 1673 г. число мест для робенов было увеличено до 27, но вскоре государственных советников стало 30. Эта цифра сохранялась неизменной до самой революции, ибо Людовик XIV и его преемники — в отличие от предшественников — не допускали расширения совета сверх установленной регламентами нормы.

Прекратился и количественный рост корпорации докладчиков прошений. В ее истории середина XVII в. отмечена окончательным разрывом с традициями верховных судов и слиянием с королевским советом. Сразу же после смерти Ришелье

¹⁵ Bonney R. Political change... P. 131.

¹⁶ Antoine M. Le Conseil du Roi sous le règne de Louis XV. Paris, 1970. P. 270—271; Mousnier R. Le Conseil du Roi de Louis XII à la Révolution. Paris, 1970. P. 331.

корпорация была охвачена антиправительственным движением, яркие сцены которого запечатлены в «Мемуарах» Оливье Лефевра д'Ормессона.¹⁷ Поводом для недовольства было ущемление правительством регентши некоторых материальных интересов докладчиков прошений. Особое недовольство вызывал проект создания новых должностей докладчиков, что вело к понижению цены на старые. В итоге в 1648 г. докладчики прошений временно оказались в лагере столичных магистратов и приняли участие во Фронде. Однако их корпоративные требования были удовлетворены правительством, и в дальнейшем докладчики не выступали против него. Более того, на них во многом опиралось правительство, восстанавливая в 50-е годы институт провинциальных интендантов. Этому благоприятствовал формальный момент: докладчики по традиции имели право на инспекционные поездки в провинции, что послужило юридическим предлогом восстановления интендантов (характерно, что за последними надолго закрепился связанный с этой функцией титул «комиссаров, направленных в провинции»). После Фронды интендантами назначаются почти исключительно докладчики прошений. Корпорация вскоре проникается сознанием своей формальной монополии на провинциальные интендантства, и иногда, если интенданты назначались не из числа ее членов, она подавала «почтительные протесты», отстаивая свои привилегии.¹⁸ Но это уже бесконечно далеко от Фронды. Докладчики видят теперь главное преимущество своей должности в возможности карьеры в аппарате королевского совета. В этом плане противоположность между магистратами верховных судов и докладчиками прошений вполне осознавалась современниками прошений, причем 12 из них — это сыновья статс-секретарей. Если для первых была характерна удовлетворенность своим статусом (*amour de son état*),¹⁹ то относительно вторых — нет. Знаменитый канцлер XVIII в. д'Агессо замечал, что докладчики становятся лишь для того, чтобы перестать им быть (т. е. чтобы получить более высокий пост).²⁰ Укрепление связей докладчиков с королевским советом сказалось в том, что за редкими исключениями почти все государственные советники второй половины XVII—XVIII вв. выходили из рядов этой корпорации.

Серьезная реорганизация системы советов произошла с началом личного правления Людовика XIV. После ареста сюринтенданта финансов был упразднен, и верховное управление ими было сосредоточено во вновь созданном королевском финансовом совете. Заседавший под председательством короля, он вместе с верховным советом²¹ и советом де-пеш составил группу политических советов. Структура административных советов осталась поначалу без изменений, если не считать значительного упорядочения их работы, осуществленного в первую очередь канцлером Летелье. Но к концу XVII в. государственный финансовый совет постепенно утратил значение и, по-видимому, перестал созываться, а его функции были разделены между королевским финансовым советом и так называемой «большой дирекцией», т. е. комиссией финансовых чиновников несколько более узкого состава. Центральным органом финансового управления наряду с королевским финансовым советом при Людовике XIV становится генеральный контролер (министерство) финансов. Начиная с Кольбера генеральными контролерами финансов обычно бывали наиболее влиятельные фигуры в правительстве. Наконец, при Людовике XIV возникает еще одно отраслевое министерство — морское, созданное Жаном-Батистом Кольбером.

Перейдем теперь к характеристике высшей бюрократии классического периода в истории французского абсолютизма — периода самостоятельного правления Людовика XIV (1661—1715 гг.).²² К этому времени карьеры членов королевского совета становятся почти совершенно единообразными. Из 388 роменов, входивших в совет в эти годы, только 43 не были докладчиками прошений. В этом отношении они совершенно единообразны. Из 388 роменов, входивших в совет в эти годы, только 43 не были докладчиками прошений. В этом отношении они совершенно единообразны.

Из 388 роменов, входивших в совет в эти годы, только 43 не были докладчиками прошений. В этом отношении они совершенно единообразны. Из 388 роменов, входивших в совет в эти годы, только 43 не были докладчиками прошений. В этом отношении они совершенно единообразны.

¹⁷ Ormesson O. Lefèvre d'. Journal... T. I. P. 154—155; 166; 168.

¹⁸ Например, ремонстрация 1717 г.: B. N., C. M. Mss. fr. 7013. P. 558—566.

¹⁹ Bluche F. Les magistrats du Parlement de Paris au XVIIIe siècle. Besançon, 1960. P. 259.

²⁰ Aguesseau H. F. d'. Discours sur la vie et la mort, le caractère et les mœurs de M. d'Aguesseau, conseiller d'État: Château de Fresne. 1720 (Sic!). P. 15.

²¹ Так стал называться бывший деловой совет. В XVIII в. его обычно называли государственным советом.

²² Этот анализ является результатом историко-социологической анкеты членов королевского совета при Людовике XIV, основанной на их генеалогическом и хронографическом изучении. Источниками явились генеалогические словари XVII—XVIII вв., генеалогические коллекции Национальной библиотеки в Париже, нотариальные акты и другие архивные документы.

единственными представителями своей семьи в совете между 1661 и 1715 гг., имели в нем близких родственников непосредственно до и после этих дат. Наконец, для многих традиций службы в совете передавалась по материнской линии или приобреталась путем включения в существующую семью робы совета с помощью брака. Наследственность робенской профессии вообще и службы в совете в частности видна из следующих цифр: каждый второй член совета Людовика XIV был внуком робена, и каждый четвертый — внуком члена совета, а среди их отцов 69,1% принадлежали к робе и 42,7% — к робе совета. Деды по матери были робенами на 42,1% и членами совета — на 15,4, а для тестей соответствующие показатели составляли 54,5 и 22,4%. Эти цифры нуждаются в следующих комментариях. Во-первых, при сравнении показателей попарно для деда по отцу и по матери и для отцов и тестей легко заметить, что представители отцовских семей во всех случаях оказываются более тесно связанными с высшим чиновничеством вообще, робой совета в частности, чем те семьи, с которыми их связывают матримониальные узы. Это важно, поскольку позволяет опровергнуть наблюдение видного знатока французского чиновничества XVII в. Д. Рише, который подчеркивал преобладающую роль для исследуемой социальной группы связей по женской линии.²³ Во-вторых, необходимо представить себе сравнительную численность групп высшего чиновничества в целом в Франции и членов королевского совета в частности. Состав последнего для XVII в. может быть определен примерно в 100–150 человек, в то время как в верховных судах королевства служило примерно 2,5 тыс. магистратов. Группа из нескольких десятков человек, разумеется, должна была черпать пополнение и заключать браки в соседних социальных группах. Вместе с тем нельзя не отметить значение того факта, что при Людовике XIV сын члена совета имел приблизительно в двадцать раз больше шансов стать членом совета, чем сын магистрата верховного суда, а дочь члена совета имела в десять раз больше шансов выйти замуж за члена совета, чем дочь магистрата верховного суда. Совершенно очевидно, что роба совета была достаточно четко выделенной социальной группой, хотя и тесно связанной с магистратами верховных судов.

В то же время эта группа не была закрыта для притока извне, не только из рядов робы, но и из среднего чиновничества, адвокатов и особенно финансистов. На наш взгляд, можно говорить об установлении при Людовике XIV своего рода оптимального баланса преемственности и обновления робы совета.

Новых людей в составе робы совета Людовика XIV было по разным критериям от одной пятой до одной четвертой част

²³ Richet D. La formation des grands serviteurs de l'État // L'A N 65. 1971. P. 54–55.

именно в этих пределах находятся показатели для дворян в первом поколении, парижан в первом поколении, робенов в первом поколении и т. д. Динамика пополнения совета свидетельствует, что аристократичность его комплектования несколько повышается от старшего поколения к младшему: так, среди членов совета поколения 1661 г. было 67,2% сыновей робенов и 37,9% сыновей членов совета, а в числе пришедших в совет между 1690 и 1715 гг. — соответственно 73% и 49,6%. Еще ошутимее постепенное «удревнение» робы по мере приближения к концу царствования Людовика XIV. Если в поколении 1661 г. 29,3% были робенами в первом поколении и 17,2% — в четвертом поколении и более, то в поколении 1690–1715 гг. соответствующие показатели составляют 20,9 и 47%. В последнем случае, однако, мы имеем дело не столько с переориентацией при пополнении совета на другие социальные группы, сколько с постепенным старением основного ядра чиновных династий, пополнявших совет. Во всяком случае даже в конце XVII в. по крайней мере каждый пятый член совета был новым человеком в среде высшего чиновничества. Пополнялась роба совета в основном за счет выходцев из среднего чиновничества, адвокатов и финансистов, причем в конце XVII — начале XVIII вв. в этой группе прочного преобладания достигают именно финансисты, из среды которых выходит более половины всех семей, впервые пришедших в робу. Возвышения из буржуазных слоев на протяжении одного поколения были редки (25 из 235 семей перешли в робу из буржуазии на протяжении одного поколения), а из народа — исключительны. Среди 388 членов королевского совета при Людовике XIV только один, Дени Марен, интендант финансов, женившийся вторым браком на родственнице Кольбера, был сыном ремесленника, и только двое, его сыновья, — внуками ремесленника. XVII в. не был временем стремительных индивидуальных карьер. Социальное возвышение происходило постепенно, на протяжении ряда поколений. Сначала семья добивалась видного положения в городе, богатели за счет торговых операций, затем занималась банковскими аферами и вовлекалась в финансы, приобретала аноблирующую должность королевского секретаря, заручалась деловыми связями, затем проникала в ряды чиновников верховных судов и наконец — в среду королевского совета. Как правило, этот путь занимал не менее четырех-пяти поколений. Особенно детально мы представляем этот путь благодаря исследованию Ж.-Л. Буржона о семье Кольберов.²⁴ К этому хорошо известному обстоятельству следует добавить немаловажный штрих: роль мужской гипергамии в социальном возвышении семей. По нашим данным, отцы членов королевского совета, сами вышедшие из семей робенов, в 62% случаев нашли жен в среде

²⁴ Bourgeon J.-L. Les Colbert avant Colbert. Paris, 1973.

высшего чиновничества, а те, кто вышел из семей среднего чиновничества, адвокатов и финансистов, заключали браки в своей среде лишь в 41,9% случаев, а в 34,9% случаев — в среде робены. Аналогичны показатели для самих членов совета. Сыновья робены женился в трех случаях из пяти на дочери робены, а сыновья финансиста и среднего чиновника женился на девушке из своей среды в 34,7% случаев и в 44,2% случаев — на дочерях высшего чиновничества. Эти цифры примечательны, в частности, потому что показывают некоторую односторонность вывода крупнейшего знатока французского абсолютизма Р. Мунье о том, что для иерархического общества XVIII в. типичной была только женская гипергамия. Целиком соглашаясь с Мунье в том, что социальный статус передавался по наследству преимущественно по мужской линии и что женская гипергамия не означала слияния социальных групп, мы считаем необходимым уточнить, что браки в нижестоящей социальной среде были возможны для мужчин преимущественно в случае сохранения ими родительского социального статуса, в то время как мужская гипергамия была типична для семей, находившихся в процессе социального возвышения. Применительно к таким случаям можно признать правоту Д. Рише. Социальный статус здесь действительно передавался по женской линии.

По своему имущественному положению члены королевского совета принадлежали к наиболее обеспеченным группам французского общества Старого порядка. Анализ брачных контрактов показывает, что обычно состояние молодой семьи в этой среде насчитывало от 500 до 800 тыс. ливров. На момент смерти, судя по посмертным инвентарям и разделам имущества, это состояние возрастало обычно примерно вдвое и равнялось 1—1,5 млн. Разумеется, встречались разнообразные отклонения от этих цифр. Однако все члены совета были достаточно богаты, а члены влиятельных министерских династий располагали нередко 2—3 млн. ливров. Состояние Кольбера по-видимому, превышало 6 млн. Средние состояния членов совета уступали богатствам герцогов и пэров,²⁵ равно как и фантастическим состояниям богатейших финансистов. Но «рядовым» представителям финансовой элиты члены совета не уступали.²⁶ Судя по известным примерам, состояниями такого же порядка обладали и богатые парламентарии.²⁷ Остальные группы населения были существенно беднее.

Что касается структуры состояний высшей бюрократии, то они включали обычно земли, дома, должности, «портфель

²⁵ Labatut J.-P. Les ducs et pairs de France au XVIIe siècle. Paris 1972. P. 248; 257—269.

²⁶ Среднее состояние генеральных откупщиков в начале XVIII в. можно оценить приблизительно в полтора миллиона ливров. См.: Dessert D. Argent, pouvoir et société au grand siècle. Paris, 1984. P. 124.

²⁷ Bluche F. Les magistrats... P. 150.

(ренды и всевозможные долговые обязательства) и движимость. Последняя, по-видимому, обычно оценивалась в 50—100 тыс. ливров, что по тем временам означало весьма высокий жизненный стандарт. Члены совета нередко жили в собственных особняках («отелях», как говорили в XVII в.), которые были обставлены по последней моде, с большим штатом прислуги, имели лошадей и экипажи, устраивали приемы, выезжали в загородные резиденции (мало у кого в повседневном быту сказывались традиции буржуазной расчетливости). Однако доля земель в их состояниях, по-видимому, была несколько ниже, чем у высшей знати (редко превышала треть). Как правило, сеньории сдавались на откуп. Большая часть их была расположена на территории Парижского бассейна. Главное место в доходах с земель, по-видимому, занимали поступления от фермерской аренды. Иными словами, землевладение высшей бюрократии уже не было чисто феодальным — как, впрочем, и вообще дворянское землевладение в эту эпоху. Главное место во многих состояниях занимали государственные и частные ренты. Огромную роль для членов совета играли и доходы от королевской службы: жалование по должности, надбавки за работу в бюро совета или за службу интендантами, пенсии, разовые вознаграждения и т. д. Нередко государственные советники и интенданты, не говоря уже о министрах, получали от королевской службы 20—30 тыс. ливров в год, а иногда и больше. Это резко отличало их от большинства магистратов верховных судов, для которых королевская служба была второстепенным источником доходов.²⁸ Однако служба в совете обычно не приводила к скандальным обогащениям. Материальное благосостояние высшей бюрократии характеризовалось скорее стабильностью, чем стремительным ростом.

Особое значение для понимания природы высшей бюрократии имеет анализ ее внутренней структуры. Главной формой организации ее «социальной материи» были родственные кланы. Благодаря наличию в большинстве семей большого количества детей матримониальные связи были весьма тесными внутри этой группы, и, как правило, все неформальные отношения (дружба, деловые связи и т. д.) рано или поздно приводили к установлению между семьями родственных связей. К поддержанию родственных связей относились со всей серьезностью. Считалось не только допустимым, но и вполне естественным и даже похвальным заботиться о продвижении по службе даже дальних родственников. По-видимому, в поддержании родственных связей особую роль играли женщины: известно, например, письмо Кольбера брату, извещающее о смерти их матери, в котором министр, в частности, вспоминал с благодарностью ее роль в сохранении единства многочисленного клана Кольбе-

²⁸ Ibid. P. 233.

ров.²⁹ Непотизм в среде высшей бюрократии был обычным явлением. Хорошо известны примеры династий, выдвигавшихся вслед за успехом одного из своих сочленов на видные государственные должности. Широко вывелись «в люди» своими родичей кардинал Ришелье, Кольбер, Летелье, Понтшартрен и другие министры французских королей. Административная репрессия буквально пестрит письмами младших родственников преуспевающим старшим с настойчивыми просьбами не забывать о тех или иных их потребностях, в первую очередь в связи с вакансиями, открывающимися либо в королевском совете, либо в других высших административных органах. Очень любопытный материал в этом плане дают мемуары Николя-Жозефа Фуко, интенданта ряда провинций и государственного советника, который подробно рассказывает, как получал он и иные назначения, как, в частности, многократно просил своего родственника и друга, генерального контролера финансов Мишеля Шамийяра, обеспечить ему пост государственного советника и комиссию интенданта — его сыну.³⁰ В мемуарах Оливье Лефевра д'Ормессона любые комментарии по поводу того или иного административного перемещения неизбежно сводятся к тому, кто из министров или влиятельных государственных советников добился у короля милости для своего родича.³¹ Таких примеров много. Вместе с тем необходимо отметить, что протекция «работала» только при том условии, если протеже удовлетворял требованиям, предъявляемым к кандидату на ту или иную должность. Для 388 членов королевского совета при Людовике XIV нами были рассчитаны коэффициенты зависимости между их социальным происхождением и успешными карьерами. Государственными советниками и министрами несколько чаще становились сыновья, внуки и зятья членов совета, нежели выходцы из среды магистратов верховных судов и нижестоящих социальных групп, однако разница составляла всего несколько процентов. Исходя из того, что родственные связи в нормальном случае учитывались при решении вопроса об административных назначениях, можно было бы ожидать гораздо большей разницы. Вывод очевиден: деловые качества и деловые связи, приобретенные в ходе карьеры, были важным фактором при назначениях на высшие административные должности. Родственные связи были весьма полезным, но далеко не достаточным условием большой карьеры. Вместе с тем это не значит, что деловые качества противопоставлялись в качестве фактора карьеры семейным связям: они дополняли

друг друга. По форме назначение было обеспечено протекцией, как правило, возможно было оказать только протекцию, кто по групповой оценке был достоин ее. Те, кто по личным качествам не подходил для службы в высшей администрации, рано или поздно оказывались выброшенными из системы. Даже влияния Кольбера не хватило для того, чтобы сохранить в совете его близкого родича Мишеля Кольбера, который не то проворовался, не то по халатности оказался повинен в расхищении армейскими поставщиками казенных средств. Другой пример дает известный поэт Филипп-Эммануэль де Куланж, автор ряда сборников легких, изящных и иронических стихов, пользовавшихся большим успехом в обществе его близкой родственницы мадам де Севинье. Этот человек, сибарит и остроумец, никак не подходил для трудоемкой работы провинциального интенданта и ответственного поста государственного советника и, несмотря на тесные родственные связи в среде робы совета, сделал только самую посредственную карьеру: вышел в отставку после нескольких лет службы подкладчиком прошений. При такой системе высокая профессиональная квалификация членов совета вполне уживалась с разлитым протекционизмом, а сохранение возможности для новых людей попасть в совет обеспечивало пополнение его подходящими кадрами из соседних социальных групп.

Семейные связи не исчерпывали всех видов связей между членами совета, хотя и являлись главными среди них и нередко укрепляли другие виды связей. Из остальных, по-видимому, наиболее важными можно считать те, которые рождались в совместном участии в финансовых операциях. В последние годы появилась точка зрения о том, что высшее общество Франции было втайне теснейшими узами связано с миром финансистов, которых оно частным порядком субсидировало и тем самым косвенно принимало участие в кредитовании государства и, естественно, в его финансовой эксплуатации.³² Эта точка зрения представляется значительно преувеличенной и тем не менее во многом отражает социальную реальность. В частности, члены королевского совета были действительно тесно связаны с финансистами. Одни вышли из семей финансистов, другие женились на их наследницах, а некоторые (правда, таких было немного) сами на том или ином этапе своей карьеры подвизались в финансах. Еще раз сошлемся на пример Жана-Батиста Кольбера, который, как известно, до сорока трех лет был обычным финансистом, пока не вошел в королевский совет сначала в качестве интенданта финансов, а затем в качестве государственного министра, статс-секретаря и генерального контролера финансов. Естественно, что эти люди, даже если с приходом в королевский совет их реальное участие в финансовых аферах пре-

²⁹ Colbert J.-B. Lettres, instructions et mémoires / P. p. P. Clement. Paris, 1861—1872. T. VII. P. 108.

³⁰ Foucault N.-J. Mémoires / P. p. F. Baudry. Paris, 1862. P. 307; 363.

³¹ Cheruel A. De l'administration de Louis XIV d'après les Mémoires d'Olivier Lefèvre d'Ormesson. Paris, 1850. P. 66.

³² Dessert D. Argent...

крашалось, все же сохраняли связи с миром финансистов. Да-
тех же, кто занимал должности генеральных контролеров и ин-
тендантов финансов, подобные связи считались необходимыми.
они облегчали мобилизацию кредита, ибо система государствен-
ных финансов до конца Старого порядка базировалась на
частноправовых основаниях. Поэтому все без исключения «чи-
фы» финансового ведомства обзаводились (если не имели
заранее) целыми «командами» собственных финансистов.
Нередко между такими лобби вспыхивали ожесточенные бо-
и самым известным, безусловно, является многолетнее сопер-
чество Кольбера и Фуке в последний период правления карди-
нала Мазарини, разрешившееся трагической развязкой: суде-
ным процессом над несколькими десятками финансистов груп-
пы Фуке, происходившим при самом беззастенчивом давлении
со стороны приверженцев Кольбера и приведшим большинство
обвиняемых к полному разорению, а самого поверженного сю-
интенданта финансов — в крепость Пиньероль, где он прове-
л в заточении последние двадцать лет жизни. Но победонос-
лобби Кольбера отнюдь не было единственным объединение
такого типа. После смерти Кольбера его клиентеллу во мно-
госледовали Понтшартрены, вокруг которых также сложил-
«экип» богатых дельцов, прославившихся главным образо-
м активным участием в колониальных мероприятиях правитель-
ства. Примером может служить Ноэль Леспин Даникан, бр-
тонский арматор, ставший одной из ключевых фигур в финан-
совом мире начала XVIII в. и закончивший жизнь в почетно-
сане мэтра Счетной палаты. Аналогичные группировки финан-
систов играли в XVIII в. огромную роль в политической жизни
страны. Кружок Понтшартренов был связан с политической
партией герцога Бургундского, пожалуй, самой мощной придвор-
ной группировкой в последние годы правления Короля-
Солнца.³³ В середине столетия финансисты достигли зенита
своего могущества благодаря широко известной фаворитке Лю-
довика XV маркизе де Помпадур, жене крупнейшего финан-
систа из клана де Пари, который многие годы занимал цен-
ральные позиции в системе принятия решений в политических
и финансовой сферах. Связь правительственных кругов с фи-
нансистами была очень прочной, и это усиливало клановое
политической системы. Партии базировались не только на кор-
стных, но и деловых связях, особенно часто ведущих через
сферу финансов. А наследники многих влиятельных финан-
систов уже становились членами совета. Кольбер и кольтерти-
привели в совет многих сыновей своих финансистов, в част-
сти уже упоминавшегося Фуко или наследников Луи Бери-
семья которого недавно была тщательно изучена Ф. Дорн-
ом.³⁴ Попал в королевский совет и сын клиента Понтшартре-
ов Леспина Даникана, и сын богатейшего человека Франции
начала XVIII в. и опоры партии герцога Бургундского Са-
ноэля Бернара, и младший брат второго по значению финан-
сового дельца Антуана Кроза, и многие другие. Основной фор-
той организации власти за кулисами королевского совета были
политико-финансовые лобби, которые включали в себя пред-
ставителей всех фракций элиты. Еще раз обратимся к партии
герцога Бургундского. Она возглавлялась самим герцогом, кото-
рый приходился внуком Людовику XIV и после смерти своего
отца, дофина Людовика, стал престолонаследником. Подлин-
ной душой партии были два видных аристократа герцога Бо-
илье и Шеврез, причем первый из них сам входил в королев-
ский совет в качестве государственного министра и «шефа» ко-
ролевского финансового совета (он, разумеется, не принадле-
жал к робе совета, ибо был военным дворянином, «человеком
плаги»). Оба герцога приходились зятями Кольберу и родней
его племяннику, маркизу Торси, занимавшему в эти годы пост
тат-секретаря иностранных дел. Идеями вдохновителями
партии были знаменитый мемуарист герцог Сен-Симон и вид-
ный деятель галликанской церкви архиепископ Фенелон. К ней
принадлежали некоторые члены совета и крупные финансисты.
имевшие сторонников, зачастую весьма влиятельных, в при-
ворных сферах, финансовую опору среди генеральных откуп-
щиков и генеральных сборщиков финансов, реальных админи-
стративных лидеров или хотя бы представителей в правитель-
стве в лице министров и государственных советников, эти лоб-
бисты были важнейшим элементом политической системы абсолю-
тистской Франции, одним из главных зубчатых колес в меха-
низме принятия решений.

Таков в целом групповой портрет высшей бюрократии во
Франции Людовика XIV. В нем не так уж много изменилось
XVIII в. Правда, после смерти Короля-Солнца совет был
реорганизован. Его заменила так называемая «полисинодия»,
е. система отраслевых советов, призванных заменить пре-
жние позиции в системе принятия решений в политических
и финансовой сферах. Связь правительственных кругов с фи-
нансистами была очень прочной, и это усиливало клановое
политической системы. Партии базировались не только на кор-
стных, но и деловых связях, особенно часто ведущих через
сферу финансов. А наследники многих влиятельных финан-
систов уже становились членами совета. Кольбер и кольтерти-
привели в совет многих сыновей своих финансистов, в част-
сти уже упоминавшегося Фуко или наследников Луи Бери-
семья которого недавно была тщательно изучена Ф. Дорн-
ом.³⁴ Попал в королевский совет и сын клиента Понтшартре-
ов Леспина Даникана, и сын богатейшего человека Франции
начала XVIII в. и опоры партии герцога Бургундского Са-
ноэля Бернара, и младший брат второго по значению финан-
сового дельца Антуана Кроза, и многие другие. Основной фор-
той организации власти за кулисами королевского совета были
политико-финансовые лобби, которые включали в себя пред-
ставителей всех фракций элиты. Еще раз обратимся к партии
герцога Бургундского. Она возглавлялась самим герцогом, кото-
рый приходился внуком Людовику XIV и после смерти своего
отца, дофина Людовика, стал престолонаследником. Подлин-
ной душой партии были два видных аристократа герцога Бо-
илье и Шеврез, причем первый из них сам входил в королев-
ский совет в качестве государственного министра и «шефа» ко-
ролевского финансового совета (он, разумеется, не принадле-
жал к робе совета, ибо был военным дворянином, «человеком
плаги»). Оба герцога приходились зятями Кольберу и родней
его племяннику, маркизу Торси, занимавшему в эти годы пост
тат-секретаря иностранных дел. Идеями вдохновителями
партии были знаменитый мемуарист герцог Сен-Симон и вид-
ный деятель галликанской церкви архиепископ Фенелон. К ней
принадлежали некоторые члены совета и крупные финансисты.
имевшие сторонников, зачастую весьма влиятельных, в при-
ворных сферах, финансовую опору среди генеральных откуп-
щиков и генеральных сборщиков финансов, реальных админи-
стративных лидеров или хотя бы представителей в правитель-
стве в лице министров и государственных советников, эти лоб-
бисты были важнейшим элементом политической системы абсолю-
тистской Франции, одним из главных зубчатых колес в меха-
низме принятия решений.

³³ Levy C.-F. Capitalisme et pouvoir au siècle des Lumières. Paris, 1975. T. 1.

³⁴ Dornic F. Louis Berryer, agent de Mazarin et de Colbert. Paris, 1971.

бюрократию. Еще в начале текущего столетия русский ученый П. Н. Ардашев, одним из первых обратившийся к специальному исследованию высшей администрации Старого порядка, отмечал как главную черту провинциальных интендантов Людовика XVI то, что они глубоко изменились по сравнению с интендантами, например, Людовика XIV в человеческом отношении, восприняли идеи философов эпохи Просвещения и главной целью своей административной деятельности поставили стремление к общественному благу и искоренению основных пороков социального и политического строя.³⁵ Конечно, в этих утверждениях содержится преувеличение, и тем не менее Ардашев правильно, на наш взгляд, уловил общую тенденцию деятельности администрации: перед лицом надвигающегося кризиса, который предчувствовался всеми во Франции по крайней мере с середины столетия, необходимо было предпринять какие-то меры для спасения Старого порядка, основ монархического строя, и перед абсолютизмом встала объективная задача самореформирования. Многие французские министры и государственные деятели, подобно автору знаменитых мемуар маркизу д'Аржансону, в течение ряда лет возглавлявшему министерство иностранных дел, осознавали приближение революции. Конец правления Людовика XV и все пятнадцать лет правления его внука были наполнены разговорами о реформных планах и попытками более или менее широких административных преобразований, иногда даже крупных социальных реформ, как, например, хорошо известные реформы Тюрго. Но они потерпели неудачу. Почему же не удалось предотвратить Французскую революцию? Думается, часть ответа на этот вопрос дает изучение высшей бюрократии. Не претендуя на полноту ответа на него, отметим, что бюрократия как система организации власти и не была приспособлена для проведения политики реформ, во всяком случае реформ кардинального характера. Для таковых нужно было правительство единомышленников, нужны были политические партии, имевшие представительство в руководящих органах. Политических партий в том смысле, в каком их породила революция, партий типа монтаньяров, жирондистов, партий, объединенных общими социальными и политическими лозунгами, Старый порядок не знал. До Людовика XIV существовали только партии грандов, которые узами патронажа сплачивали вокруг себя представителей военного дворянства, чиновничества, горожан и даже крестьян. Гетерогенные по социальному составу, державшиеся только умения следовать за лидером (вспомним рассуждения знаменитого кардинала де Флака, одного из героев Фронды, об искусстве «главы партии» балансировать между социальными устремлениями своих клиентов), по возможности добиваясь удовлетворения их личных интересов, эти партии исчезли со сцены в полстолетия самостоятельного правления Короля Солнца. Затем началась эра политико-финансовых лобби, осуществлявших свое повелевающее влияние на волю короля через сложный механизм принятия решений, в центре которого стояли королевский совет и провинциальные интенданты. Клан не мог иметь целостной политической программы, потому что становился кланом, приходил к власти и удерживался у кормила правления благодаря специфически клановой политике. А без клана в условиях Старого порядка нельзя было удержаться у власти. Проведение сколько-нибудь последовательной политики реформ только ослабляло клан, приводило к его изоляции и распаду. Характерно, что даже Кольбер при осуществлении своих наиболее радикальных преобразований обычно вынужден был уступить влиянию враждебного клана Летелье.³⁶ Между тем это был единственный период, когда реформы были относительно успешны. Другим, как Лаверди, Мопу, Тюрго и прочим, при всей несхожести их личностей и проектов преобразований попытки реформ стоили карьеры. Итак, не столько слабость Людовика XVI или легкомыслие его деда, неосторожность Тюрго или коварство Марии-Антуанетты были причиной неудачи реформ. С внутренней стороны (ибо мы не говорим здесь о состоянии общества) абсолютизм не мог самореформироваться потому, что его организация власти была неспособна к политике последовательных реформ, ибо построена была не вокруг политической партии, а вокруг бюрократического лобби, не на основе принципиальной программы, но на основе родственных и деловых связей.

³⁶ Малов В. Н. Проект монастырской реформы Кольбера // Французский ежегодник (1982). М., 1984. С. 101—119.

Тематически связанные материалы

С.Сказкин. Старый порядок во Франции
(история в источниках, пособие для практических занятий)

<http://narod.ru/disk/13111578000/skazkin.pdf.html>

Агония французского абсолютизма

/ «Французское Просвещение и Революция»

<http://enlightment2005.narod.ru/papers/fr-absol.pdf>

Е.Лебедева. Дворянство и налоговые привилегии на кануне революции

<http://enlightment2005.narod.ru/papers/lebedeva1.pdf>

Е.Лебедева. Соборы нотаблей кануна

Великой французской революции

и эволюция политических позиций дворянства

http://vive-liberta.narod.ru/journal/lebedeva_fe-85.pdf

Е.Кожокин. Французская буржуазия на исходе Старого порядка

<http://vive-liberta.narod.ru/journal/kozhojin.pdf>

³⁵ Ардашев П. Н. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору Старого порядка. Киев, 1900—1906. Т. 1—2.

ОТ СТАРОГО ПОРЯДКА К РЕВОЛЮЦИИ

к 200-летию Великой французской революции
Межвузовский сборник под ред. проф. *В.Г.Ревуненкова*
Л.: издательство ЛГУ. 1988

В сборнике рассматриваются основные проблемы политической истории Великой французской революции, 200-летие начала которой в 1989 г. готовится отметить все прогрессивное человечество. Статьи содержат материалы, опровергающие представления, которые пропагандирует буржуазная наука о неизменности социальных структур и политических институтов Старого порядка в послереволюционную эпоху.

Особое внимание уделяется проблемам политической культуры. Книга предназначена для историков, обществоведов и читателей, интересующихся историей Франции.

Редколлегия: д-р ист. наук *В.Г.Ревуненков* (отв. Ред.),

д-р искусствоведения *Н.Н.Калитина*, д-р ист. наук. *Г.Л.Курбатов*,

д-р ист. наук *Г.Р.Левин*, канд. ист. наук *А.Б.Егоров*,

канд. ист. наук *Н.Е.Колосов*, *С.Н.Коротков* (отв. секр.)

Рецензенты: д-р ист. наук *Ю.В.Егоров* (ЛГПИ им. А.И.Герцена)

Печатается по постановлению

Редакционно-издательского совета Ленинградского университета.

Веб-публикация: **Vive Liberta, 1 вандемьера CCXXI года**

Ссылки на тематически связанные материалы даны нами после текста статьи.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Текст здесь: <http://vive-liberta.diary.ru/p180910172.htm>

Ревуненков В.Г. (Ленингр. ун-т). **Современные интерпретации Великой французской революции**

Колосов Н.Е. (Ленингр. ун-т). **Высшая бюрократия в политической системе Старого порядка**

Озолинг А.Е. (Ленингр. ун-т). **Французская памфлетистика при Старом порядке**

Шпаковская И.А. (Ленингр. ун-т). **Роль периодической печати в политической системе Старого порядка**

Пименова Л.А. (Моск. ун-т). **О некоторых особенностях дворянского сознания на исходе «века Просвещения»**

Текст здесь: <http://enlightment2005.narod.ru/arc/lpimen.pdf>

Лукьянец И.В. (Ленингр. ун-т). **Этико-политические взгляды аббата Сен-Пьера (16581743)**

Коротков С.Н. (Ленингр. ун-т). **Финансовая политика Французской революции: характер и итоги**

Текст здесь:

http://enlightment2005.narod.ru/arc/cambon_tarle_korotkov.pdf

Искуль С.Н. (ЛОИИ АН СССР). **Дворянские привилегии и дворянство в эпоху революции**

Соколов О.В. (МИАИВВС). **Высшие офицеры французской армии и революционное правительство 17921794 гг.**

Куркина Ю.В. (БАН АН СССР). **Вареннский кризис и французское общественное мнение**

(по материалам памфлетов эпохи Великой французской революции)

Плавинская Н.Ю. (ИВИ АН СССР). **«Дух законов» Монтескье и публицистика Великой французской революции 17891799 гг.**

Текст здесь: <http://www.montesk.info/article/plavin1.html>

Хлобыстин А.Л. (Гос. Эрмитаж). **Л.-Л.Буальи - художник эпохи Великой французской революции**

(опыт социологической интерпретации)

Калитина Н.Н. (Ленингр. ун-т). **О празднествах эпохи Великой французской революции**

Андрей Евгеньевич Озолинг

ФРАНЦУЗСКАЯ ПАМФЛЕТИСТИКА ПРИ СТАРОМ ПОРЯДКЕ

Термин «памфлет» появляется во французском языке в 50-х годах XVII в. Он был заимствован из английского. В рассматриваемый нами период он имеет относительный аналог во французском языке — «либелль» (libelle), что значит буквально «книжечка». Габриэль Нодэ — один из первых коллекционеров памфлетов говорит о либеллях как изданиях карманного формата, распространяющихся тайно и в узком кругу. Небольшой формат и объем издания принят современными французскими историками в качестве основного признака памфлета в XVI —

XVIII вв.¹ Необходимость в использовании формального критерия при определении памфлета объясняется широким жанровым спектром изданий, выходивших малым форматом. Это постановление разных государственных учреждений, тексты договоров, описания церемоний (публикуемые как в информационных, так и в пропагандистских целях), всевозможные извещения и воззвания, декларации, сатиры, бурлески, пасквили против того или иного государственного деятеля, а иногда и политические или богословские трактаты «в миниатюре». Нередко острой сатире придавалась форма официального документа — письма, приговора, ремонстрации. Текст договора или ординанса мог быть снабжен комментарием, носившим ярко выраженный агитационный характер, а в описании приема или награды могли быть вставлены достаточно язвительные замечания в адрес одного из участников. Официальные акты королевской власти порой распространялись так же тайно, как и сатиры (например, в мятежных городах и провинциях). Общей чертой объединяющей все эти издания, является их тесная связь с злобой дня.² Все они в той или иной форме представляли реакцию на актуальные события политической и общественной жизни. Весь этот комплекс источников можно определить как «малые издания» и условно подразделить на следующие группы: 1) официальные документы, 2) информационные листы, 3) сатирические произведения без видимых политических тенденций, 4) собственно политические памфлеты, имеющие или менее открыто выраженную пропагандистскую направленность и содержащие апологию или (что чаще) критику того или иного политического деятеля, партии, группировки, а иногда и конкретных проявлений их политики. Рассмотрим некоторые вопросы, касающиеся политических памфлетов.

Первые французские памфлеты появились еще до изобретения печатного станка (известны рукописные памфлеты, выпущенные в начале XV в. и относящиеся к периоду борьбы бургиньонов и арманьяков). Примечателен факт, что появляются первые памфлеты именно в момент острого противостоятия крупнейших политических партий, когда они стали важным инструментом борьбы аристократических группировок. Развитие книгопечатания привело к широкому использованию памфлетов в политической борьбе.

Интерес к памфлетам как к историческому источнику замечен уже в XVII в. Он проявлялся в первую очередь в создании многочисленных коллекций памфлетов, благодаря которым многие библиотеки имеют сегодня их значительные собрания. Начиная со второй трети XVII в. издаются и сборники памфлетов. Такие сборники назывались обычно «сборниками забавных изданий» (*pièces curieuses*) по истории какого-либо человека или события. Они свидетельствуют, что интерес к памфлетам в XVII в. — это интерес к литературе курьезов или анекдотов, связанных в первую очередь с историческими личностями.

В XIX в. памфлеты привлекали внимание историков в качестве источника по политической истории (прежде всего памфлеты, относящиеся к гугенотским войнам, периоду правления кардинала Ришелье, Фронде). Историки прибегали к помощи памфлетной литературы для уточнения событий, слабо отраженных в других источниках, для оценки исторических деятелей, понимания политической борьбы. В конце XIX — начале XX вв. появляются специальные исследования по истории политической мысли, опирающиеся во многом на памфлетную литературу. Кроме того, выходят работы, преимущественно литературоведческие, посвященные небольшим группам памфлетов, отдельным авторам или конкретным персонажам памфлетной литературы.³

Для современного этапа изучения памфлетной литературы, начиная примерно с 60-х годов характерна связь с исследованиями М. Гран-Мениль, А.-Ж. Мартэна, Э. Дуксини.⁴ Изучалась динамика развития политической публицистики, условия ее производства, сбыта, использования в политической борьбе, жанровые особенности памфлета и особенности полемических приемов. От развернутого книговедческого анализа в последние годы наметился переход к анализу приемов политической борьбы (Д. Рише, Р. Шартье, Р. Десимон, К. Жуо),⁵ места памфлетов в политико-культурной системе французского абсолютизма.

¹ В современной книговедческой французской литературе принято определять памфлет как издание, формат которого не превышает 16×10 см, а объем 48 страниц (см.: Duccini H. *Regard sur la littérature pamphlaire en France au XVIIe siècle* // *Revue historique*. 1978. Т. 528). Однако бывают памфлеты, по содержанию явно примыкающие к этому жанру, объем которых превышает 48 страниц.

² Jouhaud C. *Ecriture et action au XVIIe siècle: sur un corpus mazarinades* // *Annales: Economies, Sociétés, Civilisations*. 1983. N 1. P.

³ Mathorez J. 1) *Mathurine et les libelles publiés sous son nom*. Paris, 1922; 2) *Notes sur Maître Guillaume, fou de Henri IV et de Louis XIII*. Paris, 1913; Sée H. *Les idées politiques en France au XVIIe siècle*. Paris, 1923; Lecestre L. *Les mazarinades*. Paris, 1913.

⁴ Martin H.-J. *Livre, pouvoirs et société à Paris au XVIIe siècle*. Paris, 1969. Т. I—II; Duccini H. *Regard... Histoire générale de la presse française*. Paris, 1969; Grand-Mesnil M. *Mazarin, la Fronde et la presse*. Paris, 1967.

⁵ Richet D., Chartier R. *Représentation et vouloir politique*. Paris, 1982; Descimon R., Jouhaud C. *La Fronde en mouvement* // *XVIIe siècle*. 1984. N 145. P. 305—322.

В советской историографии нет специальных работ, посвященных французской памфлетистике, но некоторые советские историки, главным образом Б. Ф. Поршнев, в своих трудах использовали богатый памфлетный материал, который дают советские собрания (в первую очередь по периоду Фронды).

В данной работе мы опирались на коллекцию французских малых изданий XVI—XVIII вв., хранящуюся в библиотеке ЛОИИ СССР АН СССР.⁶ Всего она насчитывает около 6 тысяч единиц. Первые издания в ней относятся к середине XVI века, последние к эпохе Великой французской революции.⁷ Используя данные библиотеки ЛОИИ, а также данные по памфлетным собраниям французских и американских библиотек,⁸ можно сделать вывод о том, что пики памфлетной активности рассматриваемый период приходится на следующие годы: 1560/61 г. (Орлеанские Генеральные штаты), 1562 г. (начало религиозных войн), 1574 г. (протестантский съезд в Милле), смерть Карла IX, воцарение Генриха III), 1576/77 г. (Генеральные штаты в Блуа), 1585 г. (возобновление войны, вмешательство папы Сикста V во внутренние дела Франции, создание Парижской лиги), 1588 г. (Генеральные штаты в Блуа), 1589 г. (убийство Генриха III, прекращение династии Валуа), 1593/94 г. (переход Генриха Бурбона в католичество и его коронация), 1610/11 г. (убийство Генриха IV и обострение политического кризиса), 1614 г. (Генеральные штаты), 1617 г. (убийство всеуездных парламентов), 1619/21 г. (новое восстание маршала Д'Анкра), 1619/21 г. (новое восстание маршала Д'Анкра), 1649 и 1652 гг. (пики «парламентской Фронды и «Фронды принцев»). После Фронды в условиях значительного усиления абсолютизма правительство устанавливает строгий надзор за печатью, и почти до самой революции французская памфлетистика не знала сопоставимых с перечисленными «пиков». Таким образом, мы можем выделить круг событий, на которые наиболее остро реагировала памфлетистика (генеральные штаты, вспылки гражданских войн, политические перевороты, т. е. периоды обострения борьбы политических сил, прежде всего аристократических, партий и группировок).

Но можно ли видеть в памфлетистике непосредственную реакцию общественного мнения на важнейшие события политической жизни Франции? Этот вопрос имеет принципиальное значение для источниковедческой оценки памфлетов. Большинство современных авторов (А. Д. Люблинская, А.-Ж. Мартэн

Жуо) рассматривают их в первую очередь как образцы организованной пропаганды. По мнению французского исследователя Фронды К. Жуо, «единственная свобода (памфлетиста) состояла, быть может, в том, чтобы переменить лагерь или же играть опасную роль двойного агента».⁹ Иной точки зрения придерживался Б. Ф. Поршнев. По его словам, в памфлетах Фронды «нечего и искать прямого отражения взглядов и настроений народных масс. Но если выбрать из них наиболее радикальные высказывания, мы нащупаем ту пограничную линию, за которой непосредственно лежат не допускавшиеся в подцензурную печать идеи толпы».¹⁰ Таким образом, Б. Ф. Поршнев считает важным не определение степени независимости авторов памфлетов от аристократических партий, а выявление в мазаринадах отражения народной идеологии. При решении этого вопроса он исходил из «презумпции независимости» прессы. Однако необходимый для доказательства этого положения источниковедческий анализ мазаринад Б. Ф. Поршнев не

Подобный анализ необходимо начать с изучения условий производства и распространения памфлетов. В рассматриваемый период все печатное дело во Франции в основном было сосредоточено в Париже, Лионе, Бордо и Эксе. На титульных листах французских памфлетов, хотя надо иметь в виду, что многие памфлеты, выходившие в провинции, в целях конспирации помещались в Париже.

С начала XVI в. печатное дело в Париже находилось под контролем правительства, который осуществлял цензуру печатных изданий, но в XVII в. усиливается вмешательство правительства в печать и особенно парламента в контроль за прессой. Издательство и распространение книг, запрещенных властями, влекло за собой суровое наказание. Например, с 1539 по 1572 г. изданы имена 80 людей, связанных с книгоизданием, которые пострадали за религиозные убеждения и выпуск запрещенной литературы. В XVII в. происходит значительное ужесточение цензуры. Этапами этого процесса стали регламенты 1616, 1618 и 1634 гг. Гонения на памфлетистов нашли, между прочим, отражение и в самой памфлетной литературе. Так, один автор

⁶ Для характеристики части коллекции, относящейся к эпохе религиозных войн, использованы результаты дипломной работы А. Вихорева «Французская политическая памфлетистика второй половины XVI века», защищенной на кафедре истории средних веков ЛГУ в 1986 г.

⁷ См. статью Ю. В. Куркиной в настоящем сборнике «Варенский кризис и французское общественное мнение (по материалам памфлетов эпохи Великой французской революции)».

⁸ Duccini H. Régard... Lindsay R. O. French political pamphlets 1547—1648. Madison, 1969.

⁹ Jouhaud C. Ecriture... P. 46.

¹⁰ Carrière H. La Fronde: contestation démocratique et misère paysanne. Paris, 1982. T. I. P. V—VI.

¹¹ Поршнев Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой 1623—1648). М.; Л., 1948. С. 566.

¹² Вызывает сомнение также мысль о том, что чем радикальнее памфлет, тем он ближе ко «взглядам и настроениям народных масс (ср.: Carrière H. La Fronde: contestation démocratique et misère paysanne. Paris, 1982. T. I. P. V—VI.

памфлета, направленного против фаворита Людовика XIII неتابля Люина, писал: «Я вижу, как бросаются без закона решетку бедные издатели и разносчики книг».¹² Кардинал Ришелье в своей политике по отношению к печати не ограничился мерами репрессивного характера. Ряд авторов, выступавших против политики кардинала, были привлечены им к службе и превратились в апологетов его политики (из числа этих писателей Ришелье и создал Академию, члены которой в дальнейшем способствовали пропаганде политических мероприятий кардинала). Однако действия цензуры были эффективны только в периоды политической стабильности, а они до личного правления Людовика XIV никогда не были длительными. В эпохи политических потрясений и гражданских смут действие цензурных запретов порой фактически прекращалось.

Установить конкретных издателей памфлетов довольно трудно, поскольку характерной для памфлетов была анонимность и авторов и издательств, но памфлеты относились к числу наиболее выгодной для издания книжной продукции.

Распространение книг (и не только памфлетов) в рассматриваемый период, кроме собственно книжных лавок, осуществлялось специальными книгоношами (*colporteurs*). Деятельность их строго регламентировалась Парламентом. В парламентском постановлении от 30 апреля 1578 г. определялся перечень книг, которые могли продавать книгоноши. Однако соблазн получить большую выгоду от продажи столь популярной продукции, как памфлет, толкал разносчиков на продажу запрещенных изданий. Борьбу правительства с распространением враждебных памфлетов затрудняло наличие наряду с профессиональными разносчиками книг большого числа агентов грандов и гугенотов, которые тайно распространяли памфлеты или расклеивали афиши на стенах домов. Что касается правительственных изданий, будь то законодательные акты, информационные листы или памфлеты, то они, естественно, не имели проблем с печатанием, ни с распространением. Исключение составляли периоды Парижской лиги, когда в самом Париже преимущественно выходили памфлеты, направленные против Генриха III, а цензуру в столице осуществлял уже не Парламент, а Генеральный совет Лиги, прибегавший к репрессиям против издателей, выпускающих памфлеты в защиту короля, а также период Фронды, когда печатная кампания против Мазарини достигла наибольшего размаха, а возможности роялистской прессы были крайне ограничены. Однако следует отметить, что с изменением политической ситуации не только в стране, но даже в провинции или городе менялась политика издателя. Если возникала возможность без особого риска указать на титульном листе название своего издательства, издатель предпо-

читал это сделать. Популярный памфлет прибавлял славы издательству. Так, большая часть памфлетов, вышедших после смерти маршала д'Анкара, имеет указание на издательство. Фантастическая непопулярность д'Анкара и всеобщее ликование по поводу его гибели вызвали к жизни волну этих посмертных памфлетов, а издатели максимально использовали создавшуюся ситуацию к своей выгоде.

Потенциальные авторы «просиживали весь день в книжных лавках на площади Мобер или в Сите под предлогом просмотра новых книг или обсуждения проблем стиля и орфографии и хотели получить заказ на стихи или прозу»¹³ и, как правило, именно они писали (по 30 су за лист) «памфлеты, расходившиеся сотнями, которые заказывали им агенты принцев или протестантов в их борьбе против короны».¹⁴ Однако, кроме этих случайных уличных поэтов (*poètes crottés*), существовали авторы, представлявшие собой постоянные кадры памфлетистов, и нам известны имена некоторых из них. Эти люди, как правило, входили в клиентелу грандов, как, например, Воже у герцогов Гизов, Теофиль Вийо у коннетабля Люина, Леонард де Жиак и Анри д'Арше у герцога Эпернона — одного из «героев» французской памфлетистики эпохи Фронды. Были авторы, состоявшие на жаловании короны или Парламента. Наличие сильного покровителя обеспечивало автору и политическую и, что не менее важно, финансовую поддержку, что объясняет существование неизвестных «вкладчиков, которые могли субсидировать издание памфлетов себе в убыток, когда жар, волнение и вкус к ним падали, хотя необходимость убеждения была еще достаточно велика».¹⁵ Эти неизбежно отрывочные сведения об авторах памфлетов склоняют к мысли, что в большинстве своем памфлетистика была не столько непосредственным отражением общественного мнения, сколько орудием пропаганды.

Важной особенностью памфлетистики XVI—XVII вв. было то, что многие памфлеты составляли своеобразные «цепочки» из 7—8 штук. В таких цепочках объектом нападок мог стать собрат по перу из противоположного лагеря, его хозяин и, наконец, группировка или партия, которую они представляли. Возможно и обратное движение, когда памфлетисты увлекались полемикой друг с другом, переходя от обсуждения общих идей к взаимным «цепляниям». Примером может служить цикл памфлетов 1619—1622 гг., в центре которого — фигура коннетабля Люина. Для этого цикла характерны выпады против автора апологий Люину Теофиля Вийо — известного французского памфлетиста и вольнодумца. Автор — защитник аристо-

¹³ Magne E. La vie quotidienne au temps de Louis XIII. Paris, 1946. P. 193.

¹⁴ Ibid. P. 48.

¹⁵ Jouhaud C. Ecriture... P. 48.

¹² Le qu'as-tu veu de la cour. S. I. 1620. P. 14.

кратической оппозиции — обращается к нему со словами: «Ты 2 раза. Не считая повторных упоминаний на страницах одного поносишь принцев, опору наших провинций, чтобы побыстрее поднять трех чернокожишек в ранг полубогов».¹⁶ Ответы апологетов сходны по тону: «Появляются новые писания, в которых мнимые слуги злословят фаворитов, являющихся ближайшими компаньонами и помощниками его величества».¹⁷ Таким образом, часть стрел была направлена не в политического противника, а в собрата по перу и уже через него — в деятеля противоположной партии. Эти факты говорят о тенденции к замыканию полемики в кругу спорящих. Среда, из которой выходили памфлеты, была не слишком широкой, и многие авторы, по-видимому, знали друг друга. Характерным для прессы XVI—XVII вв. были и бурные, но краткие памфлетные кампании, вспыхивающие порой вокруг малозначительного персонажа или события, являющегося лишь поводом, позволяющим враждебным партиям высказывать обвинения друг другу. Такова, например, полемика вокруг фигуры бордосского священника отца Бонно, весьма уважаемого в городе человека, который умер в самом начале Фронды. Против него направлены памфлетистов герцога Эпернона, находившихся во враждебных отношениях с бордосцами. Памфлетисты Бордо встали на защиту Бонно и обрушились на самого герцога, который сразу стал центральной фигурой бордосского стихотворного памфлета — бурлеска. Такова примерная схема возникновения памфлетной кампании.

Возможность судить об аудитории читателей памфлетов дает изучение исторического материала, используемого в них. Таким путем мы можем определить уровень образованности автора и аудитории, к которой он обращался. Анализ 20 памфлетов из коллекции ЛОИИ, посвященных коннетаблю Люинну, выявляет достаточно четкую картину.

12 из этих памфлетов — прозаические произведения и 8 — бурлески. В бурлесках исторический материал не привлекался. Для них характерна злая язвительность, подчас откровенно грубая критика личных качеств фаворита, а также незнание, по сравнению с прозаическими памфлетами, чисел страниц (максимум 6—8). В них нет исторических аналогий, больших цитат, латинизмов, единичны примеры использования в качестве эпитетов имен мифологических персонажей. Иная картина появляется при чтении прозаических памфлетов. В 10 памфлетах из 12 — масса примеров, цитат, упоминаний о событиях античной и средневековой французской истории. Так, события и герои греческой истории упоминаются в этих памфлетах 9 раз, латинской истории — 29 раз, мифологии (античной и библейской) — 41 раз, французской истории —

12 раз. Не считая повторных упоминаний на страницах одного памфлета, мы имеем дело примерно со 110 случаями использования исторического материала в общей сложности на 120 страницах текста. Причем это не трактаты, а именно памфлеты. В этих 10 памфлетах имеются ссылки на Марка Аврелия, Плутарха, Диогена, Страбона, Сенеку, Цицерона, Тита Ливия. Авторы упоминают о Цезаре, Катилине, Долабелле, Антипатре, Меллае, Бруте, Кассии. Авторы не претендуют на серьезные философские обобщения или анализ конституционных прецедентов. Большой частью они обращаются к ним для примера-иллюстрации. Однако памфлеты, снабженные широким историческим аппаратом, были предназначены для образованных читателей. На преобладание образованных людей среди читателей памфлетов указывают данные о клиентах книготорговца Николя в Ренoble, подтверждающие преобладание чиновников среди покупателей сотен мазаринад.¹⁸ По-видимому, в большинстве своем и авторы, и читатели памфлетов принадлежали к широкому и разнообразному кругу чиновников, юристов, профессиональных литераторов, просвещенных буржуа и, наконец, членов аристократических клиентел любого социального происхождения.

Именно для суждения о «взглядах и представлениях» этого круга лиц мы и вправе использовать памфлеты. Для политической прессы XVI—XVII вв. типичны памфлет-кампании, объектом которых становятся политические деятели, такие, как Мазарини, д'Анкр, Люин. Сосредоточить огонь критики на одном лице легче и эффективнее, чем пытаться хватить этой критикой в небольшом памфлете всю партию. Это придало аудитории, так как «сильный мира сего» вдруг предстал перед читателем, осыпaeмый оскорблениями и насмешками бойкого и язвительного памфлетиста. Обывателю часто недоступно детальное критическое сочинение о программе какой-либо партии, в то время как памфлет позволял приподнять завесу, скрывающую политическую практику в верхних эшелонах власти и был ориентирован, безусловно, на весьма широкую аудиторию.

Что же могут нам дать образчики организованной пропаганды? Если «независимый» памфлет, весьма редкий в XVI—XVII вв., является непосредственным отражением общественного мнения, то и написанный по заказу памфлет, хотя бы и освоенно, но отражает его. Более того, организованная пропаганда, возможно, даже яснее отражает наиболее распространенные в обществе того времени политические идеи. Памфлетистика «независимая» могла позволить себе высказать идеи, которые не получили распространения в обществе, она могла

¹⁶ Remontrance à Theophile. S. I., s. d. P. 4.

¹⁷ Monstre à cent testes. S. I., s. d. P. 7.

¹⁸ Jouhaud C. Ecriture... P. 47.

быть выражением авторского кредо, отголосками философского, или богословского спора. Партийная же памфлетистика должна была избегать чрезмерной парадоксальности, своего рода экспериментирования в области идей, поскольку перед любой партией стояли реальные политические задачи. Пропагандирование уже популярной в обществе идеи, представление своей партии как проводника этой идеи, способствовало усилению авторитета и популярности партии. Однако попытка «освятить» авторитетом партии непопулярную или просто нераспространенную в обществе идею не могла быть полезной для партии. Партийная пресса опиралась на наиболее распространенные в обществе идеи и, таким образом, отражала их. Она позволяла нам составить представление о комплексе как популярных идей и образов, которые она ассоциирует со своей партией, так и непопулярных идей, носителями которых изображаются политические противники.

Таких основных идей можно назвать три: национальная, монархическая, религиозная.

Игра на национальных, монархических и религиозных чувствах французов, стремление максимально исказить моральный облик противника, преподнести своих соратников как образцов добродетели — эти приемы характерны для французской памфлетистики. Попробуем проследить на некоторых примерах, как конкретно публицисты различных партий в разное время строили свою пропаганду и какие полемические приемы использовали. Для памфлетов второй половины XVI — первой половины XVII вв. существенным является вопрос о вмешательстве иностранцев в дела государства и о правомерности опоры на соседние державы во внутривнутренней борьбе. В начале религиозных войн понятия «француз» и «католик» были слиты воедино. В глазах католиков гугеноты предавали национальные интересы тем, что оставили истинную религию и призвали на помощь иностранцев. Особенно яростными эти упреки становятся после Варфоломеевской ночи, когда связи гугенотов с Англией и протестантскими государствами Германии становятся известны; что вызывало гнев со стороны католиков.¹⁹ Для гугенотов также находил способ, с помощью которого, не подвергая прямо сомнению справедливость воли короля, можно заставить читателя усомниться в том, что люди, стоящие у трона, действуют на благо Франции. Высказывается мысль, что король ослеплен и очарован и его воля не что иное, как желания своих фаворитов; коварно внушенные юному королю. Автор

¹⁹ Yardeni M. La conscience nationale en France pendant les guerres de religion. Paris, 1972.

²⁰ Réponse à anti-Espagnol des hérétiques politiques et navarrois. S. l., 1590. P. 10.

²¹ La Fulminante contre les calomnieurs. S. l., 1620; La chronique des favoris. S. l., s. d.

²² L'avant-courrier du guidon françois. S. l., 1620; L'ombre de marquis d'Ancre à la France. S. l., 1620.

²³ Поршнев Б. Ф. Народные восстания... С. 566.

одного из памфлетов обращается с призывом к согражданин «Вы видите ущерб, который наносится королю и вам сами Три гарпии (имеется в виду Люин и его братья) очаровали нашего юного короля и внушают ему все, что хотят. Они упили и оболестили его. Мы видим это и не говорим слова».²⁴ Заключаются такого рода памфлеты обычно призывами сплотиться для защиты Франции и короля от негодных правителей. Эти призывы характерны и для памфлетов Фронды, в которых основная доля вины возлагалась на Мазарини. Б. Ф. Поршнев справедливо указывал на наличие в прес Фронды республиканских идей, обвинений королевской власти в тирании, высказываний о взаимных обязанностях короля и народа.²⁵ Однако Б. В. Поршнев опирается на «наиболее радикальные» памфлеты Фронды. Для основной массы памфлетов все же был характерен устойчивый монархизм, несмотря на критику правительства (но не самого короля). По замечанию Ю. Карье, «радикальные памфлеты были малочисленны не силу случайных обстоятельств, а потому, что не отражали мнения подавляющего большинства».²⁶ К тому же идеи эти отнюдь не были открытием фрондерской публицистики. Аналогичные концепции присутствуют в гугенотской памфлетистике 70-х годов XVI в.²⁷ Некоторые памфлетисты даже считали, что убийство тирана есть дело, угодное богу. Интересно, что подобные мысли высказываются и в прессе католической лиги, инспирированной герцогами Гизами. Однако их уже невозможно запозрить в республиканизме. Что касается прессы гугенотского толка, по справедливому замечанию С. Д. Сказкина, «народ о котором говорят эти памфлеты, это „лучшие“, „пэры“, „париии“ — наименования, которые не оставляют никакого сомнения в том, что под народом эти публицисты понимают всегда аристократию, высшее дворянство, которое представляет воеет за народ». Естественно, что и в период Фронды централизация и бюрократизация власти встречают прежде всего недовольство не отдельных авторов-республиканцев, а аристократии провинциальных властей и чиновничества.

Играя на религиозных чувствах французов, авторы памфлетов зачастую использовали в своих сочинениях демонологические мотивы, т. е. обвинения в колдовстве, сговоре с дьяволом и т. д. Направлены эти обвинения были против политических деятелей, не пользовавшихся популярностью в стране. В XVI—XVII вв. обвинения в колдовстве были очень серьезны и влияли на отношение к человеку в самых разных, в том числе об-

званных слоях общества.²⁸ Быстрое возвышение политического деятеля, ничем в глазах современников не заслуженное, легче всего было объяснить сговором с нечистой силой. В одном из памфлетов антилюиновского цикла говорится о том, что «если демон внушил Анкру, как выбиться наверх, то Люина учили этому, наверное, 20 демонов».²⁹ В том же памфлете подробно описывается сговор будущего коннетабля с нечистой силой в одном из провансальских трактиров, причем для большей убедительности приводится описание всего процесса сговора и тексты клятв.³⁰ Колдовские рецепты и секреты ведовства были весьма популярны в различных слоях населения Франции, им верили многие, и «достоверность» изложенного в памфлете подкреплялась включениями в текст подобных рецептов и секретов. Подобные приемы в равной мере характерны и для эпохи религиозных войн, и для периода Фронды.

Такова в общих чертах картина французской политической памфлетистики Старого порядка. Основной формой политической борьбы на протяжении XVI—XVII вв. был конфликт аристократических группировок, и памфлет был орудием этих группировок. В этом принципиальное отличие памфлетистики Старого порядка от гораздо более широкой по кругу авторов, более радикальной и действительно в большей мере независимой прессы эпохи Революции.

²⁸ Mandrou R. Magistrats et sorciers. Paris, 1969.

²⁹ Magie des favoris. S. I., s. d. P. 13.

³⁰ Ibid.

Ирина Алексеевна Шпаковская

РОЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СТАРОГО ПОРЯДКА

Среди многообразных печатных изданий XVI—XVIII вв. можно выделить два основных типа произведений политической пропаганды — памфлеты и информационные бюллетени, причем последние, в свою очередь, можно разделить на разовые и периодические. В основе различий этих типов изданий лежали разные механизмы воздействия на общественное мнение. Эти механизмы можно обозначить как приемы открытого и скрытого комментирования. Для памфлетов характерен в первую очередь открытый комментарий, т. е. прямое осуждение или восхваление, хотя иногда и они содержат элементы политического информирования. Для информационных бюллетеней прямые пропагандистские высказывания являются редкостью, однако подача формально не комментированного сообщения

²⁴ Le jugement de Minos contre les trois geryons qui pillent France. S. I., 1620. P. 4.

²⁵ Поршнев Б. Ф. Народные восстания... С. 568.

²⁶ Carrier H. La Fronde... T. I. P. V.

²⁷ France-Turquie, les lunettes de crystal. Genève, 1573.

осуществляется таким образом, чтобы выставить в выгодном свете «заказчика» произведения и, напротив, в невыгодном — его противников. Это, разумеется, не исключало и самостоятельного значения задачи политического информирования. Рассмотрим некоторые аспекты политической пропаганды посредством информационных изданий на примере наиболее значительного из них — «Газеты».

Политическая информация существовала и до появления книгопечатания,¹ но изобретение Гутенберга привело к ее ускоренному развитию. Стали появляться различные «Альманахи», «Календари», выходившие раз в год. Сообщения о различных политических событиях сочетались в них с медицинскими рецептами, занимательными статьями на «научные» темы и т. п. Появились и политические памфлеты. Судя по каталогу «летучих листков», выпускавшихся во Франции с 1498 по 1559 г. изданий, посвященных информации на политические темы, было выпущено больше всего.² Рассказом о военных действиях Франции за рубежом посвящено 31,4% всех изданий, французской дипломатии — 17,8%. На втором месте — хроника придворной жизни: 27,8% изданий посвящено жизни короля, двора, графов. Важно отметить, что сюжеты «светской хроники» тогда носили серьезный политический характер. Любой рассказ о придворной церемонии преподносился и воспринимался как событие государственной важности. Больше всего листков издалось в годы военных успехов Франции и вступления на престол нового короля. Эти пики выделяются на общем фоне роста количества «летучих листков».³

К XVI в. читательская аудитория значительно расширилась. На протяжении XV в. количество грамотных возросло в пять раз. Пользовались спросом как издания на политические темы, так и повествующие о чудесах, стихийных бедствиях, преступлениях. Изучение дневников верхушки парижской буржуазии позволяет зафиксировать интерес и к тем и к другим сообщениям. Так, анонимный автор так называемого «Журнала парижского буржуа», относящегося к правлению Франциска I, или Пьер де л'Эстуаль, парижский буржуа конца XVI в., включают в свои записки бюллетени, сообщающие о коронациях нового монарха, различных слухах и предзнаменованиях, преступлениях, событиях придворной жизни.⁴

Стремление грамотного населения быть информированным о текущих новостях влияло на успех различных печатных изданий.

¹ Gauvard C. L'information politique sous Charles VI. Paris, 1972.
² Histoire générale de la presse française. Paris, 1968. T. 1. P. 76.
³ Séguin J.-P. L'information en France de Louis XII à Henri IV. Genève, 1961.

⁴ Подсчитано по данным каталога.

⁵ Journal du bourgeois de Paris/Ed. V.-L. Bourilly. Paris, 1898; L'Estimateur. P. de. Journal. Paris, 1966.

⁶ Гольдберг А. Л. Первые немецкие газеты, хранящиеся в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Труды ГПБ IX (12). Л., 1961. С. 190.

⁷ Dahl F., Petibon F., Boulet M. Les débuts de la presse française. Göteborg; Paris, 1951. P. 26—33.

⁸ Church W. F. Richelieu and reason of state. Princeton, 1972. P. 341; Agniesz G. L'opinion publique et la presse sous Louis XIII (1621—1626) // Revue d'histoire diplomatique. Vol. XIV. 1900.

«Адресного бюро» о купле, продаже, найме и писал «газетные» в Газете научной и культурной информации¹¹, а «Галант-от руки», которые раздавал больным для развлечения. В эти «газетах» он помещал различные забавные истории. Для печатных новостей: политику, науку, театр, сведения о женитьбе, ного же органа абсолютизма требовалась иная тематика. Десморти (в XVIII в. он существовал под названием «Меркурий-Франции»)¹².

Газета, появившаяся в конце мая 1631 г., сразу продемонстрировала свой чисто политический характер (такой она оставалась все время ее существования). Ренодо издавал Газету до конца своих дней. Во время Фронды он остался верен правительству Мазарини и сопровождал двор, бежавший из Парижа в Сен-Жермен, где продолжал издавать Газету до возвращения в столицу. После смерти издателя его дело продолжил сын. В XVIII в. разные лица владели Газетой, пока в 1761 г. она не стала редактироваться министерством иностранных дел. Тогда же она была переименована во «Французскую газету» („Gazette de France“) и стала выходить два раза в неделю.⁹

В ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина имеются два комплекта Газеты (из библиотеки Залуских и из библиотеки Волынского). Оба комплекта содержат номера за 1631—1745 гг. с некоторыми исключениями.¹⁰

Формат Газеты на протяжении полутора веков оставался постоянным (22,5×15 см), менялся лишь объем. Газета выходила на четырех страницах только в 1631 г., с 1632 Ренодо разделил ее на две части: «Обычные новости» (4 с.) и «Газета» (4 с.). Ежемесячно издавались дополнительные выпуски — «рассказы о новостях со всего мира». С 1634 г. не всегда регулярно издавались экстренные выпуски на четырех страницах и больше. Шрифт для Газеты использовался все время один, а для экстренных выпусков — мельче или крупнее обычного.

Газета оформлена очень просто, и украшает ее только заглавная буква. Название, написанное необычным шрифтом, существовало недолго. Текст на страницах печатался одной колонкой. Статьи с новостями из зарубежных городов шли всегда одним абзацем, даже если сообщали о разных событиях. На абзацы делились только статьи с французскими новостями. Некрупный шрифт в сочетании со сплошным размещением текста показывает, что Газета предназначалась для чтения подряд. Ее текст не был приспособлен для того, чтобы «пробежать его глазами» в поисках интересующих читателя имен или названий (такой способ чтения того время, по-видимому, не был распространен).

«Журнал ученых» (издавался с 1665 г.) восполнял отсут-

Старого порядка привлекала интересы исследователей с XIX в. Отцом истории журналистики считается Э. Атен. Его интересовали фактическая сторона истории издания, личность Ренодо, положение публицистики и публицистов в XVII в.¹³ Событийной историей занимались Ж. де ла Туретт, Т. Саломон, Гранж де Сюржер, А. И. Шоша и др.¹⁴ С 60-х годов нашего века во французской историографии обозначился новый подход к изучению истории прессы. Политическая история стала источником для изучения такой широкой проблемы, как массовое сознание социальных групп.¹⁵ Однако Газета не стала пока предметом такого рода исследования.

Мы рассматривали методы воздействия Газеты на аудиторию, опираясь на теорию информационно-психологического воздействия на подсознание читателей. Эта теория начала разрабатываться с конца XIX в. и в XVII в., разумеется, не была известна. Однако простейшими методами скрытой пропаганды, требующими глубокого знания психологии восприятия, издавали и политики XVII в. владели. Об этом говорит, в частности, письмо историка и поэта Пелиссона Кольберу от 1671 г. Ему поручили написать историю войны Людовика XIV за Нидерланды в 1667—1668 гг. Главную задачу автор видел в том, чтобы «обрисовать все доблести короля, дать увидеть его величие... путем скрытого сравнения его с другими суверенами, которое читатель сам сделает... Надо хвалить короля всюду, но так, чтобы сказать это без хвалебных слов, рассказывая обо всем, чтобы можно было будто бы увидеть, как он поступает, говорить и думать, чтобы это показалось беспристрастным, но чтобы это было живо, занимательно и сдержанно... Чтобы тому лучше поверили, не следует говорить о нем великолепных похвал и эпитетов, надо их вырвать из уст читателя рассказом о делах короля».¹⁶

¹¹ Duchêne R. Lettres et gazettes au XVIIe siècle // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1971. Vol. XVIII. P. 492.

¹² Mac Pherson H. D. Censorship under Louis XIV. New York, 1929. P. 95.

¹³ Hatin E. Histoire politique et littéraire de la presse en France. Paris, 1859. T. I.

¹⁴ Texier E. Histoire des journaux. Paris, 1850; La Tourette G. de. Histoire et biographique de la „Gazette“. Paris, 1902—1906. T. I—IV; hauchat A. M. La curieuse et grande figure de Th. Renaudot. Paris, 1937.

¹⁵ Chartier R., Nora P. Le livre, un changement de perspective. Faire de l'histoire. Paris, 1974. T. III. P. 115—136.

¹⁶ Lettres, instructions et mémoires de Colbert / P. p. P. Clement. Paris, 1868. T. V. P. 531—532.

⁹ Rossel A. Le faux grand siècle. Paris, 1982. P. 32.

¹⁰ Каталог газет на иностранных языках в фондах ГПБ (1631—1916). Вып. 1—2. Л., 1967.

Для того чтобы судить по Газете о массовом политическом сознании, следует прежде всего определить те слои, где она получила распространение. Об аудитории Газеты существуют немногие прямые источники, и можно только с осторожностью экстраполировать локальные данные на более крупные районы страны. В первую очередь следует учесть уровень грамотности французов XVII в. Можно говорить о трех типах грамотности: умение только читать, но не писать; умение читать, элементарные навыки письма и счета; образование в полном смысле этого слова. Представителей первого типа грамотности, т. е. крестьян и небогатых ремесленников, среди читателей Газеты не могло быть много. Второй уровень грамотности характерен для средних слоев горожан, составлявших, по-видимому, большинство читателей. Настоящее же образование обычно получали в коллежах. Анализ социального состава учеников иезуитских коллежей — самых лучших и распространенных учебных заведений во Франции — показывает, что большая часть их составляли чиновники, потом купцы, меньше буржуазия и ремесленники и почти всегда мало дворян (не более 10%).¹⁷ Дворяне чаще всего получали домашнее образование и неграмотных среди них не было.¹⁸ Среди образованного населения, кроме дворян, находились робены, средние чиновники, верхушка буржуазии.

О социальной аудитории Газеты косвенно свидетельствует и то, что интересы ее читателей были почти исключительно серьезные, политические. В ней очень мало неполитической информации, той, что составляла содержание информационных листков для народа, так называемых «canards» — «уток». Для тех, кому неинтересна или ненужна политика, в них печатались рассказы о стихийных бедствиях, чудесах, зверствах, ужасах.¹⁹ Все необычное особо подчеркивалось, чтобы потрясти воображение обывателя. Немудреная мораль говорила о справедливости божьего промысла, о страшных наказаниях преступников. Иногда подобные сюжеты появлялись и в Газете, но стиль ее рассказов на эту тему совершенно иной — сухой, информативен, в чем-то близок к современному. Следовательно, читателя Газеты не нужно было завлекать сенсационной информацией — он был достаточно образован, чтобы интересоваться серьезными вещами.

Для прямой характеристики аудитории читателей Газеты имеются уникальные сведения. Это записи гренобльского кни-

продавца Ж. Николя.²⁰ В списке должников значатся 460 покупателей, из них 123 покупали Газету (известно их социальное положение). Среди священников, низших чиновников, купцов и ремесленников процент интересующихся книгами ощутимо выше (в 1,5—2 раза), чем интересующихся Газетой, а среди титулованных дворян, военных, высшего и среднего чиновничества — наоборот. И в абсолютном значении, и в процентном отношении больше всего Газетой интересовались судебные чиновники: 49 человек — 40% (за 100% принято общее число покупателей Газеты). Меньше всех составляют купцы и ремесленники: 10 человек (8%). Газета существовала для социальной элиты, дворян и робенов, которые составляли важный механизм монархического государства и в информировании которых по-прежнему было заинтересовано.²¹ Гренобль, видимо, типичен для континентальных городов Франции. Иначе картина распределения интереса к Газете выглядит в океанических портах. Там купцы и ремесленники являются главными потребителями политической и военной информации, поскольку им необходим был доступ к информации.

Следует подчеркнуть, что журналистам XVII в. был известен принцип ориентации содержания того или иного издания на запросы определенной социальной группы. Каждое из перечисленных выше французских периодических изданий XVII—XVIII вв. имело свою читательскую аудиторию. Типичность в этом плане Газеты подчеркивается примером «Галантного меркурия», издатель которого Донно де Визе в предисловии к первому номеру в 1672 г. перечислял основные темы, по которым планировался печатать информацию. Это сообщения о женитьбах и смертях, доблести военных, деяния короля, процессы, об иностранных гостях столицы.²² В перечне отсутствует основное, что было в Газете, — внешнеполитическая информация. Издатель «Галантного меркурия» не собирался печатать статьи на такие темы, потому что рассчитывал на аудиторию, состоявшую главным образом из дам. Редактор вполне осознавал это и поддерживал их интерес к изданию даже специальным оформлением материала (статьи-письма обращались к некоей высокопоставленной корреспондентке).²³ Свою аудиторию имел и «Журнал ученых».

Ренодо в 1634 г. писал в предисловии к экстремному выпуску № 90: «Здесь милосердие найдет, чем ободриться, госу-

¹⁷ Mandrou R. La France au XVIIe et XVIIIe siècles. Paris, 1967. P. 282—283.

¹⁸ Constant J.-M. Nobles et paysans en Beauce. Lille, 1981. P. 4.

¹⁹ Séguin J.-P. L'information en France avant le périodique. Paris, 1978. P. 23, 27.

²⁰ Martin H.-J., Lecocq M. Livres et lecteurs à Grenoble. Les registres du libraire Nicolas (1645—1668). Genève, 1977. T. 1—2.

²¹ Chartier R. Gazettes et pamphlets en France au XVIIe siècle // Histoire de l'édition française. Paris, 1982. T. 1. P. 28.

²² Feyel G. La «Gazette» en province à travers ses réimpressions. 1631—1752. Amsterdam; Maarsen, 1982.

²³ Duchêne R. Lettres... P. 489.

²⁴ Vincent M. Le Mercure galant // XVIIe siècle. 1984. N 144. P. 241—242.

дарственные советники (conseillers d'Etat) — с кем иметь дело финансисты увидят, как плохо не знать, кому платить, а военные — что везде вооружаются».²⁵ По-видимому, для этих слов Газета была важным источником политической и отчасти деловой информации.

Известно, что только высшая аристократия, на которую распространялась монополия королевской администрации внешнеполитические новости, презирала Газету. Аристократы имели личных секретарей, которые вели широкую переписку с корреспондентами-информаторами в Европе. Секретари получали и предоставляли господину информацию, отличную от той, что давал читателям Ренодо. «Синдикат» для обмена новостями создал герцог де Лонгвиль с друзьями, ибо они «ма верили официозу Ренодо».²⁶

Газета в основном предназначалась парижанам, но интерес к ней был велик и в провинциях, где печатались ее копии иногда с некоторыми изменениями. В разное время 38 французских городов переиздавали Газету. Провинциальные издания отвечали требованиям локальных элит, жадных до свежих новостей. Наибольшая плотность распространения наблюдалась в северной части Франции. В переиздании происходили последовательные пульсации, тесно связанные с периодами войн, которые повышали интерес к Газете.²⁷

Тираж Газеты на протяжении XVII—XVIII вв. возрастал. Известно, что в 1638 г. печаталось 1,2 тыс. экз.²⁸ В 1670 г. — 3,4—4,8 тыс., в 1700 г. — 7,2—9,4 тыс., в 1749 г. — 6,8—8,8 тыс.²⁹ В 1644 г. у Ренодо имелось четыре прессы, что позволяло за один день отпечатать весь тираж (до 1,5 тыс. выпусков по 12 страниц каждый).³⁰ Газета распространялась по-разному: ежегодным абонементом, продажей годовых сборников, продажей отдельного номера в лавке или на улице, абонементом на право читать у книгопродавца. Годовой абонемент стоил в Париже 20 ливров в 1633 г., 28 — в 1655 г. В провинции цена была ниже: в Гренобле — 5—6 ливров в год, в Лионе — 12.³¹ Один выпуск стоил 4 су — тогда на эти деньги можно было купить 0,9 кг белого хлеба или 1,8 кг черного.³² Данные о тираже и цене Газеты также свидетельствуют о том, что она

в основном распространялась в сравнительно узком кругу состоятельных людей.

Главным лицом, следившим за содержанием Газеты, был кардинал Ришелье. В его бумагах остались заметки о том, что он посылал Ренодо указания и материалы для печати.³³ Кардинал велел послам, генералам и интендантам посылать Ренодо реляции с описанием событий — копии тех, что направлялись министрам. Иногда Ришелье приостанавливал выход Газеты для опубликования важных сообщений.³⁴ Кроме того, Ришелье иногда сам писал статьи для Газеты, то же делал и Людовик XIII.³⁵

Непосредственно контролировали Газету ближайшие советники Ришелье: сюринтендант финансов Бутилье и министр иностранных дел Шавиньи. Ренодо помогали писать для Газеты крупный историк Мезре, королевский генеалогист П. д'Озье, выдающиеся писатели Ля Кальпронед, Вуатюр. Под их влиянием Газета стала одним из важнейших звеньев королевской пропаганды.

Издавая Газету, Ренодо осознавал, что начал большое и важное дело. По его мнению, ее роль состоит в том, чтобы правильно и своевременно оповещать читателей о происходящем, «чтобы помешать распространению ложных слухов, вызывающих зачастую волнения и мятежи. Частные лица будут использовать даваемую информацию для ведения своих дел».³⁶ Действительно, как отмечал Б. Ф. Поршнев, слухи в то время играли значительную роль как поводы к восстаниям.

Ренодо часто писал в Газете о своем стремлении к объективности в освещении событий. Для этого он добивался беспристрастности изложения, но то, как он ее понимал, вряд ли может действительно назваться беспристрастным: Ренодо писал, что он должен с одинаковым выражением, спокойно рассказывать о любых событиях, «будь то добрый успех, который сейчас наблюдается в делах Франции, или же затруднения, которые встречаются в делах остальных»³⁷ (иной ситуации он не рассматривал).

На первый взгляд Ренодо действительно только сухо и бесстрастно излагал события, избегая прямого комментирования. Такие некомментируемые сообщения с точки зрения современной теории прессы дают возможность их многовариантного истолкования. Повышенная многозначность некомментируемого сообщения по-разному воспринимается людьми с разными уровнями образованности и знаний. Его восприятие

²⁵ Выпуск содержал: мученичество 85 августинцев; список государей господ, собравшихся во Франкфурте; заявление графа Мансфельда герцогу Нейбурга; взятие Рейнсфельда с условиями сдачи.

²⁶ Duchêne R. Lettres... P. 499.

²⁷ Feyel G. La „Gazette“...

²⁸ Gazette. 1638. 1 mai.

²⁹ Feyel G. La „Gazette“...

³⁰ Chartier R. „Gazettes“... P. 26.

³¹ Ibid. P. 27.

³² Solomon H. M. Public welfare, science and propaganda in seventeenth-century France. Princeton, 1972. P. 120.

³³ Church W. F. Richelieu... P. 341.

³⁴ Попов Ю. В. Теофраст Ренодо — основатель французской журналистики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. журналистика. 1978. № 4. С. 46.

³⁵ Solomon H. M. Public welfare... P. 131.

³⁶ Попов Ю. В. Теофраст Ренодо...

³⁷ Recueil des Gazettes. 1632. P. 87.

обусловлено мировоззрением читателя, а оно в каждую эпоху для каждой социальной группы в целом довольно определенно. Зная уровень подготовленности аудитории, можно только подобрать материал добиться понимания события определенным образом. Некомментированное сообщение дает возможность не мекать на неблагоприятие врага или очернить его без всякой аргументации, причем читатель будет считать, что он самостоятельно сделал все выводы. Оно особенно эффективно при воздействии на аудиторию планомерно и длительное время — т. е. именно в периодике.³⁸ В Газете Ренодо использовались тенденциозный подбор материала, прямые замалчивания неблагоприятных событий.

Судить о широте политического кругозора читателей Газеты можно по количеству упоминаемых в ней имен политических деятелей, а также по тому, объяснено ли читателю, кто они такие, или они ему должны быть известны. В Газете говорится о многих лицах, и частота их упоминаний, конечно, зависит от их роли в делах государств. Наиболее часто пишется о ближайших друзьях и самых опасных врагах. О многих кардиналах, иностранных полководцах говорится как об известных лицах. Только когда речь идет о незначительных деятелях, называется лишь их должность (без имени) и к какой партии они принадлежат. Уже номер первый в коллекции полиграфии рассчитывает на то, что читателям известны венгерский государь Дьердь Ракоци, кардинал Тадео Барберини, Оксеншерн, Фридрих Пфальцский, маркиз Дурлах, не говоря об императоре, Тилли, Паппенгейме, монархах. Политический кругозор читателей Газеты представляется весьма широким, а тот факт, что однажды представленные лица часто в следующих номерах Газеты фигурируют как известные, говорит о постоянном аудиторией издания.

Для выяснения методов информационного воздействия Газеты на аудиторию нами было рассмотрено распределение материалов Газеты по темам. Мы выделили 6 основных тем: военные действия, дипломатия, светская (придворная) хроника, религиозные вопросы, внутренняя политика (администрация, юрисдикция, промышленность и торговля), различные случаи (неполитическая информация). Изучение характера информации проведено с помощью выборочного обследования нескольких десятков номеров. Для анализа были взяты 4 года середины XVII в. и 2 года XVIII в., выбранные с таким расчетом, чтобы они по возможности отражали разные внешне- и внутриполитические ситуации.⁴⁰ (из каждого года брались по 5 выпусков за случайные числа).

³⁸ Пронин Е. И. Печать и общественное мнение. М., 1971; Вл. сов. Ю. М. Пропаганда за фасадом новостей. М., 1976.

³⁹ К сожалению, этот анализ не абсолютно «чист». Дело в том, что коллекция полиграфии начинается с № 2, помеченного, как и № 1, буквой «Dahl F. e. a. Les débuts...» Р. 24). Настоящий первый номер представлен на фотографии в Histoire générale de la presse française.

⁴⁰ 1631 г. — год появления Газеты — трудный для союзников Франции, неприятный для нее самой. 1639 г. — дела Франции в Европе идут лучше, есть верный союзник. 1648 г. — победа Франции в Германии, смуты в Англии. Информация о положении во Франции отсутствует. 1672 г. — год успешного начала войны Франции против Голландии, расцвет правления Людовика XIV. 1732 г. — мирный для Франции год, в Европе не ведутся войны. 1745 г. — последний в коллекции ГПБ — Франция без союзников участвует в войне за австрийское наследство.

вования Газета удивительно мало внимания уделяла этим просам, но затем значительную долю составил показ благочестия государей — французских и дружественных Франции. Менее всего внимания Газета уделяла разным необычным случаям.

Тематика статей Газеты указывает круг интересов аудитории: «благородное» военное дело, тонкости дипломатии, житейские придворные — темы, достойные внимания дворянства и высших чиновничества. Новости промышленности и торговли почти всем отсутствуют, и только в XVIII в. появляются довольно регулярные сообщения о курсе акций некоторых зарубежных торговых компаний. Впрочем, это интересовало не только купцов, ибо среди собственников акций были чиновники и дворяне.⁴¹

В Газете использовался подбор фактов, говорящих в пользу Франции и против ее врагов, хотя в ней встречается и «нейтральная» военная информация. «Направленные» военные дипломатические сообщения говорят о следующих сюжетах: успехи друзей и поражения врагов, успехи Франции, нападения на врагов Франции. Наличие сообщений на последнюю тему, видимо, связано с «предупреждающим» характером Газеты (говорить о том, как жесток и опасен враг — тоже способ оправдать войну против него). Интересно проследить изменение минимума и максимума количества сообщений по этим темам во время Тридцатилетней войны. За 1631, 1639 и 1648 гг. можно отметить рост количества сообщений об успехах Франции, уменьшение сообщений, посвященных успехам друзей, большое число сообщений о насилиях и успехах врагов. Это изменение адекватно отражает изменение роли и успехов Франции в войне.

Заголовки экстренных выпусков за 1634 г. позволяют дополнить эти наблюдения. Важность заглавия тогда уже была оценена, и в экстренных выпусках заглавия печатались особым крупным шрифтом, а подзаголовки в тексте — курсивом. Семантический анализ заголовков показывает пропагандистскую направленность Газеты: если подсчитать слова, касающиеся успеха, поражений и нейтральные («положение дел»), то окажется, что больше всего говорится об успехах Франции (11 заголовков), успехах друзей (9). О поражениях врагов упоминается только один раз говорится об успехе врага — имперцев (они взяли город). О поражении шведов у Нердлингена — 3 сообщения, но характерно, что поданы они как нейтральные: рассказывается не о «поражении», а о «битве».

Среди методов пропагандистского воздействия Газеты

⁴¹ В конце XVII в. Газета проводила агитацию за подписку на акционерную королевскую торговую компанию, пропагандируя ее как «хорошее предприятие» (Rossel A. Le faux grand siècle... P. 140).

читателя можно назвать также использование фраз с эмоционально окрашенными словами и направленных высказываний. Первые Ренодо использовал преимущественно в 1631 г., позже перешел к сухому, «беспристрастному» изложению фактов. Направленные значения имеют приводимые в тексте Газеты анекдоты. В 1631 г. они, конечно, ориентированы против императора.⁴² Максимум количества пропагандистских высказываний в пределах нашей выборки приходится на 1672 г., когда Газета открыто настраивала читателей против Голландии и всячески расхваливала союз с Англией.⁴³ Подчеркивалась и слабость Голландии, от лица которой в одной статье говорится: «От этого города Гренингена не ожидают сопротивления, ибо войска французские и английские очень решительны, и от битвы будет успех более замечательный из всех проигранных нами».⁴⁴ А вот рассказ о работе Штатов Голландии и Фризий: «...но то, что тут говорят, все считают химерой, ибо наши слабости проявляются все чаще везде. Так, мир при любых условиях, какие только могут быть, нам был бы полезнее, чем любая война, в которой, мы уверены, все потеряем... Те, кто может извлечь выгоду из наших бед, противятся всеми средствами... приносят в жертву охотно по своему интересу всех, кто стоит за мир».⁴⁵

Опираясь на факт, что Газета немало внимания уделяла рассказу о насилиях и успехах врагов, уже был сделан вывод о «предостерегающем» характере даваемой ею информации. Это ясно видно и при анализе частоты упоминания политических деятелей. Врагов упоминается много больше, чем друзей: в 1631 г. те лица из лагеря друзей, что упомянуты в пределах выборки более одного раза, фигурируют 53 раза, враги — 80; в 1648 г. это 33 раза и 47 соответственно.

В XVIII в. содержание и методы Газеты остались прежними. Необходимость в систематическом направленном информировании не уменьшилась со временем, однако при господстве

⁴² Астролог предсказал императору поражение и разорение собственных земель, а император астрологу — что тот будет повешен. Анекдот завершается выводом: увидим, кто окажется лучшим предсказателем (Gazette. 1631. № 15). Еще одна издевка над императором касается поражения Габсбургов в войне за Мантуанское наследство, когда император был вынужден передать герцогство французскому ставленнику. Статья «Из Вены» гласит: «Насмешники говорят, что император очень постарался раздеть своих, чтобы иметь честь нарядить иностранца, и к тому же не по своей моде» (там же. 1631. № 2).

⁴³ «Французский и английский короли объединились теснее, чем когда-либо, чтобы вести против нас войну, от которой мы ожидаем только полного крушения» (там же. 1672. № 94). В Газете сохранялось повествование от первого лица — автора донесения, в данном случае голландца.

⁴⁴ Gazette. 1672. N. 94.

⁴⁵ Ibid N. 96. — Далее рассказано об обвинении с недостаточными основаниями великого пенсионария Я. де Вита.

политической системы абсолютизма решительно измениться. Модернизация прессы была необходимым условием рюдика не могла. Еще в 1745 г. Газета оставалась на уровне крепости государственной власти. Но она была осуществлена середины XVII в. по типу и манере подачи информации только революцией.

По-прежнему превалировала информация на военные и придворные темы, центр интереса представляли монархи и их деяния, не говорилось о внутреннем положении Франции. Изменившаяся ситуация внутри страны никак не повлияла на содержание Газеты. Неудивительно, что Газете перестали верить. В 1761 г. Людовик XV решил в меру возможностей улучшить Газету: он разослал обращенный ко всем интендантам в королевстве указ, гласивший, что «король желает сделать этот листок интересным и обеспечить ему заслуженное превосходство над всеми прочими».⁴⁶ Именно поэтому Газета и была передана в ведение министерства иностранных дел с тем, чтобы материалы для печати поставляли государственные секретари. Ничего более решительного абсолютизм не был в состоянии предпринять в отношении своего печатного органа. Пресса по-прежнему была обращена только к узкой прослойке людей, близких к государственной деятельности. Однако читательская аудитория в век Просвещения значительно расширилась, и большая ее часть нуждалась в ином типе информации, чем та, что давала Газета, ибо она перестала отражать действительную жизнь Европы. Примером может служить упоминание выше акцентирование внимания на захватах французских английских кораблей, чтобы продемонстрировать мнимую военную мощь Франции. К тому же в XVIII в., как и в XVII, английский король продолжали говорить как о самодержавном монархе, упоминая Парламент просто как совещательный, а высший государственный орган. Такая подача материала удовлетворяла, конечно, современников Вольтера.

Подбор тем и фактов в Газете не предоставлял материала для размышления. Это лишало ее читателей возможности критически относиться к предлагаемой информации. Газета приносила читателю информацию определенного объема, содержания и качественного уровня. Естественно, что Газета занималась пропагандой успехов, а не поражений Франции, роль в том, что она делала это регулярно. Создававший у читателей уровень информированности должен был способствовать тому, что они воспринимали факты Газеты в нужном направлении и у них формировалось убеждение в правильности политики правительства. Это было действительно в эпоху расцвета абсолютизма, но в XVIII в., в условиях, когда в французском обществе оппозиционные настроения распространялись все шире, печатная пропаганда «образца XVII в.» была не в состоянии поддержать падающий престиж королевской

Тематически связанные материалы

Л.Гордон. Некоторые итоги изучения запрещенной литературы эпохи Просвещения (вторая половина XVIII в.)

http://narod.ru/disk/38957730001/gordon-l_fe-59.pdf.html

И.Берго. Идеино-политический конфликт парламентов и абсолютизма в памфлетной войне вокруг судебной реформы Мопу (1770-1774)

http://vive-liberta.narod.ru/journal/bergo_parlam_fe-84.pdf

М.Чепурина. Общественное мнение накануне революции
http://vive-liberta.narod.ru/discuss/mach_TC.htm#public_opinion

⁴⁶ Токвиль А. Старый порядок и революция. М., 1911. С. 81.

Материал был подготовлен для веб-публикации и размещен на сайте «Великая французская революция» Юрием Карякиным (СПб) в 1999-2003 гг. Данный файл в библиотеке [Vive Liberta](#) является копией, в которую мы внесли некоторые тематические ссылки.

[З.Иванова. Дискуссии о французском дворянстве](#)

[Е.Лебедева. Дворянство и налоговые привилегии накануне революции](#)

[Агония французского абсолютизма \(глава из коллективной монографии «Французское Просвещение и Революция»\)](#)

[Т.Богданович. Аристократия и народ накануне Французской революции 1789 г.](#)

[И.Берго. Парламенты и политическая борьба во Франции накануне Великой французской революции](#)

[И.Берго. Парламентская оппозиция абсолютизму и попытки реформ в 1749-1776 гг.](#)

[Л.Пименова. Просвещение и «дворянский расизм» \(особенности идеологии и культуры французского дворянства XVIII века\)](#)

[М.Алпатов. Политические идеи буржуазной историографии XIX в. \(О.Тьерри, Ф.Гизо, Ж.Мишле, А.Токвиль, И.Тэн и др.\)](#)

Людмила Александровна Пименова

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ДВОРЯНСКОГО СОЗНАНИЯ НА ИСХОДЕ "ВЕКА ПРОСВЕЩЕНИЯ"

(по наказам дворянского сословия Генеральным штатам 1789 г.)

Статья опубликована в сб. «От старого порядка к революции»

Л.: Изд-во ЛГУ. 1988. С.77-85.

Изучение массового сознания в настоящее время является одним из наиболее интересных и плодотворных направлений историографии Старого порядка и Французской революции конца XVIII в. Плодотворный подход к этому вопросу открывают работы М. Вовеля, который, отталкиваясь от разработанной Ф.Броделем теории, разных скоростей исторического времени, стал рассматривать массовое сознание на данном временном отрезке в виде совокупности процессов, происходящих на разных уровнях и развивающихся с разными скоростями. При таком подходе на самом глубинном уровне длительной временной протяженности исследователь обнаружил наследие многовековой традиции, устойчивые формы народной культуры и т.д. На более высоком уровне средней временной протяженности протекали процессы, связанные с распространением Просвещения и присущих ему новых ценностей. Самый верхний уровень короткой временной протяженности занимают компоненты массового сознания, порожденные конкретным историческим событием. В конце XVIII в. таким событием, вызвавшим ряд сдвигов в массовом сознании, стала Французская революция со свойственным ей накалом классовой и политической борьбы(1). Сам М. Вовель применил такую методику к изучению в первую очередь сознания народных масс. Однако его подход может быть плодотворным и при анализе сознания образованных слоев общества. Их сознание не было однородным и застывшим, а представляло собой, как и сознание народных масс, систему развивающуюся и еще более сложную ввиду своего активного взаимодействия с идеологией, наукой, литературой, искусством и другими формами духовной деятельности как XVIII в., так и прошлых веков.

Рассмотрим некоторые особенности сознания французского дворянства как разновидности массового сознания на материале предвыборных наказов дворянского сословия Генеральным штатам 1789 г. Для выявления преемственности и разрыва с традицией сравним дворянские указы 1789 г. с указами Генеральным штатам 1614 г. и периода Фронды(2). При этом мы не ставим задачи сравнить между собой указы 1614 и 1649- 1651 гг. Они использовались нами в качестве единого комплекса наказов XVII в. Мы обратимся к тем разделам наказов, где речь идет о самом дворянском сословии, и посмотрим, как. их составители определяли понятие "дворянство"; чем, с точки зрения этих составителей, дворяне отличались от недворян; какие качества они считали присущими дворянству; в чем видела общественное предназначение дворянского сословия; как относились к аноблированиям и аноблированным(3).

Рассуждая о том, что есть дворянское сословие, авторы многих наказов определяли его как группу людей, занимающих высшее положение в обществе, отличающихся от других людей и пользующихся рядом преимуществ по сравнению с ними. Дворянство называли "высшим классом", "сословием, занимающим особое положение в государстве", "самой непоколебимой опорой трона", а звание дворянина - "честью", "выдающейся прерогативой", "драгоценным преимуществом"(4). Составители наказов в той или иной форме высказывали мысль, что отличительный признак дворянина состоит в превосходстве над другими. Они говорили о "превосходстве ранга" и почетных отличиях, которые "помещают дворянство над народом и позволяют влиять на народ". В качестве отличающих дворян признаков перечислялись сословные дворянские привилегии, которые именовались "прерогативами ранга, чести и достоинства", "прерогативами, связанными с достоинством дворянства", "привилегиями превосходства и чести" и т.д. Подобные формулировки перекликаются с текстами дворянских наказов XVII в., авторы которых называли свое сословие "правой рукой Франции" и утверждали, что "Дворянство есть основная опора короны. Принижение Дворянства есть ослабление Государства"(5). Авторы наказов XVII в. отстаивали приоритет дворянства в обществе и государстве. Их идеалом была социальная иерархия, основанная на принципе родовитости. И в наказах 1789 г. неоднократно шла речь о дворянах как о людях, призванных занимать высшие должности, вершить "великие и блистательные дела" и обладающих "правом быть приближенными к королю". Во всем этом проявилось представление о дворянстве как о высшем сословии, сословии сеньоров.

В той же роли сеньора, но под иным углом зрения дворянин представал в тех случаях, когда речь в наказах заходила об отношениях между дворянами и крестьянами. Эти отношения изображались в виде имеющих патерналистскую окраску отношений сеньор-вассал. Дворянам приписывались "желание облегчить участь народа и в особенности бедных деревенских жителей", "готовность заботиться о своих согражданах и о самом многочисленном и несчастном классе". В наказах говорилось, что дворяне - это "поддержка и защита, отцы крестьянина". Аналогичные статьи были и в наказах XVII в.

Среди качеств, отличающих дворянина, авторы наказов 1789 г. особо выделяли "уважение и привязанность к своему королю", "почтительнейшую покорность суверенам", "преданность короне", "самую нерушимую верность трону" и т.п. Дворяне характеризовались как "лучшие подданные". Общественное предназначение своего сословия дворяне видели в "преданной службе государству или особе короля". В этих рассуждениях о верности, преданности и верной службе дворянства королю дворянин выступал в роли вассала. Подобные формулировки можно встретить и в наказах XVII в. Дворяне рассматривались в них как верные подданные и вассалы верховного суверена-короля, которые "оказывают самые великие услуги и отдают свои жизни, жертвуют своим состоянием на службе Его Величеству", а "великие услуги, оказанные дворянством этой монархии со времени рождения оной и Королям Вашим предшественникам, в награду за оные снискали нам вольности, прерогативы, привилегии и свободы столь же древние, как эта Корона..."(6). В наказах постоянно присутствовали заверения в вассальной верности королю, например: "Ваше дворянство нижайше просит Ваше Величество заметить, что оно служит Вам, будучи основной опорой Вашей короны... что, не помышляя ни о чем, кроме как о служении Вашему Величеству, в мгновение ока оно не замедлит отдать ради Вас свою жизнь и свое состояние..."(7).

В наказах 1789 г. дворянство определялось и как военное сословие. "Военная профессия", "право выступить в первых рядах против врагов государства", "пролитая кровь и служба прошлых поколений", "готовность всегда пролить кровь ради защиты королевства и славы короля", "честь сражаться и умирать за суверена", "воинские доблести" - все это рассматривалось как признаки людей дворянского сословия. Дворянство подчас изображалось в качестве особой профессиональной группы, "от рождения призванной защищать государство". Авторы наказов неоднократно заявляли, что "военные должности - единственное ремесло, приличествующее их рождению и наклонностям"(8). Подобным же образом и авторы наказов XVII в. именовали военную службу самым почетным и исконно дворянским занятием, видя в ней общественное предназначение дворянского сословия: "Ваше Дворянство, Сир, опора Вашего скипетра, основная сила Вашего Государства, кровью своей завоевывает своему Королю славу и

честь в битвах, не щадя ничего, зачастую в ущерб своему роду, лишь бы быть достойными служить Вашему Величеству..."(9); дворяне "оказывают самые великие услуги и отдают свои жизни, жертвуют "своим состоянием на службе Его Величеству..."(10), тем более что "все самые цветущие государства мира создаются и держатся силой оружия..."(11).

Провозглашаемые авторами наказов как XVII в., так и 1789 г. общественные ценности - честь (качество, исконно присущее дворянству и возвышающее его над другими сословиями), знатность рода, верность, доблесть - соответствовали тем социальным ролям, в которых они изображали представителей дворянского сословия. И в тех и в других наказах встречались такие, утверждения, что для дворянства характерны "простая и трудовая жизнь" и "неприятие роскоши". Представления о превосходстве чести над богатством, об аскетизме как о свойстве настоящего дворянина были связаны с традиционным образом дворянства-сословия воинов.

Для дворян, составлявших указы в XVII в., истинным дворянином был только потомок старого рода. Они возмущались чрезмерным, по их мнению, количеством аноблированных, обличали случаи самовольного присвоения дворянского титула ("узурпации"), требовали принять меры, которые затруднили бы пополнение дворянского сословия извне, в частности, сократить число аноблирующих должностей. В текстах наказов было проведено четкое различие между родовитыми дворянами, с одной стороны, и аноблированными и их потомками - с другой. Последние, по мысли составителей, занимали низшее положение в рядах своего сословия и не могли пользоваться всей полнотой сословных привилегий. В ряде наказов 1789 г. также видна забота о "чистоте сословия". В них перечислены меры, направленные на ограничение аноблированных: дворяне требовали отменить продажу аноблирующих грамот; отменить аноблирования, связанные с исполнением какой-либо должности; сократить число аноблирующих должностей. Авторы наказов утверждали, что пожалование дворянским званием есть "самая лестная награда за мужество", "вознаграждение за великую службу", "награда за великие доблести", "блистательная милость" и аноблировать следует преимущественно за военную службу(12). Они обличали "узурпации дворянства" и предлагали различные способы верификации дворянского звания и титулов: учредить или в каждой провинции, или в бальяжах и сенешальствах геральдические трибуналы, состоящие из родовитых дворян, для рассмотрения спорных случаев принадлежности к дворянству; создать геральдический трибунал в Париже под председательством маршалов Франции; возложить на провинциальные штаты обязанность верифицировать дворянские титулы и противодействовать узурпациям; создать комиссию, состоящую из родовитых дворян и членов парламентов, для составления каталога дворян королевства. Рассматривая положение аноблированных внутри дворянского сословия и их права, авторы некоторых наказов не желали видеть в них полноправных дворян и заявляли о намерении исключить из собрания дворянского сословия аноблированных и в особенности тех, кто пользуется лишь правами личного дворянства. Утверждалось, что всеми дворянскими привилегиями может обладать только тот, кто достиг дворянства в четвертом поколении. Таким образом, в некоторых наказах 1789 г. сохранялось традиционное представление о дворянстве как о "закрытом сословии", основанном на праве рождения.

В глазах многих дворян, составлявших указы 1789 г., был высок престиж древности и традиции. На них подчас ссылались для убедительности в тех случаях, когда хотели дать положительную оценку какому-то явлению. Так, дворянские привилегии - это "древние вольности, которыми обычно пользовались наши предки франки", дворянское сословие "предназначено сохранять и передавать древний национальный дух", право пользоваться привилегиями дворянству снискали "пролитая кровь и служба прошлых поколений", дворянству присущи "древние нравы"(13). В этом указы 1789 г. сходны с наказами XVII в., в которых при изложении требований весомым аргументом была ссылка на "древние привилегии" дворянского сословия(14).

То, о чем речь шла выше, представляет собой как бы "глубинный пласт" дворянского сознания второй половины XVIII в. Он включает в себя традиционные представления, рассуждения, ценности и фразеологию, унаследованные от прошлого и отраженные еще в наказах начала и середины XVII в.(15) В том образе своей социальной группы, который сложился в сознании дворян, выделялись следующие традиционные компоненты: дворянство есть высшее сословие; дворянство есть сословие воинов; дворянство есть закрытое сословие, основанное на праве рождения; дворянин исполняет в обществе роли сеньора, вассала и. воина. В наказах 1789 г. нашли отражение и ценностные ориентации, соответствующие этим ролевым представлениям.

Вместе с тем при сохранении традиционных представлений изменения в дворянском сословии как социальной группе вели к сдвигам в его сознании. В течение XVIII в. дворянство Франции значительно обновилось по составу, пополнившись выходцами из третьего сословия. Далеко зашедшее персональное обновление дворянства обусловило то, что отношение к аnobлированным постепенно менялось. Если раньше на выборах в Генеральные штаты аnobлированные включались в списки избирателей третьего сословия, то на выборах 1789 г. впервые в собраниях дворянского сословия получили право принимать участие все дворяне независимо от древности рода. Другим процессом, имевшим важные последствия, было упрочение позиций "дворянства мантии" в рядах дворянского сословия. Во Франции XVIII в. происходило также частичное обуржуазивание дворянства, образовался слой "делового" дворянства, занимавшего заметные позиции в некоторых отраслях промышленности и в крупной морской торговле. Наконец, идейно-культурная среда Франции второй половины XVIII в. определялась гегемонией просветительского рационализма. Произведения французских просветителей разных течений находили отклик в дворянской среде. Дворяне воспринимали социально-политическую терминологию просветителей и свойственную им манеру мышления. В этих условиях в сознании дворян не могли не меняться представления о том, что есть дворянин, какие качества его отличают и в чем его общественное предназначение.

Популярным было принадлежащее Ш.-Л.Монтескье определение дворянства как "промежуточной власти", "сословия, необходимого в монархическом государстве". Благодаря тому, что "дворянство помещено между монархом и народом", - рассуждали авторы наказов, - оно осуществляет "связь между властью государя и слабостью народа"(16).

Расширился набор ролевых представлений дворянства. Традиционная роль воина получала переосмысление, и возникал образ воина-патриота, служащего не только монарху, но прежде всего родине. Долг дворянства стали видеть в "полезной и прославленной службе родине".

Появляется и принципиально новое понимание общественного предназначения дворянства. Встречается определение его как "сословия законодателей", рассуждения о том, что свойственными дворянину занятиями являются "все общественные должности", "участие в администрации", "гражданские должности", что дворян отличает "интерес к администрации". В наказах встречается мысль, что достойными дворянина занятиями следует признать свободные профессии и искусства. Дворянин выступает в наказах 1789 г. и в роли человека общественного, гражданина, приносящего пользу обществу. Говорится, что дворянство призвано "содействовать процветанию государства", приносить пользу родине, его удел - "общественное служение", "различные почетные и полезные обществу обязанности", "содействие нуждам нации".

Наконец, что совсем неожиданно и нетрадиционно, дворянин появляется в роли предпринимателя и торговца. Утверждается, что достойными дворянина занятиями являются "все виды торговли", "честные и приносящие доход профессии", "полезные открытия и усовершенствования промышленности"(17).

Возник новый подход к вопросу об аноблированиях и аноблированных. Авторы многих наказов заявляли, что аноблировать следует не только за особые воинские доблести, но и за гражданскую службу обладателей целого ряда должностей в центральной и местной администрации. Провозглашалось, что звание дворянина есть "награда за таланты", поэтому предлагалось аноблировать за успехи в торговле, заслуги перед родиной в сельском хозяйстве, искусствах, науках или за полезные открытия(18). Часто дворяне выступали в наказах за то, чтобы уравнивать в правах аноблированных с родовитым дворянством требовали отменить статью военного ордонанса, согласно которой для получения офицерской должности необходимо было доказать принадлежность к дворянскому сословию в четвертом поколении; заявляли, что не должно быть никаких различий рангов между дворянами в Генеральных и провинциальных штатах.

Рассуждая об отличительных чертах дворянина, авторы наказов особо подчеркивали его патриотизм. Звание дворянина подчас изображалось как "вознаграждение за патриотизм". Отмечались и такие качества, как "дух мира и согласия", "любовь к правосудию и благу", "усердие ради счастья империи"(19). В наказах встречается также мысль, что дворянина отличает "приличное образование", что настоящий дворянин-образованный, просвещенный человек.

Авторы наказов постоянно оперировали такими понятиями, как нация, общее благо, свобода личности, ссылались на доктрину естественного права. Для защиты сословных привилегий дворянства они обращались к идее собственности. Сословные привилегии изображались как "полезные и почетные права собственности"(20).

Эти представления и ценностные ориентации составляют в сознании дворянства пласт, сформировавшийся на исходе Старого порядка в результате социально-классовой эволюции дворянства, а также под влиянием культуры и идеологии Просвещения. К политической теории Ш.-Л.Монтескье восходит представление о дворянстве как о "промежуточной власти", которая создает равновесие между монархом и народом и предохраняет монархию от вырождения в деспотию. Другим компонентом образа дворянского сословия является представление о том, что дворянство есть уважаемая и по заслугам отмеченная часть нации, самые достойные и лучшие граждане. Диапазон социальных ролей, в которых предстает дворянство в наказах 1789 г., был достаточно широк: от воина-патриота до судейского чиновника и предпринимателя. Таким образом, часть дворянства не воспринимала свое сословие как группу, объединенную общей профессией. Имело значение лишь то, что дворяне - это люди, добившиеся в какой-либо общественно полезной деятельности наибольшего успеха. Дворянство в значительной мере усвоило общественно-политические ценности "века Просвещения" - нация, гражданин, счастье, общее благо, польза, собственность и т.д. - не только на уровне фразеологии, но и в качестве элементов системы социально-политического мышления.

Наконец, в рассуждениях авторов наказов о дворянском сословии и его общественном предназначении можно выделить еще один особый пласт. Встречаются утверждения, что долгом дворянства является денежная "помощь родине", "великодушная, патриотическая, братская и единоклубная помощь государству", что дворянское сословие готово "разделить с третьим сословием бремя общественных налогов". Подобные заявления появились под влиянием политической конъюнктуры последних месяцев Старого порядка. Тревожная атмосфера предреволюционного кризиса в стране породила столь своеобразную трактовку в наказах общественных обязанностей дворянского сословия, которая была бы невозможна еще полгода назад. Напряженная обстановка, накал политической борьбы и необходимость искать союзников в этой борьбе заставляли дворян настойчиво подчеркивать свою неразрывную связь со всей нацией, преданность идеалам братства. Служение дворянства обществу и верность гражданскому долгу авторы наказов готовы были распространить даже на уплату налогов, не делая даже в этом существенном вопросе, касающемся одной из основных сословных привилегий, различия между дворянами и прочими гражданами.

Дворянские указы 1789 г. позволяют изучать дворянское сознание переломного, кризисного момента. Кончался, "век Просвещения". Франция стояла на пороге революции 1789-1799 гг. и промышленной революции, в ходе которой сформировался новый господствующий класс буржуазной Франции. Дворянское сознание отражало переходность этого исторического момента. Оно не было единым. В значительной мере сохранились традиционные дворянские представления и ценности. Вместе с тем в указах широко отразились стереотипы социально-политического мышления эпохи Просвещения, видно ослабление влияния традиционных дворянских и наряду с этим восприятие некоторых буржуазных ценностей. В одних указах отчетливо видны традиционные, в других явно преобладают новые представления и ценности, но при этом, как правило, и те и другие в разном соотношении присутствуют в одних и тех же указах. Синтез элементов традиционного сословного и просветительско - рационалистского сознания свидетельствует о зарождении на исходе старого порядка идей и ценностей, свойственных миру нотаблей послереволюционной Франции XIX в. Авторитет, с одной стороны, происхождения, репутации, семейных традиций, с другой стороны, собственности и личного успеха был характерной чертой сознания нотаблей.

1. Vovelle M. La mentalité révolutionnaire // Sociétés et mentalités sous la Révolution française. Paris, 1985.
2. Были использованы 165 указов штатам 1789 г. и несколько указов XVII в. Перечень их изданий и источниковедческую характеристику см.: Пименова Л. А. Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986. с.12-21, 194.
3. Подробнее о дворянской идеологии и политической культуре второй половины XVIII в. см.: Пименова Л.А. Дворянство... с.77-120.
4. См., напр.: Archives parlementaire de 1787 ? 1860. Paris, 1879. T.1. P.690, 702; T.2. P.47; T.5. P.432.
5. Cahiers de doléances de la noblesse d'Orléannais, Normandie et Bretagne pour les Etats généraux de 1614 /P. p.Y. Durand//.Université de Nantes: Enquêtes et documents. 1971. Nantes, 1971. T.1. P.180.
6. Mousnier R., Labatut J.-P., Durand Y. Problèmes de stratification sociale. Paris, 1965. P.139.
7. Cahiers de doléances d'Orléannais.... P.92.
8. Archives parlementaires. T.5. P.567.
9. Remontrances de la noblesse de Provence / p.p. F.-X.Emmanuel // Archives et documents pour l'histoire moderne. Ser. 1. Noblesse. 1614. Aix-en-Provence, 1974.
10. Mousnier R., Labatut J.-P., Durand Y. Problèmes... P.139.
11. Cahiers de doléances d'Orléannais... P.92.
12. Archives parlementaires... T.1. P.742, 775; T.2 P.7, 48 238, 251, 491, 642, 665, 749; T.3. P.665; T.5. P.359; T.6. P.140, 189
13. Ibid. T.1. P.702; T 5. p.432.
14. Cahiers de doléances d'Orléannais... P.60.
15. О социально-политических взглядах дворянства по указам XVI- XVII вв. см. также: Durand Y. L'idéal social en Champagne méridionale du XVIe au XVIIe siècle // Actes du 92e Congrès national des Sociétés savantes. 1967. Strasbourg-Colmar. Section d'histoire moderne et contemporaine. T.3. Paris, 1970.
16. Archives parlementaires... T.2. P.658, 766; T.3. P.664; T.5. P.563.
17. Ibid. T.2. P.295; T.3. P.727; T.5. P.450.
18. Ibid. T.6. P.716.
19. Ibid. T.2. P.378, 492, 626; T.3. P.128, 624; T.4 p.110; T.5 p.447-448; T. 6. p.179.
20. Ibid. T.2. P.171; T.74, P.726; T.5. P.754; T.6. P.189.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А.А.ЖДАНОВА

ОТ СТАРОГО ПОРЯДКА К РЕВОЛЮЦИИ

к 200-летию Великой французской революции
Межвузовский сборник под ред. проф. *В.Г.Ревуненкова*
Л.: издательство ЛГУ. 1988

В сборнике рассматриваются основные проблемы политической истории Великой французской революции, 200-летие начала которой в 1989 г. готовится отметить все прогрессивное человечество. Статьи содержат материалы, опровергающие представления, которые пропагандирует буржуазная наука о неизменности социальных структур и политических институтов Старого порядка в послереволюционную эпоху. Особое внимание уделяется проблемам политической культуры. Книга предназначена для историков, обществоведов и читателей, интересующихся историей Франции.

Редколлегия: д-р ист. наук В.Г.Ревуненков (отв. Ред.),
д-р искусствоведения Н.Н.Калитина, д-р ист. наук Г.Л.Курбатов,
д-р ист. наук Г.Р.Левин, канд. ист. наук А.Б.Егоров,
канд. ист. наук Н.Е.Колосов, С.Н.Коротков (отв. секр.)

Рецензенты: д-р ист. наук Ю.В.Егоров (ЛГПИ им. А.И.Герцена)

Печатается по постановлению

Редакционно-издательского совета Ленинградского университета.

Веб-публикация: **Vive Liberta, 1 вандемьера ССХХI года**

Ссылки на тематически связанные материалы даны нами после текста статьи.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Текст здесь: <http://vive-liberta.diary.ru/p180910172.htm>

Ревуненков В.Г. (Ленингр. ун-т). **Современные интерпретации Великой французской революции**

Колосов Н.Е. (Ленингр. ун-т). **Высшая бюрократия в политической системе Старого порядка**

Озолинг А.Е. (Ленингр. ун-т). **Французская памфлетистика при Старом порядке**

Шпаковская И.А. (Ленингр. ун-т). **Роль периодической печати в политической системе Старого порядка**

Пименова Л.А. (Моск. ун-т). **О некоторых особенностях дворянского сознания на исходе «века Просвещения»**

Текст здесь: <http://enlightment2005.narod.ru/arc/lpimen.pdf>

Лукьянец И.В. (Ленингр. ун-т). **Этико-политические взгляды аббата Сен-Пьера (1658-1743)**

Коротков С.Н. (Ленингр. ун-т). **Финансовая политика Французской революции: характер и итоги**

Текст здесь:

http://enlightment2005.narod.ru/arc/cambon_tarle_korotkov.pdf

Искюль С.Н. (ЛОИИ АН СССР). **Дворянские привилегии и дворянство в эпоху революции**

Соколов О.В. (МИАИВВС). **Высшие офицеры французской армии и революционное правительство 1792-1794 гг.**

Куркина Ю.В. (БАН АН СССР). **Вареннский кризис и французское общественное мнение**

(по материалам памфлетов эпохи Великой французской революции)

Плавинская Н.Ю. (ИВИ АН СССР). **«Дух законов» Монтескье и публицистика Великой французской революции 1789-1799 гг.**

Текст здесь: <http://www.montesk.info/article/plavin1.html>

Хлобыстин А.Л. (Гос. Эрмитаж). **Л.-Л.Буальи - художник эпохи Великой французской революции**

(опыт социологической интерпретации)

Калитина Н.Н. (Ленингр. ун-т). **О празднествах эпохи Великой французской революции**

Ирина Владимировна Лукьянец

ЭТИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ АББАТА СЕН-ПЬЕРА (1658-1743)

Для первой половины XVIII века характерно активное движение этической мысли, развивающейся неотрывно от общей философии Просвещения, в том числе и от общественно-политических теорий. Именно на раннем этапе Просвещения зарождаются те тенденции в трактовке морали, которые в дальнейшем находят продолжение в радикальных предреволюционных теориях Дидро, Руссо, физиократов. Принципиальное родство этических и социально-политических теорий просветителей основывается прежде всего на своеобразии просветительского взгляда на общественный процесс, на вере в возможность преобразования мира путем нравственного улучшения человека, на единстве антропологического подхода как к проблемам этики, так и к проблемам политики.

Просветители первых десятилетий века единодушно выдвигают положение о необходимости научного подхода к проблемам нравственности. Необходимость такого подхода констатирует Монтескье: «Моральное зло и добро скорее стали чувст-

вом, чем объектом познания».¹ «Большинство людей постигают мораль так, как они постигают язык. Они очень далеки от того, чтобы знать ее принципы и цели», — пишет другой мыслитель этого периода аббат Террассон (1660—1750).² В то же время утверждается и возможность превращения этики в точную науку. «Законы морали столь же доступны познанию, как и законы математического мира», — выражает общепросветительское убеждение Левек де Пуи (1691—1750).³ Стремление к научности и объективности — это и проявление стремления к тому, чтобы придать этике Просвещения не императивный, а объясняющий характер, выводить ее не из должного, а из сущего. Обращаясь прежде всего к разуму, моралисты стараются не столько поучать, сколько объяснять, не столько призывать, сколько доказывать.⁴ «Я не морализую, не проповедую, не декламирую, я только объясняю. Я ревностный гражданин и горжусь этим, но я пишу не в качестве гражданина, а в качестве философа», — заявляет в своем этическом трактате «Анти-Сенека» Ламетри.⁵

Принципы и законы нравственности просветители искали в «природе» человека, в ее биологических законах. Природа понималась как неизменная и вечная, причем самому просветительскому понятию природы человека присуща некоторая двойственность (это природа и биологическая и общественная). Как биологической особи человеку свойственно прежде всего, по мнению просветителей, индивидуалистическое стремление к удовольствию и бегство от страданий. Как общественное же существо человек предназначен для сосуществования с другими личностями, наделенными такими же потребностями. На раннем этапе Просвещения противоречивость понятия «природы» человека не выявлялась так резко, как это было позднее, например у Дидро в «Племяннике Рамо».⁶

Своеобразное примирение этих двух начал, биологического и общественного, происходит в господствующей на раннем этапе Просвещения теории врожденной морали. Во Франции сторонниками этой теории были Вольтер, Дидро (на раннем этапе своего творчества), аббат Трюбле и др. Общественность человека, по мнению сторонников этой идеи, коренится в самой его физической природе (например, в таком проявлении человеческой психики, как чувствительность). Левек де Пуи пишет:

¹ Montesquieu Ch.-L. *Mes Pensées* (cit.: Mercier R. *La notion de la loi morale chez Montesquieu* // *Actes du 6e Congrès des langues et Littératures modernes*, Oxforde, 1974. P. 184—192).

² Terrasson, abbé. *La philosophie applicable à tous les objets de l'esprit et de la raison*. Paris, 1754. P. 35.

³ Levesque de Pouilly. *Théorie des sentiments agréables*. Genève. 1747. P. 35.

⁴ Дробницкий О. Г. *Понятие морали*. М., 1974.

⁵ Ламетри Ж. О. *Сочинения*. М., 1974. С. 313.

⁶ См. напр.: Длугач Т. Б. *Философия Просвещения и «парадоксы» Дени Дидро* // *Вопросы философии*. 1984. № 8. С. 11—22.

«Главный способ, которым воспользовалась Природа для того, чтобы создать Общество, было то, что все счастье и несчастье людей она сделала общим... Чувствительный человек не может видеть рану другого, не ощутив при этом боли в той же части тела».⁷ К сообществу с другими людьми человека толкает инстинкт самосохранения. «Человек не может выбрать более эффективный способ самосохранения, чем союз, который он заключает с другими людьми»⁸, — пишет Ладвока.

Позитивный идеологический смысл идеи врожденной морали — прежде всего в утверждении природного равенства людей, их физических и душевных свойств. Носителем врожденной «природной» морали объявлялся как разум, так и чувство, но наибольшее распространение эта теория приобретает у сторонников чувствительной морали (Вовенарг, Трюбле, Дюкло), утверждавших универсальный ее характер, общий как у дикаря, так и у цивилизованного человека. «Врожденные» нормы морали объявляются просветителями «естественной» моралью, своего рода эталоном, отступление от которого объясняется чаще всего несовершенством реально существующих отношений, законов. Так, например, пишет об этом Ладвока: «Если какая-либо нация ведет себя не соответственно Принципам этого всеобщего закона, это происходит не потому, что плох этот Закон ... но потому, что он соединяется с положительным законом, портящим нацию».⁹ Вольтер критиковал государственную политику нетерпимости к инаковерующим в своем «Опыте о терпимости» (1763) прежде всего с точки зрения ее несоответствия естественной морали. С тех же позиций он объявляет войну величайшим моральным злом.¹⁰

Двойственность понятия «природы» человека выразилась в разработке просветителями фундаментальных этических понятий «счастья» и «добродетели». Если категория счастья направлена прежде всего на биологическое, индивидуальное начало личности (что было свидетельством реабилитации чувственного начала в человеке, и, таким образом, между удовольствием и счастьем просветители ставят знак равенства), то социальное содержание этики Просвещения в основном выражается в категории добродетели. Как бы ни понималось происхождение и природа нравственности, общим для всех моралистов было осознание общественного характера добродетели. Вслед за Дидро, который перевел и комментировал в 1745 г. труд Шефтсбери «Принципы моральной философии», Ламетри пишет: «Вот в чем, по-нашему, заключается добродетель. Она

⁷ Levesque de Pouilly. *Théorie des sentiments*... P. 134.

⁸ Ladvocat L.-F. *Entretiens sur un nouveau système de morale et de physique, ou la recherche de la vie heureuse selon les lumières naturelles*. Paris, 1721. P. 5.

⁹ Ibid.

¹⁰ Кузнецов В. Н. *Франсуа Мари Вольтер*. М., 1978.

заключается во всем том, что полезно обществу; все остальное — только призраки».¹¹ Наиболее характерным для работ о морали начала века было провозглашение добродетелей именно общественного характера (в отличие от добродетелей индивидуальной направленности, например целомудрия и умеренности, бывшими наиболее распространенными в работах о морали конца XVII века и ранее). На первый план в работах просветителей выходят Справедливость,¹² Терпимость,¹³ Человечность,¹⁴ Благотворительность.¹⁵ Основание всех этих добродетелей коренится в становлении сознания общности человеческого рода, равенства природных способностей и взаимозависимости людей друг от друга. Осознание этой общности приводит к новому пониманию известной формулы, повторяемой всеми просветителями: «Не делай другому того, что бы ты не хотел, чтобы сделали тебе», определяемой как принцип Справедливости. В эпоху Просвещения эта формула как концентрированное выражение теории естественного права приобретала особое, утилитаристское значение и являлась теоретической основой многих этических и политических теорий.

Стремление превратить мораль в точную теоретическую науку сочетается в работах моралистов-просветителей с утверждением ее практического, активного начала. Мораль столь же часто, как и науку, называют искусством, которому можно обучить. Дюкло, например, предлагает понимать под словом «мораль» «науку, которая влияет на людей, их обычаи, образ мыслей, действий и чувств».¹⁶ Ладвока также утверждает, что «наука о морали отнюдь не чисто спекулятивная наука, но наука активная, которую можно определить как „искусство поступать хорошо“».¹⁷ Говоря об активном характере науки о морали, просветители имеют в виду и применение ее универсальных, «вечных» принципов в политике. Маркиз де Вовенарг определяет политику как «общественную мораль».¹⁸

Рассмотрим в качестве примера, как преломились просветительские этические взгляды в политических теориях одного

¹¹ Ламетри. Сочинения. С. 278.

¹² См. напр.: Saint-Pierre Ch. Castel I. *Ouvrage politiques*. Vol. 1 — 14. Rotterdam, 1733—1740; Vol. 12. P. 12; Trublet N. *Essais sur divers sujets de littérature et de morale*. Vol. 1—2. Paris, 1735. Vol. 1. P. 18 etc.

¹³ Montesquieu Sh-L. *Mes Pensées*. P. 131; Ламетри. Сочинения. С. 212.

¹⁴ Buffier P. *Traité de la société civile*. Paris, 1726; Toussaint (abbé). *Les Moeurs*. S. I., 1748. P. 363, 367, 369; Duclos Sh-P. *Les considérations sur les moeurs*. Paris, 1751. P. 9, 49; Levesque de Pouilly. *Théorie des sentiments*. P. 210, 56, 59.

¹⁵ Trublet abbé. *Essais*. P. 14, 93; Le Maître de Claville. *Traité de vrai mérite de l'homme considéré dans tous les âges et dans toutes les conditions*. Paris, 1734. P. 247, 254; Ladvocat L-F. *Entretiens*. P. 98.

¹⁶ Duclos Ch. P. *Considération*. P. 8—9.

¹⁷ Ladvocat L-F. *Entretiens*. P. 57.

¹⁸ Vauvenargues, m-s de. *Oeuvres choisies*. Paris, 1950. P. 169.

из мыслителей первой половины столетия аббата Сен-Пьера. Аббат Шарль Ириней Кастель де Сен-Пьер был противником абсолютизма Людовика XIV, особенно его воинственной политики. В своих трудах Сен-Пьер отказывал Людовику XIV в титуле Великий, за что и был изгнан в 1718 г. из Академии. Аббат Сен-Пьер был автором множества проектов как экономического (проект о торговле), так и социального (проекты о почте, о ниществе) характера. Сен-Пьер был основателем политического клуба «Антресоль», игравшего заметную роль в интеллектуальной жизни Франции того времени.¹⁹ Политические и этические взгляды Сен-Пьера были обобщены им в четырнадцати томах «Политических и моральных трудов» (1730—1740). Основные идеи по реорганизации правления государством сводились им к следующим трем проектам: 1. Основание политической академии. 2. Введение выборной системы для высшего чиновничества. 3. Введение полисинодии (многосоветной системы).

Главную цель усовершенствования правления Сен-Пьер видел в увеличении блага и уменьшении страданий как можно большего числа людей (т. е. в том, в чем усматривала свою цель и просветительская этика). Одну из возможностей достижения этой цели Сен-Пьер усматривал в распространении политических знаний, понимаемых как наука управления, основанная на законах естественной морали, в как можно более широкой, разумеется, дворянской, среде, т. е. в основании Политической академии. «Искусство хорошо управлять, или, если хотите, политика, это наука, несравненно более полезная для увеличения блага и уменьшения страданий человеческого рода, чем какая бы то ни было частная наука».²⁰ Именно идея распространения и широкого обсуждения политических проблем вызвала недовольство правительства и явилась причиной закрытия клуба «Антресоль».

Второй политический проект аббата Сен-Пьера заключался в введении принципа выборности коллегий, долженствующих заменить министерства. Сам по себе принцип выборности, как идущий не сверху от короля, а снизу к королю, был смелой оппозиционной идеей. В принципе выборности, так же как и в идее о необходимости распространения науки об управлении, Сен-Пьер видел средство борьбы с господством частного интереса в управлении государством. Задавая вопрос о том, почему же распространение политических знаний, так же как и выборность, не стали принципами политики, Сен-Пьер отвечает, что причина этого прежде всего в том, что это невыгодно мини-

¹⁹ О жизни и творчестве Сен-Пьера см.: Goumis E. *Etude sur la vie et écrits de l'abbé de Saint-Pierre*. Paris, 1859; Drouet J. *L'abbé de Saint-Pierre, l'homme et l'oeuvre*. Paris, 1910. Labriolle M.-R. *Un citoyen économiste: l'abbé de Saint-Pierre*. Genève, 1959.

²⁰ Saint-Pierre. *Ouvrages politiques*. Vol. 1—14, vol. 13. P. 4.

страм, стоящим у власти. Их частный интерес побуждает их бояться за свои доходы, и, следовательно, они заинтересованы в том, чтобы как можно менее была очевидна их ненужность, что возможно лишь при политической неграмотности населения. Принцип же выборности ставит их частный интерес под еще большую угрозу.²¹

Критика частного интереса в правлении государства опирается у Сен-Пьера на просветительскую этическую трактовку эгоизма, личного интереса. Эгоизм, личный интерес понимается просветителями уже на раннем этапе Просвещения как неотъемлемая данность природы. Утилитаристская концепция эгоизма в дальнейшем будет развита Гельвецием в его теории интереса. Приведем несколько характерных положений, высказанных мыслителями этого периода: «...люди полны самолюбия и привязаны к своим интересам. Будем исходить из этого. Эта предрасположенность не имеет в себе ничего порочного, она становится хорошей или плохой лишь по своим результатам» (Дюкло).²² «Я уверен, что у человека нет ничего дороже, чем стремление к самосохранению, что он постоянно озабочен тем, чтобы обеспечить себе блага, которые могут способствовать этому сохранению... эта склонность является не только общей для всех людей, но Природа наделила ею и животных» (Ладвока).²³ В то же время эгоизм, преследующий поиск личного счастья за счет других, подвергается просветителями осуждению (Мопертюи, Бюфье, Ле метр де Клавиль и др.). Эти две тенденции в понимании эгоизма так выразил маркиз де Вовенарг: «Есть различие между самолюбием (*amour-propre*) и любовью к себе (*amour de nous*). Любовь к себе входит во все страсти, с любовью к себе можно искать счастья вне себя, можно любить нечто вне себя более, чем свое собственное существование. Самолюбие же, напротив, все подчиняет своему удобству и благополучию. Оно само по себе — единственный объект и цель».²⁴ Таким образом, в просветительской этике эгоизм получает ценностную характеристику в зависимости от своих социальных результатов.

По мнению аббата Сен-Пьера, частный интерес, если он способствует общему благу, является уже не пороком, а добродетелью²⁵ (например, если интерес гражданина заключается в совершении доброго дела). Здесь Сен-Пьер применяет знаменитую утилитаристскую формулу просветителей: «Делай другому то, что бы ты хотел, чтобы сделали тебе».²⁶

Третий принцип реорганизации государственной власти —

принцип полисинодии (многосоветности) — направлен Сен-Пьером против «визирата», исторически конкретно воплощенного для Сен-Пьера в правлении Ришелье). В трактовке Сен-Пьера, идея полисинодии — это, по существу, парламентская монархия, имеющая мало общего с реальной полисинодией Регента. Идею полисинодии, высказанную Сен-Пьером, разбирает и одобряет в своем «Суждении о полисинодии» Руссо. Руссо называет взгляды Сен-Пьера революционными и предостерегает от того, чтобы отождествлять его проект с существовавшей в период Регентства коллегиальной системой, представлявшей собой тот же видоизмененный «визират». По мнению Руссо, чтобы осуществить проект Сен-Пьера, необходимо было бы разрушить всю существующую систему управления: «В вопросе о полисинодии речь идет не меньше, чем о революции...». Только введение выборности уже произвело бы переворот...». Однако Руссо критикует Сен-Пьера за то, что в своей политике он утопически опирается на абстрактно-этические понятия «общего блага», «любви к родине» и т. д.²⁷

Хотя Сен-Пьер нигде в своих трудах не высказывается против принципа монархии, его представление о ней далеки от официальной доктрины абсолютной богоданной монархии. Он не признает за монархом главенствующей роли в управлении государством. «... Монархи правят государством, министры правят монархами, а частный интерес министрами».²⁸ Король нужен государству и велик как личность лишь тогда, когда он думает о благе народа. Сен-Пьер высказывает демократическую мысль о том, что рождение не является добродетелью. «Титул самого могущественного Государя в Европе может быть получен от рождения. Можно увидеть величайший трон мира занятым либо безумцем, либо дураком, либо человеком злым, жестоким, погрязшим в пороках, как Нерон».²⁹ Сен-Пьер против династического способа правления и не доверяет личности монарха. Учитывая случайность появления этой личности, он уповает на роль приближенных, избранных голосованием и, таким образом, независимых от воли монарха.

Дворяне, будущие возможные государственные чиновники, члены коллегий, должны воспитываться в соответствии с нормами естественной морали, которая и должна быть в основе управления государством. Однако Сен-Пьер, так же как и Монтескье,³⁰ не ставит знака равенства между моралью политической и моралью частной. Так, например, лесть и обман, преследующие личную выгоду в частной жизни, являются, по мнению Сен-Пьера, пороком, однако министр, имеющий целью благо на-

²⁷ *Oeuvres complètes de Rousseau*. Vol. 1—8. Paris, 1887. Vol. 5. P. 348—363.

²⁸ *Saint-Pierre. Ouvrages...* Vol. 3. P. 6.

²⁹ *Ibid.* Vol. 12. P. 98.

³⁰ *Mercier R. La notion de la loi morale...*

²¹ *Ibid.* Vol. 3. P. 5—6.

²² *Duclos Ch. P. Considération...* P. 7.

²³ *Ladvoat L.-F. Entretiens...* P. 6.

²⁴ *Vauvenargues, m-s de. Oeuvres choisies...* P. 194.

²⁵ *Saint-Pierre. Ouvrages politiques*. Vol. 12. P. 97.

²⁶ *Ibid.* P. 12.

рода, вправе употреблять эти средства, оказывая влияние на короля. «Главный министр может быть льстивым и добродетельным, лишь бы при этом лесь гарантировала подданных от великих бед и приводила к одним великим благодеяниям».³¹ Анализируя частные случаи, Сен-Пьер приходит к общим моральным выводам, разрабатывая конкретное руководство по воспитанию политических деятелей. Так, в главе XXI двенадцатого тома своих трудов он оспаривает полезность и важность для правильного правления категории чести: «Если держать слово есть дело чести, то сдержать его с угрозой для своей или чужой жизни есть преступление. Важнейшей добродетелью является не честь, а справедливость. Ваше слово имеет значение лишь в пределах нашей власти. А Ваша власть не может простирается на блага, честь и жизнь другого, как и власть другого на вашу жизнь, благо и честь. Справедливость есть оплот, страж, который один только и может нам обеспечить взаимную безопасность — монархам по отношению к подданным, а подданным по отношению к монархам ... все подчинено справедливости, все — в зависимости от нее, она одна ни от чего не зависит».³² Таким образом, под справедливостью, так же как и большинство теоретиков естественного права, Сен-Пьер понимает соблюдение права всех людей на жизнь и благосостояние, соблюдение их «естественного права».

Труды аббата Сен-Пьера — характерный документ раннего умеренного этапа оппозиции официальной политической доктрине Франции XVIII века. Однако в наиболее прогрессивных положениях его теории (об ограничении королевской власти, о необходимости защиты прав личности) проявилось исторически прогрессивное просветительское понимание общества. Политические взгляды Сен-Пьера, как и многих других теоретиков рассматриваемой эпохи, опирались на вырабатываемые этикой данного периода идеи справедливости, общности человеческого рода. Его творческие поиски путей справедливости в политике были плодотворны и тем, что идеи его критически осваивались и развивались такими теоретическими предшественниками революции, как Монтескье и Руссо. Его труды были одним из первых проявлений стремления к революционным преобразованиям во Франции XVIII века. Для современников аббата Сен-Пьера его сочинения были обещанием и надеждой, они видели в них «зарю нового общества и эры безграничного благоденствия для человеческого рода».³³

³¹ Saint-Pierre. Ouvrages... Vol. 3. P. 109.

³² Ibid. Vol. 3. P. 109.

³³ Janet P. Histoire de la science politique dans ses rapports avec la morale. Vol. 1—2. Paris, 1931. P. 301.

Некоторые тематически связанные материалы

Л.Гордон. Забытый утопист XVIII века Тифэнз Деларош
http://vive-liberta.narod.ru/journal/delaroche_gordon-l_62.pdf

Л.Гордон. Неизвестный публицист XVIII в. Огюстен Руйе
http://vive-liberta.narod.ru/journal/gordon-l_fe-64.pdf

А.Деборин. Социально-политическая доктрина физиократов
http://enlightment2005.narod.ru/papers/phisiocrats_deborin.pdf

В.Волгин. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin_soc2.pdf

В.Волгин. Социальные и политические идеи во Франции перед Революцией
<http://enlightment2005.narod.ru/science/volgin5.pdf>

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А.А.ЖДАНОВА

ОТ СТАРОГО ПОРЯДКА К РЕВОЛЮЦИИ

к 200-летию Великой французской революции
Межвузовский сборник под ред. проф. В.Г.Ревуненкова

Л.: издательство ЛГУ. 1988

В сборнике рассматриваются основные проблемы политической истории Великой французской революции, 200-летие начала которой в 1989 г. готовится отметить все прогрессивное человечество. Статьи содержат материалы, опровергающие представления, которые пропагандирует буржуазная наука о неизменности социальных структур и политических институтов Старого порядка в послереволюционную эпоху. Особое внимание уделяется проблемам политической культуры. Книга предназначена для историков, обществоведов и читателей, интересующихся историей Франции.

Редколлегия: д-р ист. наук В.Г.Ревуненков (отв. ред.), д-р искусствоведения Н.Н.Калитина, д-р ист. наук Г.Л.Курбатов, д-р ист. наук Г.Р.Левин, канд. ист. наук А.Б.Егоров, канд. ист. наук Н.Е.Колосов, С.Н.Коротков (отв. секр.)

Рецензенты: д-р ист. наук Ю.В.Егоров (ЛГПИ им. А.И.Герцена)
Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Ленинградского университета.

Веб-публикация: **Vive Liberta**, 1 вандемьера ССХХI года

Ссылки на тематически связанные материалы даны нами после текста статьи.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Текст здесь: <http://vive-liberta.diary.ru/p180910172.htm>

Ревуненков В.Г. (Ленингр. ун-т). Современные интерпретации Великой французской революции

Копосов Н.Е. (Ленингр. ун-т). Высшая бюрократия в политической системе Старого порядка

Озолинг А.Е. (Ленингр. ун-т). Французская памфлетистика при Старом порядке

Шпаковская И.А. (Ленингр. ун-т). Роль периодической печати в политической системе Старого порядка

Пименова Л.А. (Моск. ун-т). О некоторых особенностях дворянского сознания на исходе «века Просвещения» (по наказам дворянского сословия Генеральным штатам 1789 г.)

Текст здесь: <http://enlightment2005.narod.ru/arc/lpimen.pdf>

Лукьянец И.В. (Ленингр. ун-т). Этико-политические взгляды аббата Сен-Пьера (1658—1743)

Коротков С.Н. (Ленингр. ун-т). Финансовая политика Французской революции: характер и итоги

Текст

здесь:

http://enlightment2005.narod.ru/arc/cambon_tarle_korotkov.pdf

Искюль С.Н. (ЛОИИ АН СССР). Дворянские привилегии и дворянство в эпоху революции

Соколов О.В. (МИАИВВС). Высшие офицеры французской армии и революционное правительство 1792—1794 гг.

Куркина Ю.В. (БАН АН СССР). Вареннский кризис и французское общественное мнение (по материалам памфлетов эпохи Великой французской революции)

Плавинская Н.Ю. (ИВИ АН СССР). «Дух законов» Монтескье и публицистика Великой французской революции 1789—1799 гг.

Текст здесь: <http://www.montesk.info/article/plavin1.html>

Хлобыстин А.Л. (Гос. Эрмитаж). Л.-Л.Буальи — художник эпохи Великой французской революции (опыт социологической интерпретации)

Калитина Н.Н. (Ленингр. ун-т). О празднествах эпохи Великой французской революции

Сергей Николаевич Искюль

ДВОРЯНСКИЕ ПРИВИЛЕГИИ И ДВОРЯНСТВО В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИИ

К концу XVIII в. «второе сословие» французского общества отнюдь не представляло собой сложившегося однородного единства. Глубинные процессы в социально-экономической сфере, затронувшие основные категории классовой структуры, существенно изменили положение как дворянства в целом, так и отдельных его групп. В последние десятилетия века очевидным было размывание родовитого дворянства (аристократии) и его слияние с дворянством служилым — судебским и чиновничьим, так что непосредственно перед революцией «дворянство шпаги» и «дворянство мантии» по ряду существенных признаков ста-

новились понятиями весьма относительными. Это размежевание сословных групп дворянства характеризовалось известным обуржуазиванием некоторой части аристократии и провинциального дворянства, которой оказались близки не только материальные выгоды предпринимательства, но и определенный либерализм общественно-политической мысли (характерный для обеспеченных групп «третьего сословия»), такой каким его можно себе представить к концу XVIII в.

Подробное и критическое изложение важнейших событий в истории дворянства эпохи Революции обычно не входит в задачу историков, создателей общих трудов о революционном периоде французской истории. Существующая интерпретация, восходящая за некоторыми модификациями еще к А. Олару, предлагает весьма общую трактовку участия дворянства в революционных событиях конституционного периода, оставляя за ее пределами многие аспекты темы. События «дворянской» истории Французской революции эта, утвердившаяся и в отечественной историографии, интерпретация традиционно рассматривает в рамках законодательной деятельности Учредительного собрания, освещая те моменты его деятельности, в которых так или иначе затрагивался вопрос о дворянстве. При этом выступление дворянских депутатов в пользу отмены дворянских привилегий и самого наследственного дворянства обычно трактуется как стремление дворянства обезопасить себя перед лицом широкого народного движения, путем отказа только от тех прав и привилегий, которые уже потеряли свое значение с началом революционных выступлений. Тот факт, что законодательное оформление этих актов происходило не сразу, объясняется стремлением дворянства в лице его депутатов сохранить возможно большее число дворянских привилегий.

Анализ последних исследований (главным образом французских историков), посвященных истории дворянства и его отдельных групп,¹ приводит к выводу о том, что тема дворянства, и в первую очередь либеральной аристократии, в революционном движении (в котором со стороны последней, по-видимому, не всегда имело место политическое «блокирование» с крупной буржуазией)² нуждается в серьезном исследовании. «Раскрыть

¹ Ford F. L. Robe and Sword. New York, 1965; Richet D. Autour des origines idéologiques lointaines de la Révolution française // Annales E. S. C. 1969. N 1. P. 1—23; Bitton D. French nobility in crisis. Stanford, 1969; Groubert P. L'Ancien Régime. Paris, 1969. Vol. 1—2; Mousnier R. La société française de 1770 à 1789. Paris, 1970. Vol. 1—2; Lucas C. Nobles, bourgeois and the origin of the French revolution // Past and Present. 1973. N 60. P. 84—126; Richard G. Noblesse d'affaires au XVIIIe siècle. Paris, 1974. — Особо отметим специальные работы и обобщающий труд Ж. Мейера: Meyer J. 1) La noblesse bretonne au XVIIIe siècle. Paris, 1966. Vol. 1—2; 2) Un problème mal posé: La noblesse pauvre // Revue d'Histoire moderne et contemporaine. T. XVIII, avril—juin 1971. P. 161—188; 3) Noblesse et pouvoirs dans l'Europe de l'Ancien Régime. Paris, 1973.

² Ср.: Манфред А. З. Великая французская революция. М., 1983. С. 26.

законы жизни и смерти феодальной аристократии — такой становится ныне одна из задач историка Французской революции», — писал А. Собыль в полемической заметке «Sur une prétendue "Revolution des élites"».³ Неожданный интерес видного историка к проблеме дворянства в эпоху революции не случаен и вполне объясним. На протяжении многих лет, отмеченных многими плодотворными исследованиями по истории крестьянства, санкюлотского движения, институтов и политики якобинской диктатуры, проблема дворянства традиционно трактовалась в рамках представлений о «консервативной социальной силе, связанной с феодальными отношениями, враждебной прогрессу и революции», которая доказала свое изначальное враждебное отношение к революции последующей эмиграцией и деятельной поддержкой контрреволюции.⁴ Ныне именно эта проблема стала стержнем нового своеобразного прочтения истории Французской революции. Явление, в сущности говоря, вполне обычное в историографическом смысле, и историк санкюлотского движения выступает не столько, может быть, против представителей этой «реинтерпретации», сколько за всестороннее раскрытие истории дворянства, необходимого для углубленного и обстоятельного изучения Французской революции.

Особый интерес в этом отношении представляет позиция дворянства, отдельных его представителей в вопросе о дворянских привилегиях и упразднении наследственного дворянства, тем более, что трактовка событий политической истории при том, что история отдельных социальных групп (в данном случае дворянства) остается до настоящего времени не изученной в отечественной историографии, неизбежно сопровождается разного рода терминологическими несоответствиями, не точным толкованием тех или иных аспектов экономического бытия или вопросов социально-политического порядка, принижением или преувеличением значения тех или иных моментов политической истории и участия в них различных слоев общества.

Вопрос о дворянских привилегиях, который неоднократно обсуждался на протяжении всего «конституционного» периода в Учредительном собрании и в широких кругах французского общества, как известно, был вынесен на обсуждение Учредительного собрания 4 августа 1789 г. Вечернее заседание открылось чтением проекта Декларации прав (и обязанностей) человека и гражданина, обсуждавшегося на утреннем заседании и переданного в редакционный комитет. Однако скоро стало яс-

³ Soboul A. Trois notes pour l'histoire de l'aristocratie: Ancien Régime-Révolution // Noblesse française — Noblesse hongroise XVIe—XIXe siècles Paris, 1981. P. 86.

⁴ Пименова Л. А. Дворянство Франции ко времени Французской революции конца XVIII в. (по материалам современных исследований) // Вестн Моск. ун-та. Сер. 8: История. 1982. № 4. С. 52.

но, что текст слишком несовершенен и обсуждение может не оправдано затянуться тем более, что перед Собранием стояла и другая задача: как успокоить брожение и волнения в провинциях, особенно усилившиеся к началу августа.

На заседании под председательством Ле Шапелье был прочитан «Arrêté relatif à la sûreté du Royaume», которое заключалось в подтверждении прав собственности, ранее установленных налогов и принятых законов. Вслед за этим выступил виконт де Ноай, заявив, что «цель проекта постановления состоит в том, чтобы приостановить волнения провинций» и что ради этого необходимо до издания постановления удовлетворить некоторые требования «общин». Он предлагал объявить, что налоги будут взиматься «пропорционально доходам», все *charges publiques* будут отменены, феодальные права будут позволено выкупать или обменивать на «справедливо установленных оснований», а сервилльные повинности упраздняются без выкупа. После этого выступления Учредительное собрание больше не возвращалось к проекту постановления о безопасности королевства и занялось исключительно вопросом о дворянских привилегиях.

Герцог д'Эгийон, выступивший за Ноайем, расценил народные выступления как «препятствие» на пути к свободе (по-скольку они усложняли положение Собрания) и подчеркнул, что они посягают на «священное» право собственности. Вместе с тем он находил им некоторое извинение в тяжелом положении народа и злоупотреблениях управляющих поместьями. Далее д'Эгийон, воздав должное «здравой» философии века Просвещения, призвал Собрание в целях обеспечения общественного доверия еще до принятия конституции продемонстрировать готовность пойти навстречу чаяниям народа и немедленно «установить равенство прав, которое должно существовать между всеми людьми и которое единственно может утвердить их свободу». Но д'Эгийон не призывал требовать полного отказа (*la renonciation pure et simple*) от всех феодальных прав, поскольку эти права есть собственность: «Они являются единственным достоянием многих владельцев, и справедливость запрещает требовать отказа от какой-либо собственности без справедливого вознаграждения...». Исходя из этого, д'Эгийон предлагал, чтобы Собрание провозгласило, что налоги будут вноситься всеми гражданами пропорционально их средствам (*la faculté*) и что «отныне феодальные права фьефов и сеньориальных земель будут выкупаться вассалами тех самых фьефов и земель, если пожелают; что возмещение будет вноситься в сумме, определенной Собранием...». Затем герцог д'Эгийон предложил Учредительному собранию принятии, которые легли бы в основу окончательных постановлений:

1. Налоги были бы не столь обременительны, если бы были

распределены равным образом на всех граждан в соответствии с доходами.

2. Справедливость требует, чтоб точная пропорция соблюдалась.

3. Корпорации, города, общины и отдельные граждане, которые до настоящего времени пользовались особыми привилегиями (освобождением от налогов), «в будущем будут без всякого различия платить налоги, выполнять иные общественные повинности.

4. Все феодальные и сеньориальные права рассматривать как «тягостную дань» (*une espèce de tribut onéreux*), которая вредит хозяйству и опустошает деревню (вместе с тем в проекте должно было быть подчеркнуто, что эти права являются собственностью, каковая остается неприкосновенной).

За герцогом д'Эгийоном выступил Дюпон де Немур, но его выступление было целиком посвящено необходимости соблюдения законности и порядка, причем он предложил вотировать обязанность каждого гражданина подчиняться законам, уважая свободу и права других граждан.⁵ Это выступление было очевидной попыткой перевести обсуждение главного вопроса в иную плоскость. Так оно и было воспринято. Маркиз де Фуко, выступая за де Немура, сказал, обращаясь к залу: «Неужели этот тщетный призыв обращен к нашему великодушию? Ведь именно мы должны пойти на жертвы, благодаря коим хотят восстановить порядок в королевстве... Знайте же, что ни один из нас не помышляет отказать себе в этом... Я требую одного, чтобы та часть дворянства, состоящие коей умножается, растет и увеличивается милостями двора, платила самую большую часть налогов, платить которые вменяют нам в обязанность». Требования маркиза поддерживали герцоги де Гиш и де Монтемар, заявив, что «вся та часть дворянства, на которую указал де Фуко, всегда будет почитать себя счастливой тем, что облегчит ношу тех, кто... лишен возможности пользоваться beneficiaми короля».⁶

Депутат от Нижней Бретани Ле Ген де Керангаль заявил, что «злоупотребления» народа правами, провозглашенными в Декларации прав человека и гражданина, вынуждают «положить умелой рукой пределы, кои он не должен преступать...». Вместе с тем он, упомянув о пожарах и разрушениях замков, сказал, что «народ в нетерпении добиться справедливости и, усталый от притеснений, торопится разрушить эти права, памятники варварства наших предков». «Будем справедливы, господа, — продолжал далее депутат, — что приносят нам документы, подтверждающие феодальные права, которые оскорбляют

не только чистоту нравов, но само человечество. — Что приносят нам эти документы, которые унижают род человеческий, требуют, чтобы люди впрягались в телегу, подобно пахотным животным... которые вынуждают людей проводить ночи, колося по воде прудов, дабы помешать лягушкам смущать сон их сладострастных сеньоров. — Кто из нас... в этот век Просвещения не сложил бы искупительный костер из этих гнусных пергаментов и не поддерживал бы огонь, чтобы принести тем самым жертву на алтарь общественного блага? — Вы восстановите... спокойствие лишь тогда, когда обещаете народу, что обратите в денежное обложение, выкупаемое по доброй воле, все какие бы то ни было феодальные права... Скажите же ему, что признаете несправедливость прав, приобретенных во времена невежества и мрака».⁷

Затем вновь выступил герцог д'Эгийон. Он заявил, что «нужно согласиться с необходимостью пожертвовать феодальным устройством страны ради свободы и конституции». В противном случае, сказал он, будут и дальше существовать права шампара, налоговые злоупотребления, сутяжные секретари и проч. «Перед лицом тирании аристократии и деспотизма общество, как и прежде, будет бедственным. Мы не выработаем справедливых законов иначе, как положив в основу всего сущего уложение, которое искореняло бы рабство...» Д'Эгийон призвал последовать примеру «английской Америки, страны, в которой существуют только собственники, не знающие феодальной зависимости». Герцог признал справедливость ранее предложенного постановления, но заявил, что, несмотря на справедливость этого *arrêté*, это не должно умалять значения собственно разрушения ненавистной народу системы феодальных отношений в деревне, которые самым разрушительным образом воздействуют на и без того печальное бытие мелких сельских собственников. «В этом, — подчеркнул д'Эгийон, — единственное средство остановить угнетение подданных и сохранить законные права сеньоров».⁸

Речь была встречена бурными аплодисментами, ибо едва ли депутатам было очевидно противоречие между выраженным стремлением искоренить «гибельные формы» угнетения и сохранением самих прав сеньориального землевладения. Соревнование в благородстве, «*Le combat de générosité*», как отмечает современник событий, известный историк Ж. Дюлор, на этом не закончилось,⁹ депутатов охватил энтузиазм.

Виконт де Богарне предложил декретировать равенство всех «классов» граждан при поступлении на любые должности, будь то церковные, гражданские или военные.

Выступивший за ним герцог де Шатле, поддержав ранее

⁵ Gazette nationale ou Moniteur universel. 1789, 4 août. N 33. P. 140.

⁶ Dulaure J. Esquisses historiques des principaux événements de la Révolution française. T. I. Paris, 1825. P. 254—255.

⁷ Moniteur universel. 1789, 4 août. N 33. P. 140.

⁸ Ibid. 1789, 4—5 août. N 34. P. 142.

⁹ Dulaure J. Esquisses historiques... P. 255.

внесенные предложения, вынес на рассмотрение собрания вопрос о замене десятины (la dîme) денежным налогом. Им был предложен выкуп десятины, подобный тому, который был бы установлен для сеньориальных прав.¹⁰

Виконт де Монморанси предложил тотчас же декретировать все предложения по отмене дворянских прав (назначенный министром иностранных дел в эпоху Реставрации, виконт с трибуны Палаты депутатов считал за благо отказаться от своих слов, высказанных в поддержку упразднения дворянских привилегий в ночь на 4 августа 1789 г.). Маркиз де Кюстин потребовал, чтобы все предложения были поставлены на голосование, что было поддержано герцогом де Монтемаром, подчеркнувшим необходимость сделать это безотлагательно.

Затем выступил Ле Пеллетье де Сен-Фаржо и заявил, что народу нужны не только надежды, но и нечто вполне реальное. «Мы постановили, что временно налоги будут вноситься, как и прежде, т. е. мы предоставили духовенству и дворянству преимущество в освобождении от налогов до того момента, как оно будет отменено. Почему же мы медлим и не декретируем эту отмену?..» Депутат предложил, чтобы с начала 1790 г. все сословия без исключения пропорционально несли налоговое бремя, а пока Ассамблея должна установить принципы налогообложения.

Депутат де Ришье потребовал, чтобы отныне правосудие отправлялось бесплатно, чтобы была провозглашена отмена продажи должностей.

Герцог де Ля Рошфуко-Лианкур выступил с требованием ликвидации крепостной зависимости во всем королевстве и «смягчения» положения рабов в колониях.

В заключение герцог де Кастри заявил о том, что он отказывается от своего баронского поместья (la baronnie) в Лангедоке. Его примеру последовали депутаты де Лятур-Мобур, д'Этурнель и де Лямет, отказавшиеся от своих поместий в Артуа.¹¹

В согласованном виде статьи постановления об отмене дворянских привилегий выглядели следующим образом:

1. Отмена крепостного состояния и «права мертвой руки», под каким бы названием эти права ни существовали.
2. Возможность выкупа или обмена сеньориальных прав.
3. Отмена сеньориальной юрисдикции.
4. Отмена исключительного права охоты, владения голубятнями и права на разведение кроликов.
5. Установление денежного налога вместо десятины. Возможность выкупа какого бы то ни было рода десятины.
6. Отмена всех денежных привилегий и иммунитетов.

¹⁰ Moniteur universel. 1789, 4—5 août. N 34. P. 142.

¹¹ Dulaure J. Esquisses historiques... P. 258—260.

7. Установление равного налогообложения в соответствии с тем порядком, который будет установлен провинциальными ассамблеями.

8. Допуск всех граждан к гражданским и военным должностям.

9. Объявление о предстоящем установлении бесплатного судопроизводства и запрещение на продажу должностей.

10. Отмена частных привилегий отдельных провинций и городов.¹²

Людовик XVI долго колебался, прежде чем санкционировал проект декрета Учредительного собрания. В письме архиепископу Арльскому король писал: «Я доволен благородным и великодушным шагом двух первых сословий государства. Они пошли на великие жертвы ради всеобщего примирения, ради отечества, ради короля... Жертва прекрасна, но я могу лишь восхищаться ею: я никогда не соглашусь на ограбление моего духовенства, моего дворянства... Я не дам моей санкции декретам, которые ограбили бы их: в противном случае однажды французский народ мог бы обвинить меня в несправедливости или слабости... Я сделаю все, что будет зависеть от меня, чтобы сохранить мое духовенство, мое дворянство... Если сила вынудит меня санкционировать декрет, я уступлю; но в таком случае во Франции больше не существовало бы ни монархии, ни монарха».¹³ Сам тон письма объясняет, почему король санкционировал постановление только во второй половине сентября. В своем ответе Учредительному собранию Людовик XVI в основном одобрил постановление от 4 августа, но согласившись с одними и предложив рассмотреть более обстоятельно другие статьи.¹⁴ Окончательное утверждение постановления последовало 21 сентября 1789 г., к чему вынудили продолжавшиеся восстания в Керси, Бретани, Франш-Конте, разрушение замков, бегство сеньоров из разоренных поместий в города, а также неоднократные представления Учредительного собрания о необходимости утверждения всех статей постановления.

Стенограмма заседания Собрания, вынесшего решение об отмене дворянских привилегий, опубликованная в «Монитере», сопровождалась примечательной заметкой, отражавшей тогдашнее умонастроение широких кругов французского общества. «В одну ночь облик Франции изменился, — говорилось в примечании к стенограмме заседания, — Старый порядок, который сохранялся, несмотря на сопротивление сотни поколений, был низпровергнут. За одну ночь пресловутое древо феодального строя, тень коего покрывала всю Францию, было повержено. За од-

¹² Moniteur universel. 1789, 4—5 août. N 34. P. 144.

¹³ Batjén N. Histoire complète de la Noblesse de France: Depuis 1789 jusque vers l'année 1862. Paris, 1862. P. 27.

¹⁴ Moniteur universel. 1789 du 16 à 18 sept. N 59. P. 244.

на право, подтвержденное старинными грамотами, присваивал плоды его трудов, пил его кровь и пожирал плоды его бессонных ночей. Дворянин вновь занял то место, которое предназначалось ему природой и разумом. За одну ночь вся триада власти — феодальной, аристократической, судебной — была уничтожена...»¹⁵

Разумеется, здесь отчетливо можно заметить стремление видеть в желаемом действительное, ибо вопрос об охране прав собственников, в том числе и сенсоров, решался дворянскими депутатами Учредительного собрания вполне определенно, и в их понимании не было никакого противоречия между провозглашением прав человека и гражданина и практическим осуществлением этих прав, включая и вопрос о сенсориальной собственности и юрисдикции. С другой стороны, проблема дворянских привилегий была решена Учредительным собранием только отчасти, что неизбежно должно было проявиться в самом ближайшем будущем.

19 июня 1790 г. на вечернем заседании Учредительного собрания выступил депутат графства Артуа Александр де Лямет. Он высказал мнение, что у подножия пьедестала монумента Людовику XIV на площади Победы должны быть сняты (перед 14 июля, назначенного для праздника Федерации) статуи, так как они выражают собой идеи рабства. «Ныне это памятник тщеславию, — воскликнул депутат от Виль-Франш-де-Руэрг Ламбель, — я требую, чтобы кому бы то ни было было запрещено носить титулы графа, барона, маркиза и т. д.». Шарль де Лямет, полковник кирасиров, поддержал это предложение: «Титулы, которые он предлагает уничтожить, оскорбительны для равенства, которое является основой нашей конституции»,¹⁶ «они берут свое начало из феодального режима, который вы уничтожили, они не могут более иметь право на существование, ибо являются собой выражение бессмысленной непоследовательности...».¹⁷ Он высказался за то, чтобы всем гражданам было запрещено употреблять в актах титулы пэра, герцога, графа, маркиза и т. п. Ш. де Лямет заявил также следующее: «Наследственное дворянство оскорбляет разум и истинную свободу; нет политического равенства, нет и стремления к добродетели там, где граждане обладают иным достоинством, нежели то, которое присваивается ими по должности, иные знаки уважения, нежели те, коим обязаны своими делами. Следует, таким образом, в равной степени запретить пользоваться в актах титулом дворянина. Что касается тех, — добавил граф де Лямет, — которые устно или на бумаге попытаются использовать

¹⁵ *Moniteur universel*. 1789, 4 août. N 33. P. 139.

¹⁶ *Ibid.* 1789 du 16 à 18 sept. N 59. P. 33—34.

¹⁷ *Batjain N. Histoire complète...* P. 38.

эти ребяческие отличия, то общее мнение накажет их, заклеит среди них тех, кто высказывает недовольство нашей Революцией».

Требование Ш. де Лямета поддержал Лафайетт, сказав, что присоединяется к нему «всем сердцем».

Однако не все депутаты разделяли их взгляды. Маркиз де Фуко прямо заявил: «Я не знаю, чем кончится это обсуждение; но мой долг заключается в том, чтобы противиться этому всеми силами...». Маркиз выступил за сохранение дворянских титулов, дав понять, что никакое вознаграждение не может вознаградить потерю титула, возлагаемого с употреблением известной формулы, сопровождавшей возведение в дворянское достоинство, «*Un tel a été fait Noble et Comte pour avoir sauvé l'Etat à telle heure*». Выступление де Фуко не встретило никакой поддержки, Лафайетт же с места возразил ему, что с отменой наследственного дворянства эта формула станет иной: отныне будут говорить не «возведен в дворянское достоинство» «à été fait Noble», но «спас государство в такой час» «a sauvé l'Etat à telle heure», опуская при этом первую часть фразы.

Затем выступил депутат Гупиль де Префельн и прочитал Собранию набросанный им проект постановления: «Титулы герцога и пэра, графа, виконта, барона, маркиза, шевалье и все прочие титулы, связанные с бывшими феодальными и сенсориальными землями, упраздняются и никогда не могут быть восстановлены. Все наследственные почетные титулы упраздняются, и все законы, касающиеся наследственных титулов, отменяются. — Те, кто в нарушение изложенного постановления будет употреблять в публичных или частных актах упраздненные титулы, будут приговорены к 1000 ливров штрафа и вычеркнуты из списка активных граждан. — Всякое титулование *Monseigneur* и *Messeigneurs* отменяется, за исключением случаев, установленных ниже. — Те же, кто будет обращаться в Учредительное собрание, в Королевский совет, в какой-либо суд или административную ассамблею, не могут обращаться к ним иначе, как *Messieurs*. — Титул *Monseigneur* не может быть дан никому, какого бы состояния и положения ни был, за исключением принцев крови». С последним не согласился Лафайетт, заявив, что «в свободной стране могут быть только граждане и *officiers publics*. Я могу понять необходимость наследственного существования королевской власти. Но к чему давать титул принцев крови тем, кто, на мой взгляд, всего лишь активные граждане?...».

Граф де Фосиньи предложил перенести обсуждение на утреннее заседание и, когда его не поддержали, сказал, обратившись к депутатам: «Вы хотите уничтожить дворянское достоинство, но существует еще и достоинство (*la dignité*) банкиров, промышленников, которые имеют двести тысяч экю ренты». Этот выпад будущего «бывшего» (*ci-devant*) против крупной

буржуазии, как и предложение перенести заседание, вызвавший шум среди депутатов Собрания.

Предложение перенести обсуждение было высказано и аббатом Мори, этим «гренадером, переодетым семинаристом», который многозначительно заметил, имея в виду заседание 4 августа, что «не всегда посреди такого энтузиазма принимались наилучшие решения». Мори заявил, что депутаты в своих выступлениях нападают на сами принципы и институт дворянства, и подчеркнул при этом, что дворянство во Франции «конституционно» и что, «если нет дворянства, нет и монархии».

Однако выступления консервативно настроенных депутатов ни коим образом не повлияли на решимость подавляющего большинства участников Собрания, в том числе и большинства дворянских представителей, добиться отмены наследственного дворянства.

Выступивший на этом заседании герцог де Ноай призвал упразднить «бесполезные титулы, пустые ребячества суетности и тщеславия». Он призвал депутатов признавать только отличия, исполненные добродетели. «Разве говорят, — спросил он, — маркиз Франклин, граф Вашингтон, барон Фокс?.. Эти имена не нуждаются в титулах... их и без них всегда производят с восхищением». Де Ноай присоединился к сделанным ранее предложениям и высказался за запрещение ношения ливрей, унижающих достоинство человека.

Президент парижского парламента Ле Пеллетье де Сен-Фаржо и граф Дестю де Траси выступили с требованием, чтобы каждый гражданин носил только фамилию своей семьи и ни в каком случае не именовался по названию поместья. Именно на этом заседании Ле Пеллетье отказался от титулования «де Сен-Фаржо» и просил называть себя отныне Луи-Мишель Ле Пеллетье. Этому примеру, несмотря на призыв де Траси, однако, никто из депутатов не последовал.

Иной характер носило выступление графа де Вирье. Он выразил опасение, что декрет, упраздняющий наследственное дворянство, приведет к еще большим «экспецсам», разрушениям замков, церквей и т. п. «Берегитесь, как бы он (народ. — С. И.) не поднял руку на гербы, которые украшают замки, церкви, надгробия. Прошу вас принять во внимание, — продолжал он, — сколь существенно установить правила, согласно которым ваш декрет будет осуществляться, так как не хотели бы, чтобы декрет привнес с собой беспорядок...» Де Вирье выражал убеждение, что «декреты никогда не должны проводиться в жизнь насильем со стороны народа, но исключительно в законном порядке. Насильственные действия, по мнению депутата, обесчестили революцию...» (эти слова вызвали бурную реакцию в зале). «Революцию, которая должна существовать лишь при соблюдении порядка, беспорядок уничтожил бы...».

Последний из выступавших, представитель древнейшей дво-

рянской фамилии граф де Монморанси, отверг идею о конституционности дворянства, противопоставив ей Декларацию прав человека и гражданина, и поддержал предложения, связанные с упразднением наследственного дворянства.

После этого был выработан проект декрета, который и был принят Учредительным собранием. Согласно этому декрету, Учредительное собрание провозглашало, что наследственное дворянство упраздняется навсегда, «вследствие чего титулы принца, герцога, графа, маркиза, виконта, видама, барона, шеваля, мессира и пр. не будут ни приниматься кем-либо, ни даваться кому-либо», что ни один французский гражданин не может носить никакой иной, кроме настоящей фамилии своей семьи, что он также не может ни носить ливрею, ни иметь гербы и, наконец, что титулы Monseigneur и Messeigneurs не будут даваться ни группе лиц, ни какому-либо частному лицу, также и титулы Excellence, Altesse, Eminence, Grandeur.¹⁸

С упразднением наследственных дворянских титулов «бывшие» («ci-devants»), в том числе и те, которые принимали участие в вотивировании статей декрета, постепенно пришли к осознанию того, что упразднение наследственного дворянства должно было быть и было неизбежно воспринято в широких демократических кругах как призыв к «упразднению» самих дворян. Упразднение дворянства захватило общественное мнение, широко и оживленно обсуждалось в клубах и в печати. В это время появилось великое множество политических памфлетов самых различных оттенков, вплоть до ультра-роялистских, авторы которых вольно или невольно в той или иной степени внесли свою лепту в дискредитацию как отдельных представителей дворянства, так и дворянского сословия в целом. Весьма показательны в этом отношении такие памфлеты, как «Abolition de la noblesse héréditaire en France»,¹⁹ «Grand coup de massue aux aristocrates»,²⁰ «Réfutation de l'opinion de M. Necker... concernant les titres, les Noms et les Armoiries»,²¹ «L'Anti-aristocrate, ou manière de voir d'un gascon sur les affaires présentes».²² Именно в это время появились первые части памфлета уже упоминавшегося нами Ж. Дюлора,²³ обширные познания которого в области генеалогии и истории дворянских родов придали этому памфлету особую основательность, остроту и сделали

¹⁸ Moniteur universel. 1790, 21 juin. N 172. P. 702—703.

¹⁹ Библиотека ЛОИИ СССР АН СССР, собрание конволютов из библиотеки князя Воронцова (Recueil des pièces sur les affaires de France. T. 30. N 1490).

²⁰ Ibid. T. 60. N 2249.

²¹ Ibid. Recueil intéressant. T. 31. N 580 (см. здесь другие памфлеты, направленные против Неккера).

²² Ibid. T. 13. N 202.

²³ Ibid. Bigarure. Vol. 12. N 3087; Liste des noms des ci-devant Nobles de Race, Financiers, intriguans et de tous les aspirans à la noblesse, ou escrocs d'icelle. Paris, 1790.

его весьма популярным. С расширением и усилением эмиграции дворянство в глазах общественного мнения было окончательно дискредитировано, и само его существование было поставлено под сомнение, что логично подготовило декретирование особых постановлений, направленных против имущества эмигрантов, которые неизбежно оказались направленными и против дворянства в целом.

Подробное освещение фактической стороны лишь этих некоторых эпизодов «дворянской» истории внутри Французской революции позволяет, нам кажется, сделать предварительные выводы о том, что принятая в историографии интерпретация событий 4 августа (la Sainte-Barthélemi des propriétés) и других на протяжении всего конституционного периода не может быть вполне однозначной.²⁴ В рамках этой интерпретации, трактующей дворянство как реакционную социальную силу, невозможно найти ответы на вопросы, неизбежно возникающие у исследователя. Чем можно объяснить своего рода «республиканский» радикализм этих представителей высшей элиты «второго сословия»? Был ли он продиктован только опасениями перед широким крестьянским движением, охватившим Францию, стремлением во что бы ни стало остановить распространение крестьянских восстаний? Или может быть крестьянские волнения были лишь благоприятствующим обстоятельством, которое дало возможность представителям либеральной аристократии более решительно выразить свою точку зрения? Каково было соотношение различных общественно-политических течений в дворянском сословии, представленном депутатами Учредительного собрания? В чем причина конституционализма «элитарных революционеров Просвещения»?

Порыв, воодушевление, энтузиазм, с которыми дворянские депутаты декларировали отмену привилегий и титулов, — все это, разумеется, в какой-то мере объясняет радикализм принятых Собранием решений. Вместе с тем нельзя упускать из виду, что в целом ряде выступлений дворянских депутатов отчетливо просматривается определенное направление умов (то, что, как говорится, носилось в воздухе), деятельная работа мысли, своего рода идейное воспитание, побуждавшее искать пути обновления. Анализ ряда выступлений (де Ноая, д'Эгийона и др.) приводит к выводу о том, что депутаты явились на заседание готовыми к принятию радикальных решений, что могло быть обусловлено, помимо прочего, еще и основательной осведомленностью о проектах преобразования общественных отношений, принадлежавших перу выдающихся представителей философской и общественной мысли и собственным участием в составлении такого рода проектов (иначе трудно объяснить, откуда эта четкость понятий и продуманная последовательность предлагаемых статей декретов).

²⁴ Ср.: Манфред А. З. Великая французская революция. С. 75—76.

Не следует также упускать из виду, что отмена дворянских привилегий состоялась в ходе обсуждения декларации прав человека и гражданина, что часть представителей «третьего сословия» колебалась, не решаясь открыто провозгласить права беднейших слоев общества. Что касается дворянских депутатов, то они, как, например, граф де Монморанси, граф де Кастеллан и др., активно участвовали в обсуждении различных проектов и способствовали принятию Декларации уже после отмены дворянских привилегий. Сама же Декларация, несмотря на то, что ее редактирование было поручено депутатам, отнюдь не являвшимся о своем отрицательном отношении к монархии, носила очевидный республиканский характер, поскольку в ней и речи не было ни о королевской власти, ни о «неотъемлемых правах» короля.

В целом проблема дворянства в эпоху Революции представляется одной из сложных, и обращение к ней может быть весьма плодотворным и с точки зрения социально-экономических аспектов сословной истории дворянства, и в области общественно-политической. Ответ на эти и другие вопросы поможет исследователям составить более емкое представление о месте дворянства и отдельных его групп в общем контексте Революции и, используя выражение А. Собыля, «раскрыть законы жизни и смерти феодальной аристократии».

Некоторые тематически связанные материалы

Е.Лебедева. Дворянство и налоговые привилегии накануне революции

<http://enlightment2005.narod.ru/papers/lebedeva1.pdf>

Е.Лебедева. Собрания нотаблей кануна Великой французской революции

и эволюция политических позиций дворянства

http://vive-liberta.narod.ru/journal/lebedeva_fe-85.pdf

З.Иванова. Дискуссии о французском дворянстве

<http://enlightment2005.narod.ru/papers/z-ivanova.pdf>

Л.Пименова. Дворянство накануне

Великой французской революции

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p103696073.htm>

Л.Пименова. О некоторых особенностях дворянского сознания на исходе "века Просвещения"

<http://enlightment2005.narod.ru/arc/lpimen.pdf>

Л.Пименова. Просвещение и «дворянский расизм»: особенности идеологии и культуры франц. дворянства XVIII в.

<http://enlightment2005.narod.ru/papers/lpimen3.pdf>

Т.Богданович. Аристократия и народ накануне Французской революции 1789 г.

http://enlightment2005.narod.ru/papers/bogd_arist.htm

ОТ СТАРОГО ПОРЯДКА К РЕВОЛЮЦИИ

к 200-летию Великой французской революции
Межвузовский сборник под ред. проф. В.Г.Ревуненкова
Л.: издательство ЛГУ. 1988

В сборнике рассматриваются основные проблемы политической истории Великой французской революции, 200-летие начала которой в 1989 г. готовится отметить все прогрессивное человечество. Статьи содержат материалы, опровергающие представления, которые пропагандирует буржуазная наука о неизменности социальных структур и политических институтов Старого порядка в послереволюционную эпоху. Особое внимание уделяется проблемам политической культуры. Книга предназначена для историков, обществоведов и читателей, интересующихся историей Франции. Редколлегия: д-р ист. наук В.Г.Ревуненков (отв. Ред.), д-р искусствоведения Н.Н.Калитина, д-р ист. наук Г.Л.Курбатов, д-р ист. наук Г.Р.Левин, канд. ист. наук А.Б.Егоров, канд. ист. наук Н.Е.Колосов, С.Н.Коротков (отв. секр.) Рецензенты: д-р ист. наук Ю.В.Егоров (ЛГПИ им. А.И.Герцена) Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Ленинградского университета.

Веб-публикация: **Vive Liberta**, 1 вандемьера ССХХI года
Ссылки на тематически связанные материалы даны нами после текста статьи

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Текст здесь: <http://vive-liberta.diary.ru/p180910172.htm>

Ревуненков В.Г. (Ленингр. ун-т). Современные интерпретации Великой французской революции

Колосов Н.Е. (Ленингр. ун-т). Высшая бюрократия в политической системе Старого порядка

Озолин А.Е. (Ленингр. ун-т). Французская памфлетистика при Старом порядке

Шпаковская И.А. (Ленингр. ун-т). Роль периодической печати в политической системе Старого порядка

Пименова Л.А. (Моск. ун-т). О некоторых особенностях дворянского сознания на исходе «века Просвещения» (по приказам дворянского сословия Генеральным штатам 1789 г.)

Текст здесь: <http://enlightment2005.narod.ru/arc/lpimen.pdf>

Лукьянец И.В. (Ленингр. ун-т). Этико-политические взгляды аббата Сен-Пьера (16581743)

Коротков С.Н. (Ленингр. ун-т). Финансовая политика Французской революции: характер и итоги

Текст здесь: http://enlightment2005.narod.ru/arc/cambon_tarle_korotkov.pdf

Искюль С.Н. (ЛОИИ АН СССР). Дворянские привилегии и дворянство в эпоху революции

Соколов О.В. (МИАИВВС). Высшие офицеры французской армии и революционное правительство 17921794 гг.

Куркина Ю.В. (БАН АН СССР). Вареннский кризис и французское общественное мнение

(по материалам памфлетов эпохи Великой французской революции)

Плавинская Н.Ю. (ИВИ АН СССР). «Дух законов» Монтескье и публицистика Великой французской революции 17891799 гг.

Текст здесь: <http://www.montesk.info/article/plavin1.html>

Хлобыстин А.Л. (Гос. Эрмитаж). Л.-Л.Буальи художник эпохи Великой французской революции (опыт социологической интерпретации)

Калитина Н.Н. (Ленингр. ун-т). О празднествах эпохи Великой французской революции

Олег Валерьевич Соколов

ВЫСШИЕ ОФИЦЕРЫ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО 1792-1794 гг.

В последнее время проблемы истории и организации армии в период Великой французской революции привлекают все большее внимание зарубежных и прежде всего французских исследователей. Однако эта тема остается весьма малоизученной. Кроме рассказа о битвах и перечислений частей, желательно получить, наконец, анализ военного социума, а именно: процесс складывания корпоративного духа, эволюцию иерархических взаимоотношений, материальное положение командных кадров... Эти сюжеты, без сомнения, помогли бы осветить общую историю термидорианского Конвента и Директории,¹ — отмечает Дени Вороноф в своем исследовании, посвященном истории I республики от Термидора до Брюмера. То же самое можно сказать и по поводу предшествующего периода.

Работы Ж. П. Берто,² С. Скотта,³ а также более ранние

¹ Woronoff D. La république bourgeoise de Thermidor à Brumaire. Paris, 1972. P. 8.

² Bertaud J. P. 1) La révolution armée. Paris, 1979; 2) Valmy, la démocratie en armes. Paris, 1970.

³ Scott S. The response of the royal army to the French revolution. Oxford, 1978.

труды Ж. Сиса⁴ и ряда других исследователей ответили на ряд важных вопросов этой темы. Но до сих пор мало изучена проблема высших командных кадров (взятых в целом), хотя биографии многих военных деятелей разработаны довольно подробно.

В советской историографии эти темы практически еще не затронуты, за исключением коротких разделов в общен historiческих трудах и нескольких работах (см., напр.: Дживелегов А. К. Революционная армия и ее вожди. М., 1923). Мы попытаемся на основе рассмотрения работ современных французских историков, а также используя данные справочных публикаций (таких, как биографический словарь Ж. Сиса по генералам и адмиралам Революции и Империи),⁵ осветить в известной степени этот вопрос.

К концу 1793 г., благодаря решительным мерам Конвента, численность французской армии, защищавшей молодую республику от интервенции феодальных держав, возросла до огромной цифры (почти миллион человек), что создало условия для поворота в ходе войны. Однако вследствие резкого увеличения численности войск остро встала проблема командных кадров и в особенности высших. Если необходимое количество младших офицеров могло быть получено за счет производства унтер-офицеров, выходцев из народа, то с генералитетом и штабами дело обстояло сложнее.

Генералы старой армии все более открыто переходили на сторону реакции. 1 апреля 1793 г. главнокомандующий Северной армией генерал Дюмуре арестовал комиссаров Конвента Камю, Кинетта, Ламарка и Банкаля вместе с военным министром Бернонвилем, посланных в его ставку, и вечером того же дня выдал их врагу. Затем он безуспешно пытался поднять своих солдат против Республики, но, убедившись в тщетности этих попыток, бежал к австрийцам в сопровождении принца Шарлотского, герцога Монпансье и нескольких офицеров.

Эта измена послужила поводом к существенным изменениям в кадровой политике комитета общественного спасения. Если дворяне, не исключая наиболее знатных, по-разному восприняли революцию вначале и подчас активно поддерживали происходившие социально-политические перемены, то с углублением революционного процесса вследствие радикальных мероприятий, проводимых якобинцами, высшие слои дворянства вольно или невольно оказались в лагере контрреволюции. А именно к этим слоям и принадлежали почти все из 1142 высших офицеров, состоящих на действительной службе накануне революции.

Из 11 маршалов один был принцем, пятеро герцогами, чет-

⁴ Six G. Les généraux de la révolution et de l'Empire. Paris, 1947.

⁵ Six G. Dictionnaire biographique des généraux et des amiraux de la révolution et de l'Empire. Paris, 1934.

веро маркизами и один графом. Из 196 генерал-лейтенантов только 9 были нетитулованными дворянами, остальные — герцоги, маркизы, графы. Наконец, даже не входившие в число высших офицеров 109 полковников были практически все из родовитого дворянства — 9 принцев, 5 герцогов, 25 маркизов, 12 виконтов, 7 баронов и только 6 нетитулованных дворян.⁶ И это вполне понятно. Не только обычаи и традиции феодального общества вставали на пути ротюрье к генеральским эполетам, но и прямые запреты правительства. В эдикте от 1760 г. указывалось, что только дворянство, представленное ко двору, имеет право получать звание полковника,⁷ а королевский ордонанс от 22 мая 1781 г., хотя и не полностью закрывал ротюрье дорогу к офицерскому званию (это убедительно показал в своей статье Жорж Сис),⁸ тем не менее очень сильно затруднял продвижение по службе тем, кто не мог доказать «четыре четверти дворянства».

Не случайно поэтому высшее офицерство стало одним из главных оплотов реакции и контрреволюции. Преобладающее большинство генералов эмигрировало, другие ушли в отставку, третьи оставались на своих постах, но в любую минуту готовы были пойти на сделку с врагом.

«Без сомнения, среди бывших дворян могут встретиться настоящие санкюлоты, но речь идет не о личностях, надо полностью очистить армию... если мы хотим избежать измены, нужно полностью отстранить от армий привилегированную касту», — провозглашал Дюэм в сентябре 1793 г. с трибуны Конвента.⁹

Выбирая между «изменой и незнанием»,¹⁰ якобинское правительство не колебалось. На все самые высшие посты решительно выдвигались талантливые люди, хотя подчас и не имеющие большого боевого опыта. Буквально за один-два года командование французской армии неузнаваемо переменялось.

Если еще в начале 1793 г. (когда старая армия, хотя уже и сильно измененная, продолжала существовать) только 14 из находившихся тогда на службе 195 генералов¹¹ начали свой послужной список со звания рядового или унтер-офицера, то к концу года их уже было десятки, а в конечном итоге за все время революционных войн их число достигнет 171.¹²

⁶ Duguy. L'Armée royale en 1789. Paris, 1888; Roussel. État militaire de France pour l'année 1787. Paris, 1787.

⁷ Bertaud J. P. La révolution armée. P. 40.

⁸ Six G. Fallait-il quatre quartiers de noblesse pour être officier à la fin de l'Ancien régime // Revue d'histoire moderne. 1929. P. 47—56.

⁹ Le Verrier J. La naissance de l'armée nationale 1789—1794. Paris, 1939. P. 151.

¹⁰ Ibid. P. 152.

¹¹ Scott S. The response of the royal army to the French revolution. P. 200.

¹² Six G. Les généraux... P. 321.

Социальный состав нового командного состава стал совершенно иным. Если 20 апреля 1792 г. на службе оставалось 135 генералов и только 18 из них не являлись представителями бывшего привилегированного сословия, то уже в январе 1793 г. — 139 дворян и 63 ротюрье. Наконец, после якобинской чистки армии к 1 января 1794 г. в армии на высших командных постах осталось 62 дворянина и 275 выходцев из третьего сословия.¹³

Отмечая резкое изменение социального состава высшего офицерства, необходимо все-таки отметить, что дворяне не только не исчезли полностью из штабов, но и продолжали играть там немаловажную роль. Несмотря на яростную кампанию, которую повели «бешеные» против пребывания дворян в армии, на то, что 5 апреля 1793 г. Конвент декретировал, что в генералы и офицеры штаба могли производиться только те, кто не принадлежал к «бывшим»,¹⁴ республиканское правительство не могло совсем отказаться от помощи военных специалистов старой армии. Это понимал, в частности, и военный министр Бушот, который не пошел в данном вопросе на поводу у парижских санкюлотов (последние были весьма настойчивы). 31 мая 1793 г. Парижская коммуна представила Конвенту петицию: «Мы требуем отставки всех офицеров-дворян, занимающих высшие командные посты в армиях республики».¹⁵ На ночном заседании Коммуны со 2 на 3 июня по требованию Шометта Генеральный совет провозгласил, что «никакой гражданин из бывших или неприсяжный священник не имеют права исполнять обязанности офицера или гражданского чиновника».¹⁶

«Никаких дворян, никаких дворян! Дворяне нас губят!»¹⁷ — заявлял в это же время Эбер.

Тем не менее 5 июня Конвент все же принял постановление, согласно которому «будет несправедливо исключать из администрации священников, которые женились, и дворян, которые своей революционной деятельностью хорошо послужили отечеству».

Именно поэтому, как уже отмечалось, на службе в 1794 г. оставалось более 60 генералов из дворян. Среди них и знаменитый Келлерман (из дворянства мантии), и будущие маршалы Империи — Груши, Периньон, Серюрье, Макдональд¹⁸ и сам Бонапарт, произведенный в бригадные генералы в 1793 г. пред-

ставителями Конвента Робеспьером-младшим и Саличетти и подтвержденный в своем звании 6 февраля 1794 г.¹⁹

Однако республиканское правительство, сохраняя представителей «бывших» на командных постах, бдительно контролировало их действия, порой даже чрезмерно. Поэтому Бонапарт, например, предпочел скрыть свою принадлежность к привилегированному сословию и в ответе на анкету, предложенную ему 19 января 1794 г., в графе происхождение написал — «не дворянин».²⁰ Серюрье, будучи сначала произведен в полковники, был отстранен от службы как аристократ, но, обратившись с просьбой взять его в армию просто как рядового гренадера (ему было 50 лет), заслужил уважение представителей народа и вскоре в 1793 г. был назначен бригадным генералом.²¹ Дворянин Этьен-Жак Макдональд, которому в этом же году было двадцать восемь лет, был внезапно произведен в бригадные генералы. «Это был удар грома, — пишет он, — хотя я уже в течение нескольких месяцев исполнял обязанности генерала, но, по крайней мере на мне не лежала ответственность звания. Я напрасно доказывал, что я молод, неопытен — ничего не хотели слушать. Нужно было подчиняться своей судьбе, чтобы не быть объявленным подозрительным и арестованным».²²

Когда же пришли из Парижа указания о серьезной чистке штабов, молодой офицер сам попросился в отставку, но «мою службу и мое поведение похвалили, — рассказывает Макдональд, — главнокомандующий попросил у комиссаров оставить меня... Они пригласили меня к себе и там объявили, что в силу их полномочий они обязывают меня служить. Я ответил, что это хорошо, но что пусть они письменно подтвердят, что если я потерплю где-нибудь поражение, меня не осудят за измену... Они отказались... Тогда я заявил, что покидаю армию. Если ты покинешь армию, мы арестуем тебя и будем судить. Нужно было подчиняться и оставаться, несмотря на опасность. Только успехи могли меня защитить и спасти».²³

Беспокойство молодого генерала вполне можно понять, если обратиться к цифрам. Молот республиканского правосудия бил по штабам со всей жестокостью. Немало представителей народа действовали, подобно Мильо, который гордился тем, что «без страха брался за густую золотую бахрому».²⁴ (Мильо в будущем станет наполеоновским генералом, знаменитым командиром тяжелой кавалерии.)

В результате, если за 30 лет старого порядка (с 1759—1789 г.) было только 11 случаев разжалования генералов, а от-

¹³ Ibid. P. 25.

¹⁴ Herlaut. La républicanisation des états-majors et des cadres de l'armée pendant la Révolution // Annales Historique de la Révolution Française. 1937. N 87. P. 388.

²⁰ Castelot A. Bonaparte. Paris, 1983. P. 132.

²¹ Chardigny L. Les maréchaux... P. 45.

²² Macdonald. Souvenirs. Paris. S. a. P. 28.

²³ Ibid. P. 34—35.

²⁴ Chuquet A. Dugommier. Paris, 1904. P. 152.

¹⁵ Ibid. P. 390.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Herlaut. La républicanisation des états-majors... P. 394.

¹⁸ Chardigny L. Les maréchaux de Napoléon. Paris, 1977.

странение же (suspension) вообще не применялось, то только за 1793 г. было разжаловано 59 генералов и отстранено 275, за 1794 г. — соответственно 54 и 77.²⁵

Всего же за время республиканского правления 1792—1799 гг. было отстранено от должности 420 генералов и разжаловано 167. Причем особенно выделяется вторая половина 1793 г. (только за эти 6 месяцев было осуществлено 230 отстранений от должности, десятки разжалований).²⁶

Отстранение или разжалование в значительном количестве случаев означало и арест (за 1793 г. было арестовано 198, а за 1794 г. — 75 генералов). Затем, как естественное продолжение, следовал суд. В 1793 г. был предан суду 31 генерал, а в 1794 г. — 63, причем из них осужден был 61. Большая часть осужденных была приговорена к смертной казни (за период революционного террора было казнено 54 генерала).²⁷

Отстранения, разжалования, производства, аресты, суды, снова производства следовали с головокружительной быстротой. Вот только несколько генералов, пожалуй, из самой знаменитой армии республики Самбро-Маасской.

Журдан Жан-Батист — подполковник волонтеров в 1791 г., дивизионный генерал в 1793 г., разжалован в январе 1794 г., восстановлен 10 марта... главнокомандующий Самбро-Маасской армией в том же году, победитель при Флерюсе.²⁸

Клебер Жан-Батист — гренадер национальной гвардии Бельфора в 1789 г., капитан волонтеров в 1792 г., в том же году произведен представителями народа Ребелем и Мерленом в чин полковника штаба; арестован и вызван в суд в Конвент 29 июля 1793 г., оправдан 17 августа того же года, бригадный генерал, а ровно через два месяца 17 октября произведен на поле боя в дивизионные генералы... через 40 дней разжалован, но... оставлен при исполнении своих обязанностей комиссаром Каррье.

Монтегю Анн-Шарль Бассе — дворянин, был офицером королевской армии (в отставке с 1788 г.), в 1789 г. записался солдатом в национальную гвардию, в 1792 г. подполковник, в 1793 г. бригадный генерал, в 1794 г. дивизионный генерал, разжалован 5 августа вследствие доноса, восстановлен 11 октября 1794 г.

Лекурб Клод-Жак — солдат королевской армии, капитан национальной гвардии в 1789 г., командир батальона волонтеров в 1791 г., сражался в Вандее, ранен, не раз отличился. 7 декабря 1793 г. арестован по доносу четырех офицеров, обви-

нен в том, что он «умеренный», оправдан 13 апреля 1794 г., 2 мая того же года — генерал.²⁹

Эти удивительные, причудливые судьбы не исключение. Из 36 генералов, командовавших соединениями Самбро-Маасской армии, 19 подвергались аресту или были разжалованы, отстранялись от исполнения обязанностей либо увольнялись со службы (нередко и то и другое вместе), а иногда и не один раз.

Внезапные падения чередовались со стремительными взлетами. В течение 1793—1794 гг. зафиксировано 43 случая производства в генералы сразу из... лейтенантов или капитанов.³⁰

В результате такой сильной встряски командных кадров произошел коренной переворот в социальном составе высших офицеров. Как уже отмечалось, доля дворян среди них упала к январю 1794 г. до 22%.

Кто же составлял оставшиеся 78%? На этот вопрос ответить не так просто, как кажется. Несмотря на то, что известны в той или иной степени биографии практически всех генералов эпохи революции, далеко не всегда данные позволяют установить (даже приблизительно) социальное положение семьи, из которой происходит рассматриваемый персонаж.

Из 1139 генералов Революции и Империи, профессии родителей которых удалось установить, Жорж Сис выделил следующие группы: военные — 167; чиновники — 230; коммерсанты, фабриканты — 279; буржуа и собственники (?) — 92; юристы — 115; свободные профессии — 79; ремесленники, рабочие, слуги — 87.³¹

Несмотря на размытость и некоторую неопределенность данных категорий, ясно, что подавляющее большинство высших офицеров 1792—1814 гг. принадлежали к буржуазным слоям, среди которых трудно отдать предпочтение мелкой, средней или крупной буржуазии.

Оценка социального происхождения одновременно для генералов эпохи Революции и Империи, на наш взгляд, вполне допустима. Подавляющее большинство наполеоновских командиров корпусов, дивизий, бригад либо уже были генералами в революционную эпоху, либо находились в весьма солидных офицерских чинах, таких, как полковник или командир батальона (революция отменила звания майора и подполковника, командиры батальонов отныне имели звание, которое по своему наименованию точно соответствовало исполняемой функции — *chef de batallion*), социальный состав которых в эту эпоху мало отличался от такового высших командных кадров.

²⁵ Six G. Les généraux... P. 203, 215.

²⁶ Ibid. P. 204.

²⁷ Ibid. P. 229.

²⁸ Chardigny L. Les maréchaux de Napoléon. P. 457.

²⁹ Six G. Dictionnaire biographique...

³⁰ Six G. Les généraux... P. 115.

³¹ Ibid. P. 320.

На основе данных Сиса, Шардиньи, Шюке³² мы проанализировали социальное происхождение высших офицеров, уже упоминавшейся Самбро-Маасской армии, служивших в ее рядах в июне 1794 г., т. е. во время коренного поворота в ходе войны в пользу Республики и знаменитой победы под Флерюсом (26 июня).

Из 36 генералов только трое — выходцы из дворянских семей, это Атри, де Монтегю и д'Опуль; один (Буассе) — сын финансиста, один (Лекурб) — сын офицера недворянина; восемь — из мелкобуржуазной среды, двое — Дюбуа и Мюллер — сыновья ремесленников; что же касается остальных восемнадцати (о происхождении еще одного генерала — Бонне, нет сведений), известно только, что они в раннем возрасте поступили солдатами в королевскую армию, причем практически все служили в течение многих лет (Фюзье записался солдатом в 1776 г., стал сержантом в 1780 г. и только через 10 лет получил звание *adjudant* (старший унтер-офицерский чин); Ришар служил солдатом и унтер-офицером в течение почти 30 лет — с 1759 по 1789 г.; Понсе — 13 лет и т. д.). Таким образом, это, без сомнения, выходцы из мелкобуржуазных семей, семей ремесленников, не исключено, что и из семей крестьян и рабочих. Хотя, разумеется, было бы математически некорректно обобщать результаты этого приблизительного анализа во всех его нюансах на армию в целом, тем не менее общая качественная оценка несомненна — якобинская диктатура активно способствовала передаче командования армией в руки представителей мелкой и средней буржуазии.

Большую роль в этом сыграл уже упоминавшийся военный министр полковник Бушотт, выражавший волю якобинцев в области кадровой политики. Примыкая к левому крылу якобинизма, Бушотт тем не менее отклонял требования Эбера о поголовном исключении дворян из армии и прохладно относился к солдатским петициям, в которых, как, например, в письме канониров армии Пиренеев, требовалось, чтобы были отстранены все генералы и заменены добрыми патриотами, «такими, как наш капитан».³³

Однако Бушотт был неумолим в отношении всех подозрительных, отправлял на суд революционного трибунала не подчиняющихся или недостаточно преданных. Бушотт смело, а подчас слишком смело выдвигал людей на посты. Отношение старых военных, искренне вставших на сторону Революции, к этим порой малообъяснимым чинопроизводствам ярко отражает письмо генерала Крига, коменданта Меца, к военному министру: «До тех пор пока я буду видеть во главе войск людей, ко-

торые всю жизнь занимались лишь ремеслом или коммерцией, или мелочной торговлей, я буду оплакивать судьбу армий Республики... Ваш метод чинопроизводства, гражданин министр, не может быть таковым, если Республика должна существовать. Сердце у меня обливается кровью, когда я вижу старых пьяниц, непригодных, наделенных всеми недостатками, которые вышли из кабаков, из грязи, из всех социальных пороков и поднялись до командиров, начиная от роты, кончая армией. Как вы надеетесь, что солдат будет иметь доверие к командирам этого типа, если в течение 30—40 лет им не осмеливались доверять артельную кассу четырех рядовых?»³⁴

Бушотт отвечал, что он вынужден брать людей, у которых «вначале кажется нет больших достоинств, но которые со временем их раскрывают и, наконец, которые имеют самое главное — желание действовать».³⁵

Опасения Крига не были безосновательными, и благодаря Бушотту среди генералов оказались такие, как Сюзамик, который, пробыв 14 лет унтер-офицером, ушел в отставку, но затем вернулся в строй батальона волонтеров, был избран капитаном, а затем 4 октября 1793 г. стал командиром батальона. На следующий день Бушотт внезапно сделал его бригадным генералом, несмотря на протесты представителей народа. Как раз в этот момент Сюзамик попросил отставки, так как почти ослеп и был неграмотным. Тем не менее он все-таки был произведен в генералы... чтобы через два месяца быть разжалованным за неспособность.³⁶

Ну и совсем уже комичный случай с другой креатурой Бушотта генералом Анри Латуром, который был арестован Гошем за то, что, «прибыв к армии Запада, нарушил линию аванпостов, пил и пел с гренадерами... заснул вместе с мясниками армии».³⁷

Однако не Сюзамик и Латур представляли типичный облик вождя республиканской армии. Наряду с досадными просчетами в период якобинской диктатуры выдвинулась целая плеяда талантливейших полководцев, столь многочисленная, что, пожалуй, трудно найти другую армию, где в течение нескольких лет перебивало бы столько блестящих дарований на командных постах. Это знаменитые Гош, Марсо, Дезе, Клебер, Дюгомье, Бонапарт, Массена, Лекурб, Моро, Жубер и многие другие. В большинстве своем эти звезды первой величины полководческого искусства были молоды. Они опирались на прочную фалангу генералов солидного возраста, имевших огромный военный опыт и вышедших с низших командных должностей, из среды тех, кто, несмотря на всю свою безупречную и пре-

³² Six G. Dictionnaire biographique... Chardigny L. Les maréchaux... Chuquet A. Dugommier...

³³ Hérault. La républicanisation des états-majors... P. 389.

³⁴ Ibid. P. 396.

³⁵ Ibid. P. 397.

³⁶ Six G. Les généraux... P. 109.

³⁷ Ibid. P. 179.

данную службу, едва ли мог при королевском режиме мечтать о более высоком командном poste, чем командир роты гренадер.

Уже в начале 1793 г. 80% генералов имели в своем послужном списке не менее 25 лет службы, и только 4% служили не более 15 лет.³⁸

К этим испытанным командным кадрам, порой, возможно, не столь ярко вошедшим в летопись побед республики, относятся Монсей, Периньон, Серюрье, Дагобер, Дюбуа, Бейран, Косс, Шарле, Фюзье, Ла Барр, Соре и сотни других.

Практика — лучший критерий истинности теоретической концепции, и насколько правильна и эффективна была политика республиканского правительства в годы якобинской диктатуры в области формирования командных кадров, показали боевые действия. Победы при Хондсхооте, Ваттиньи, Монтань-Нуар, Гайсберге, Флерюсе, Альденхове, Туркуэне и более чем в сотне других боев и сражений, взятие 106 крепостей и городов, продвижение вперед на всех фронтах, раскол вражеской коалиции — и все это лишь за 17 месяцев. Подобные успехи, хотя и были одержаны благодаря целому ряду факторов, были бы немыслимы без прекрасных высших командных кадров.

Будущий маршал Империи Султ (бригадный генерал в конце 1794 г.) так описывал своих начальников и товарищей по оружию этого периода: «...служба была единственным занятием, единственным предметом соревнования. Во всех чинах тот же порыв, то же желание идти далее того, что предписывает долг; если один отличался, то другой старался превзойти его своей храбростью, своими талантами, своими делами; посредственность нигде не находила поддержки. В штабах — бесконечная работа, охватывавшая все области службы, и тем не менее считалось, что ее недостаточно, мы желали принять участие во всем, что происходит. Я могу сказать, что это период моей службы, когда я более всего работал и когда начальники казались мне более всего требовательными».³⁹

Эти генералы дрались «с той настойчивостью, которая считает, что ничего не сделано, пока что-нибудь остается сделать, с тем самоотвержением, которому одна смерть полагает предел... Они давали каждое сражение как если бы оно было решительное, они делали каждое усилие так, как будто оно было последнее», — так о республиканских полководцах отзывался их враг — эмигрант, автор небольшой книги «Замечания о французской армии последнего времени с 1792 по 1808 г.».⁴⁰

Когда пуля тирольского стрелка сразит под Альтенкирхеном генерала Марсо, одного из самых замечательных вождей рес-

публиканской армии, лучшие австрийские военачальники и среди них знаменитый эрцгерцог Карл придут, чтобы отдать последние почести телу молодого французского полководца, а гусары Барко и Бланкенштейна будут спорить, кому принадлежит честь эскортировать останки Марсо до французских позиций (поле боя, где был смертельно ранен Марсо, осталось за противником). И эта оценка неприятелем мужества, талантов и благородства генералов революции лишь один пример того, как высок был их престиж.

Высшие командные кадры были созданы в короткое время и в тяжелейшей обстановке, поэтому неизбежны были перегибы и ошибки. Несмотря на все, в течение 1792—1794 гг. штабы армий почти полностью обновились. Французский королевский генералитет, генералитет феодальной армии, сменился новыми буржуазными командными кадрами, социальный состав которых, система иерархических взаимоотношений, ментальность были совершенно иными. Эти резкие изменения в облике генералитета соответствовали общей перестройке армии в целом, которая была не менее радикальна и наиболее решительно осуществлялась в годы якобинской диктатуры. Таким образом, представляется возможным говорить о том, что изменения в военной системе Франции в эту эпоху являются проекцией тех общих структурных изменений в социальной трансформации, которые происходили в этот период в обществе в целом и одновременно являются еще одним подтверждением концепции Великой французской революции, которую марксистская историография выработала в борьбе с современным историческим ревизионизмом.

Некоторые тематически связанные материалы

М.Буковецкая. Борьба якобинцев за создание революционной армии Франции
http://vive-liberta.narod.ru/journal/arm_bukov.pdf

М.Рейнар. О революционной роли армии в период французской революции 1789 г.
http://vive-liberta.narod.ru/journal/arme_reinhard_fe-61.pdf

А.Дживелегов. Армия Великой французской революции и ее вожди
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/jvelg_army.pdf

Г.Кизурадзе. Пробуждение армии
http://vive-liberta.narod.ru/journal/arme_fe-84.pdf

³⁸ Scott S. The response of the royal army... P. 202.

³⁹ Soult L. N. Mémoires. Paris, 1854. T. 1. P. 198—199.

⁴⁰ Замечания о французской армии последнего времени с 1792 по 1808 г. СПб., 1808. С. 8.

ОТ СТАРОГО ПОРЯДКА К РЕВОЛЮЦИИ

к 200-летию Великой французской революции
Межвузовский сборник под ред. проф. В.Г.Ревуненкова
Л.: издательство ЛГУ. 1988

В сборнике рассматриваются основные проблемы политической истории Великой французской революции, 200-летие начала которой в 1989 г. готовится отметить все прогрессивное человечество. Статьи содержат материалы, опровергающие представления, которые пропагандирует буржуазная наука о неизменности социальных структур и политических институтов Старого порядка в послереволюционную эпоху. Особое внимание уделяется проблемам политической культуры. Книга предназначена для историков, обществоведов и читателей, интересующихся историей Франции. Редколлегия: д-р ист. наук В.Г.Ревуненков (отв. Ред.), д-р искусствоведения Н.Н.Калитина, д-р ист. наук Г.Л.Курбатов, д-р ист. наук Г.Р.Левин, канд. ист. наук А.Б.Егоров, канд. ист. наук Н.Е.Колосов, С.Н.Коротков (отв. секр.) Рецензенты: д-р ист. наук Ю.В.Егоров (ЛГПИ им. А.И.Герцена) Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Ленинградского университета.

Веб-публикация: **Vive Liberta**, 1 вандемьера ССХХI года
Ссылки на тематически связанные материалы даны нами после текста статьи.

СОДЕРЖАНИЕ Предисловие

Текст здесь: <http://vive-liberta.diary.ru/p180910172.htm>

Ревуненков В.Г. (Ленингр. ун-т). **Современные интерпретации Великой французской революции**
Колосов Н.Е. (Ленингр. ун-т). **Высшая бюрократия в политической системе Старого порядка**
Озолинг А.Е. (Ленингр. ун-т). **Французская памфлетистика при Старом порядке**
Шпаковская И.А. (Ленингр. ун-т). **Роль периодической печати в политической системе Старого порядка**
Пименова Л.А. (Моск. ун-т). **О некоторых особенностях дворянского сознания на исходе «века Просвещения» (по приказам дворянского сословия Генеральным штатам 1789 г.)**
Текст здесь: <http://enlightment2005.narod.ru/arc/lpimen.pdf>

Лукьянец И.В. (Ленингр. ун-т). **Этико-политические взгляды аббата Сен-Пьера (16581743)**
Коротков С.Н. (Ленингр. ун-т). **Финансовая политика Французской революции: характер и итоги**
Текст здесь: http://enlightment2005.narod.ru/arc/cambon_tarle_korotkov.pdf
Искюль С.Н. (ЛОИИ АН СССР). **Дворянские привилегии и дворянство в эпоху революции**
Соколов О.В. (МИАИВВС). **Высшие офицеры французской армии и революционное правительство 17921794 гг.**
Куркина Ю.В. (БАН АН СССР). **Вареннский кризис и французское общественное мнение (по материалам памфлетов эпохи Великой французской революции)**
Плавинская Н.Ю. (ИВИ АН СССР). **«Дух законов» Монтескье и публицистика Великой французской революции 17891799 гг.**
Текст здесь: <http://www.montesk.info/article/plavin1.html>
Хлобыстин А.Л. (Гос. Эрмитаж). **Л.-Л.Буальи художник эпохи Великой французской революции (опыт социологической интерпретации)**
Калитина Н.Н. (Ленингр. ун-т). **О празднествах эпохи Великой французской революции**

Ю. В. Куркина

ВАРЕННСКИЙ КРИЗИС И ФРАНЦУЗСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

(по материалам памфлетов эпохи Великой французской революции)

Коллекция печатных изданий эпохи Французской буржуазной революции конца XVIII в., хранящаяся в библиотеке ЛОИИ СССР, представляет собой часть богатейшей книжной коллекции князей Воронцовых, основание которой было положено в середине XVIII в. В годы Великой французской революции она была значительно пополнена С. Р. Воронцовым, бывшим в то время послом в Лондоне и скупавшим выходявшие во Франции издания. Позднее собрание попало к Н. П. Лихачеву, который передал его в Академию наук СССР.

Часть коллекции, находящаяся в библиотеке ЛОИИ, насчитывает около 4 тыс. экземпляров и примерно такое же число

наименований, так как дублетов практически нет. В нее входят периодическая пресса предреволюционных лет, официальные издания и памфлеты. Периодика имеется в основном в виде отдельных разрозненных выпусков, за исключением «Пэра Дюшена», представленного достаточно полно. К числу официальных изданий относятся как публикации государственных органов Старого порядка, так и документы учреждений и обществ, возникших в годы революции: Учредительного и Законодательного собраний, Конвента, парижских клубов и секций.

Большую часть рассматриваемой коллекции составляют памфлеты.¹

Динамика памфлетной литературы непосредственно связана с ходом политической борьбы и с развитием свободы печати. Уже после собрания нотаблей 1787 г. во Франции стало появляться большое количество памфлетов и брошюр, значительно возросшее после указа от 5 июля 1788 г., разрешавшего письменное изложение мнений по поводу предстоящего созыва Генеральных штатов всеми «сведущими людьми королевства».² Главным последствием этого указа явилось то, что с этих пор ни один труд, публикуемый в границах этой весьма широко трактовавшейся тематики, не мог быть легально преследуем.

В последний год Старого порядка, по свидетельству Артура Юнга, в сутки выпускалось 13—16 новых наименований брошюр, чего не было даже в Англии.³

Первые памфлеты из коллекции ЛОИИ датированы именно 1787—1788 гг. Большая часть их — с указанием фамилий авторов, являвшихся в основном политическими деятелями и преимущественно относившихся к дворянству.

Однако первый пик памфлетной литературы, судя по коллекции ЛОИИ, наблюдался в 1789 г. Декларация прав человека и гражданина провозглашала свободный обмен мнениями одним из наиболее ценных прав французских граждан. В новых условиях значительно расширился круг тем выпускаемых листов. Ни одно событие общественной жизни с этих пор не оставляется памфлетистами без внимания.

В это время установился заметный перевес анонимных печатных изданий над авторскими. Часто брошюры выпускались и без указания на место издания. Большая же часть указанных издательств — это, по-видимому, частные издательства,

¹ Выборка значительная и, по-видимому, случайная, так как нет оснований предполагать избирательность интереса коллекционеров. Для количественного сопоставления коллекции ЛОИИ СССР см.: Tourneux M. *Bibliographie de l'histoire de Paris pendant la Révolution française*. T. 1—5. Paris, 1890—1913 (25 971 название); *Catalogue de l'histoire de France*. Vol. 2—3: *Période révolutionnaire*. Paris. 1885—1895 (46 тыс. названий книг, брошюр, документов, памфлетов, газет и мемуаров).

² *Histoire générale de la presse française*. T. 1: *Dès origines à 1814*. Paris, 1969. P. 409.

³ Ibid. P. 410.

многие из которых могли возникнуть непосредственно в ходе революции. Однако некоторая часть памфлетов была издана в Королевской типографии, переименованной в годы революции в Национальную.

Изменение условий печати не сопровождалось никакими техническими преобразованиями. Типографское дело оставалось кустарным. Применявшийся в то время ручной пресс давал возможность печатать не более 3 тыс. печатных единиц в сутки.⁴

Несмотря на ограниченность технических средств, количество выпускаемых памфлетов продолжало расти и к 1790—1791 гг. достигло наивысшей точки. Именно в этот период, судя по содержанию материалов рассматриваемой коллекции, печатая во Франции пользовалась наибольшей свободой и подвергалась наименьшему контролю со стороны государства. Часто в памфлетах высказывались самые экстремистские точки зрения на ход событий.

В этот период появляется большое число пасквилей, направленных против отдельных государственных деятелей, и больше всего против Марии-Антуанетты. Памфлетисты использовали самые различные формы для выражения своего отношения к ней: стихотворную, песенную, маскарадную, форму монологов самой Марии-Антуанетты, ее жалоб, исповедей и протестов (во многих из них самая грубая брань сыплется на голову королевы). Основные обвинения в ее адрес — это ее чужеземное происхождение, ее мотовство, враждебность к французскому народу и революции. В одном из памфлетов в уста ее вложены слова: «Есть ли что-либо более приятное для королевы, чем видеть льющейся ненавистную ей кровь? Французы! Моя ненависть к вам угаснет лишь в могиле».⁵ Ее любовные похождения, действительные или вымышленные, послужили пищей для многих памфлетистов. Даже там, где они не являются основной темой, о развратности королевы обязательно упоминается. Однако при всем значении критики Марии-Антуанетты не следует переоценивать ее место в антиправительственной публицистике. Многими памфлетистами ее персона воспринималась вполне самостоятельно. Ее не считали олицетворением всех бед Старого порядка и не отождествляли с ним. Таким образом, наряду с сохранением старых форм очернения государственных деятелей в памфлетах революционной эпохи появляется более четкое осознание грани между личностью и системой.

Материалы коллекции ЛОИИ дают основание предположить, что со времени учреждения республики, и в особенности с началом деятельности якобинского Конвента, начался рез-

⁴ Ibid. P. 435.

⁵ *Désespérance de Marie-Antoinette sur la mort de son frère*. S. l., s. a. P. 4.

ли спад памфлетной литературы (в коллекции она с этих пор почти полностью уступает место периодическим и официальным изданиям).

Изменение социальных условий в период революции, повышение политической активности общества и его заинтересованности в политике повлекло за собой появление более широкого круга авторов. Уже в последние предреволюционные годы и в первый год революции мы встречаем в их числе самостоятельных политических деятелей — в основном, депутатов Генеральных штатов и Национального собрания. В дальнейшем этот круг еще более расширится. Появятся брошюры, подписанные «Адвокат N», «Офицер X» или просто фамилией, без указания на политическое или социальное положение.

Вряд ли можно считать публицистику эпохи революции пропагандой, инспирированной определенными группировками. Известные имена авторов — это в основном имена независимых политических деятелей. Кроме того, каждый памфлет производит впечатление самостоятельного произведения. Практически не встречается «цепочек» из нескольких памфлетов, которые замыкали бы полемику в кругу профессиональных публицистов. Каждая брошюра содержит оценку определенного события или деятельности какого-то лица или общества, но почти не встречается прямых апологий, которые могли бы свидетельствовать о заказе. Это дает основание считать, что в большинстве своем публицистика эпохи революции может считаться действительным зеркалом общественного мнения, а не проявлением партийной пропаганды.

Именно отражением непосредственной реакции общества представляется группа памфлетов, посвященных Вареннскому бегству Людовика XVI.

Характеризуя политическую обстановку к началу 1791 г., А. Собуль пишет: «Примирение королевской власти и революционной нации стало невозможным... На границах государства происходят волнения эмигрантов. Они плетут интриги с целью спровоцировать против революции иностранную интервенцию... В стране усиливается брожение аристократов... Возмущение несприязнувших священников дает дополнительный толчок контрреволюции. Одновременно развивается революционная оппозиция, делающая все более затруднительным проведение политики Национального собрания... К внутренним смутам прибавляются и внешние. Новой Франции противостоит Европа Старого порядка... Людовик XVI делает конфликт неизбежным, призывая на помощь иностранные державы, дабы восстановить свою абсолютную власть...».⁶

Действительно, с конца 1790 г. Людовик XVI начал перегово-

ры с европейскими державами, готовясь бежать, чтобы вернуться во главе армии интервентов. Неосторожные высказывания организаторов заговора о том, что король — пленник Национального собрания, что он лишен собственной воли, постепенно рождали в массах сомнения относительно верности короля революции. Все, что касалось королевской фамилии, стало привлекать особое внимание народа. Отъезд теток Людовика в феврале 1791 г. многими был воспринят как контрреволюционный акт. Затем, 18 апреля, король, пожелавший ехать в Сен-Клу на пасху, был задержан в Париже толпами народа. В выпущенном после этих событий памфлете, носящем название «Неудавшийся заговор объединенных аристократов», говорилось: «Он (Людовик) сам провоцирует нас на то, чтобы его объявили тюильрийским узником... Он может позволить себя увезти и встать во главе недовольных, предварительно напечатав прокламацию... где опротестует все санкции, данные им декретам Национального собрания... Таков замысел двора».⁷ Но следует отметить, что приведенное мнение — одно из очень немногих, направленных против короля. Судя по имеющимся материалам, запрещение королевского выезда в основном рассматривалось как оскорбление величества и нарушение закона о резиденции, разрешавшего королю удаляться от столицы в пределах 20 лье.⁸ Противники короля и монархии в данной ситуации не могли выступить открыто и должны были ждать события, которое разоблачило бы короля в глазах масс. И вот в ночь на 21 июня Людовик тайно покидает Париж, чтобы доехав до границы, возглавить контрреволюционную армию маркиза де Буйе и двинуть ее на столицу. Однако в пути он был узнан и арестован. Уже в течение суток, прошедших с момента побега до ареста, обнаружилась отчетливая политическая дифференциация, свидетельствующая об обострении кризиса в стране. Иллюзии о единстве короля и революции, о возможности ее завершения мирным путем потерпели крах. Сам факт бегства свидетельствовал о разрыве короля с новой, революционной Францией и о стремлении контрреволюции развязать гражданскую войну.

В памфлетах запечатлен процесс разделения общественного мнения по политическим позициям на несколько групп.

Представители первой группировки утверждают, что ограничение свободы перемещения короля в пределах собственного королевства — преступление. По их мнению, Людовик XVI, покинув Париж, лишь пытался вернуть себе отобранную свобо-

⁷ Complot manqué des aristocrates réunis. Paris, 1791. P. 1—2.

⁸ On n'est pas bête, comme les commissaires de la section du Luxembourg. Paris, 1791; Observons les faiseurs d'observations. S. l., s. a.; Cela est fort aisé à dire. S. l., 1791; Ouvrez les yeux et voyez où l'on vous mène. Paris, 1791.

⁶ Soboul A. Précis d'histoire de la Révolution française. Paris, 1969. P. 174—177.

ду.⁹ Таким образом, защитники прав короля, отрицая его вину, пытались предъявить обвинения народу.

Один из главных организаторов побега, маркиз де Буйе, писал из-за границы: «Если с головы короля упадет хоть один волос, от Парижа в скором времени не останется камня на камне». ¹⁰ Голос Буйе — голос не только эмиграции, но и всей монархической Европы, открыто угрожавшей интервенцией: «Принцы Европы собираются вас проучить». ¹¹

В одном из памфлетов говорилось о «знамени мятежа» и «оскорблении величества в день 18 апреля, 14 июля 1789 г. именовалось «величайшим преступлением». ¹² «Не забывайте, — писал памфлетист, — что не может быть двух способов управлять одним народом ... Единственный возможный — королевская власть». ¹³

Ультрароялисты клялись «до последнего дыхания преследовать чудовищ, лишивших Людовика XVI скипетра». ¹⁴

«Кем может быть судим король? Восставшими подданными? Неужели чудовища, придумавшие этот ужасный план, еще не умерщвлены, неужели они еще дышат?» ¹⁵

Высказывания представителей другой группировки — более умеренны. Их цель — защита короля как неотъемлемой части государственного устройства, без чьей санкции законы, принятые в ходе революции, недействительны. Один из памфлетов прямо называл сложившуюся ситуацию политическим кризисом. ¹⁶ Конституционалисты попытались выйти из него путем компромисса, взяв короля под защиту. Его стали именовать первым другом народа, ¹⁷ а бегство в Варенн — путем предотвращения «возмездия иностранных держав за бесправное положение французского монарха». ¹⁸ Камуфлируя вину Людовика XVI, сторонники конституционной монархии пытались обратить негодование народа на сообщников заговора: «Теперь, когда все страхи позади, настал момент... принести на алтарь сво-

⁹ Bouillé F.-C. Lettre de M. de Bouillé à l'Assemblée Nationale. Paris. 1791. P. 5—6.

¹⁰ Ibid. P. 7.

¹¹ Ibid.

¹² Français, connaissez votre roi. S. l., 1791.

¹³ Ibid. P. 40.

¹⁴ Lettre des officiers de l'armée de M. le marquis de Bouillé à leurs camarades en France. Bruxelles, 1791. P. 5—6.

¹⁵ Réflexions sur la situation critique du roi, de l'Assemblée Nationale et de la France. Paris, 1791. P. 33.

¹⁶ Discours prononcé aux Jacobins sur la question suivante: que faut-il faire dans les circonstances actuelles? S. l., 1791. P. 2.

¹⁷ Observations sur le prétendu projet d'enlever le roi. Paris, 1791. P. 5.

¹⁸ Desmarest. Adresse aux français sur le départ du roi. S. l., 1791. P. 6.

боды головы тех, кто хотел похитить короля с пути народного счастья». ¹⁹

Присутствие Людовика XVI необходимо было конституционалистам, так как означало для них законность революционной власти: «Центр и душа законов — власть монарха». ²⁰ Поэтому короля называют самым большим сокровищем государства и призывают беречь его и охранять вплоть до завершения выработки конституции. ²¹ Наиболее откровенным, как нам кажется, выражением позиции Национального собрания можно было бы считать брошюру Друэ. ²² Автор ее утверждал, что король виновен в намерении вновь взойти на престол, используя бедствия страны. Но низложить его — означало бы уничтожить конституцию. ²³

Сам факт появления споров о праве судить короля — свидетельство дискредитации королевской власти и остроты политического кризиса.

Обращаясь к королю, автор одного из памфлетов писал: «Вы стали недостойны пользоваться даже малейшей властью над народом столь же великим, сколь ничтожны вы сами». ²⁴

Людовика называли трусом, заслуживающим, чтобы «вечным позором было отмечено его чело», ²⁵ и если патриотов обвиняли в намерении упразднить королевскую власть, то «характер Людовика XVI как нельзя более этому способствовал». ²⁶ Монарх, вечно бросающий государство на произвол судьбы, не может управлять государством. ²⁷

Король, достойный презрения, и королевская власть, лишившаяся авторитета, противопоставлялись мужественному французскому народу, «освященному солнцем свободы». В памфлете «Великий суд французского народа над Людовиком XVI» есть пародия, сочиненная по образцу известной песенки «Да здравствует Генрих IV»: «Да здравствует Франция, но не ее ничтожный король. Это бесчестное отродье недостойно доверия. Наша надежда теперь — только на законы ... Несчастные венценосцы, вы ищете войны?» ²⁸

Обвинение в провоцировании гражданской войны — самое грозное из предъявленных королю патриотами. Его роль главы контрреволюционных войск для них — факт. «Трепещите, граж-

¹⁹ Le roi traité comme il le mérite. S. l., s. a. P. 6.

²⁰ Ibid. P. 7.

²¹ Ibid. P. 4.

²² Один из организаторов погони и ареста короля в Варенне.

²³ Drouet J.-B. Voilà ce qu'il faut faire du roi. Paris, 1791. P. 14.

²⁴ Jacquet. Réponse des français au manifeste des intentions du roi. Paris, 1791. P. 2.

²⁵ Grand jugement rendu par le peuple français contre Louis XVI. Paris, 1791. P. 3.

²⁶ Détail exacte de tout ce qui s'est passé... Paris, 1791. P. 3.

²⁷ Arrestation du roi près de la ville de Stenay. Paris, 1791. P. 2.

²⁸ Grand jugement rendu par le peuple français... P. 7.

дане! — взывала одна из брошюр. — Отечество в опасности! Король уезжает в Империю, чтобы стать во главе многих тысяч солдат, восставших против вашей конституции!»²⁹ Раздавались призывы к суду над королем как над «последним гражданином Отечества».³⁰

Патриоты понимали, что Людовик XVI при успешном бегстве немедленно послужил бы знаменем для военной интервенции: «Персона Людовика XVI в руках врагов придавала бы им дерзости».³¹

Анонимный автор брошюры «Людовик XVI, сам себя лишивший трона», ссылаясь на пример английской революции, казнившей Карла I. Он писал о том, что король французов, желавший ввергнуть свободную нацию во все ужасы анархии и гражданской войны, в тысячу раз более заслуживает кары. Брошюра заканчивается требованием «предать огню трон и все другие помпезные безделицы королевской власти» и место монархии уступить республиканскому сенату.³²

После Варенна с неизбежностью встал вопрос о дальнейшей судьбе монархии. Сторонники суверенитета короля, утверждавшие, что король милостью божьей имеет все права и неподсуден, продолжали отстаивать принцип неприкосновенности личности. По их мнению, посягнуть на нее хотя бы однажды — значит подготовить условия для ее аннулирования.³³ При таких условиях король стал бы последним гражданином государства, так как зависел бы от воли каждого из 25 млн французов. В таком случае, монархия разрушилась бы сама собой, и в стране воцарился бы хаос.³⁴ Счастье народа не может, с точки зрения монархистов, «базироваться на такой шаткой основе, как народный суверенитет».³⁵ Приводя в пример все настоящие беды Франции, они видели их причины не в существовании королевской власти, а напротив, в том, что от нее осталась лишь видимость. Слова «республика» и «анархия» для многих роялистов почти тождественны, поэтому установление республики, по их мнению, немедленно привело бы к гражданской войне.

Конституционалисты отстаивали принцип монархизма, означавший для них законность власти. Они объединяли короля и законодательный корпус и называли этот союз «суверенитетом в действии».³⁶ Таким образом, сторонники линии Националь-

²⁹ Grand départ du roi pour joindre l'armée de ci-devant prince de Condé. S. l., s. a. P. 1.

³⁰ Ibid. P. 6.

³¹ Suite de Louis XVI et Marie-Antoinette traités comme ils le méritent. Paris, s. a. P. 3.

³² Louis XVI roi des français détroné par lui-même. S. l., s. a. P. 14.

³³ Compte rendu par une partie des membres de l'Assemblée Nationale sur le décret du 28 mars 1791. Paris, 1791.

³⁴ Opinion de M. Adrien du Port. Paris, 1791.

³⁵ Coué-Lanne. Adresse aux Français. Paris, 1791.

³⁶ Opinion de M. Malouet sur cette question: le roi peut-il être mis en jugement? S. l., s. a. P. 16.

ного собрания оказывались между двух огней — роялистско-аристократической контрреволюцией и демократами-республиканцами. Их явно пугал перевес и в ту и в другую сторону, недаром автор одного из памфлетов Малюэ призывал ставить тех, кто «провоцирует дезорганизацию монархии»,³⁷ в один ряд с теми, кто «способствует восстановлению Старого порядка».³⁸

Защитники конституционной монархии, отвергая возможность Республики, часто апеллировали к положению Руссо о пригодности республиканских форм только для малых стран.³⁹ Для обоснования своей позиции они обращались к истории народов, имевших республику первой формой правления. Однако, считали они, по мере того, как города разрастались, а люди расселялись все шире, эти народы сами приходили к осознанию необходимости монархического правительства. Времена Карла Великого, по их мнению, являлись лучшим примером того, как «самые широкие народные права могут сочетаться с властью короля».⁴⁰

Конституционалисты призывали «вернуть королю его конституционное королевство»,⁴¹ поскольку он в какой-то степени подготовил нацию к свободе, дав ей Генеральные штаты.⁴²

Партия республиканцев в этот период была весьма немногочисленной,⁴³ и ее представители, по-видимому, не были свободны от сомнений относительно пригодности республиканских форм для Франции. Однако все они ставили вопрос о замене монархической формы правления.

Известный философ, наследник просветителей и политический деятель Кондорсе выступил на заседании «Социального кружка» с речью «О республике, или необходим ли король для сохранения свободы?». Его выступление было очень своевременным для республиканцев, которым недоставало идеологического обоснования своей позиции. Кондорсе говорил о необходимости смены формы исполнительной власти после события, «навсегда освободившего народ от его связей с монархом».⁴⁴ Он последовательно опроверг положения, которыми обычно мотивировали непригодность республики для Франции. В частности, он отвергал возможность узурпации власти республиканским правительством, считая существовавшие во Франции свободу прессы и слова, действительное разделение общественных

³⁷ Ibid. P. 24.

³⁸ Ibid. P. 13.

³⁹ Opinion de M. Adrien du Port... Drouet J.-B. Voilà ce qu'il faut faire...

⁴⁰ Discours prononcé aux jacobins... P. 8.

⁴¹ Ibid.

⁴² Ibid.

⁴³ Олар А. Политическая история французской революции. М., 1938. С. 146—191.

⁴⁴ Condorcet. De la République ou un roi est-il nécessaire à la conservation de la liberté? Paris, 1791. P. 7.

функций надежным барьером против всякой узурпации и тирании.⁴⁵

Особое внимание хотелось бы обратить на две брошюры, авторы которых являлись Бриссо и Робеспьер.

Брошюра Бриссо озаглавлена «Может ли король быть судим?». В законном праве народа на суд над королем Бриссо вовсе не видел посягательства на монархический принцип. Однако, по его мнению, французский король — король волей нации, которая суверенна, и если конституционная формула гласила: Нация, Закон, Король, то неправомерно ставить короля на первое место.⁴⁶ Бриссо попытался объединить на конституционной почве республиканцев и противников республики. И те и другие равно отвергали афинскую и римскую демократии, страшились разделения Франции на 83 федеративные республики, желали французской представительной конституции. «Итак, мы во всем согласны. Единственный вопрос, который нас разделяет, — это вопрос о том, может ли глава исполнительной власти быть заменен?»⁴⁷ Несмотря на то, что вопрос об исполнительной власти являлся существеннейшим вопросом, Бриссо выдвигал на первый план то, что объединяло различные политические партии, а это, по его мнению, — конституция и законодательная власть в лице Национального собрания. Тем самым он защищал достигнутое в ходе революции конституционное устройство.

И наконец, очень интересна позиция Робеспьера. Его сочинение названо «Последним мнением по поводу бегства короля». Оно вполне созвучно речи Бриссо. В нем также ставился вопрос о священном праве народа на суд над монархом, виновным в измене и стремлении к братоубийственной войне. Но пока идея французской монархии имеет прочную привязанность в сердцах большинства, даже всех, населяющих эту обширную империю. Однако этой привязанности может скоро не стать, если ее ценой должно быть кровопролитие.⁴⁸

Кроме того, существует известная речь Робеспьера, произнесенная 21 июля, спустя месяц после Вареннского бегства и через несколько дней после принятия Национальным собранием декрета, провозглашавшего невиновность Людовика XVI. В этой речи Робеспьер обвинял само Национальное собрание в предательстве интересов нации, называл его врагом революции, т. е. возлагал на него ответственность за политический кризис, из которого нельзя было, по его мнению, выйти путем лжи и ком-

промиссов.⁴⁹ Очевидна эволюция взглядов Робеспьера: от защиты конституционной монархии он пришел к признанию необходимости полной смены власти — и исполнительной, и законодательной, — как власти, препятствовавшей дальнейшему развитию революции.

Похожая мысль звучит в брошюре, названной «Смертным приговором королю и королеве Франции и Национальному собранию, вынесенным владыкой преисподней», анонимный автор которой писал о неспособности нынешнего правительства довести что-либо до конца и о его близости к гибели «от руки нации, которую оно подавляет».⁵⁰

Таким образом, часть французского общества в результате Вареннских событий пришла к признанию необходимости замены формы правления. Дискредитация монарха привела к дискредитации идеи монархии в условиях, когда выявилась невозможность компромисса с королевской властью. Требование Республики было поставлено на повестку дня, и республиканизм, являвшийся до тех пор идеей лишь небольшого числа философов и политиков, стал самостоятельным политическим течением.

⁴⁹ Робеспьер М. Избр. произв. Т. 1. М., 1965. С. 154—158.

⁵⁰ Arrêt de mort rendu par le monarque des enfers contre le roi et la reine de France et l'Assemblée Nationale. S. l., 1791. P. 6—7.

Некоторые тематически связанные материалы

Вареннский кризис (подборка документов)

http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_var91.pdf

**Н.Владимирова. Якобинский клуб
в дни вареннского кризиса лета 1791 г.**

http://vive-liberta.narod.ru/journal/vladm_varennnes.pdf

Хроника вареннского бегства

http://vive-liberta.narod.ru/resp_calend/varennnes.htm

«Завтра король обратился к народу...»

- вареннское не-бегство

http://vive-liberta.narod.ru/fantasm/play/var_1.htm

http://vive-liberta.narod.ru/fantasm/play/var_refl.htm

⁴⁵ Ibid. P. 2—6.

⁴⁶ Brissot J.-P. Discours sur la question de savoir si le roi peut être jugé. Paris, 1791. P. 6.

⁴⁷ Ibid. P. 1—2.

⁴⁸ Dernière opinion de M. Robespierre sur la fuite du roi. S. l., s. a. P. 7.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А.А.ЖДАНОВА

ОТ СТАРОГО ПОРЯДКА К РЕВОЛЮЦИИ

к 200-летию Великой французской революции
Межвузовский сборник под ред. проф. В.Г.Ревуненкова
Л.: издательство ЛГУ. 1988

В сборнике рассматриваются основные проблемы политической истории Великой французской революции, 200-летие начала которой в 1989 г. готовится отметить все прогрессивное человечество. Статьи содержат материалы, опровергающие представления, которые пропагандирует буржуазная наука о неизменности социальных структур и политических институтов Старого порядка в послереволюционную эпоху. Особое внимание уделяется проблемам политической культуры. Книга предназначена для историков, обществоведов и читателей, интересующихся историей Франции.
Редколлегия: д-р ист. наук В.Г.Ревуненков (отв. Ред.),
д-р искусствоведения Н.Н.Калитина, д-р ист. наук Г.Л.Курбатов,
д-р ист. наук Г.Р.Левин, канд. ист. наук А.Б.Егоров,
канд. ист. наук Н.Е.Колосов, С.Н.Коротков (отв. секр.)
Рецензенты: д-р ист. наук Ю.В.Егоров (ЛГПИ им. А.И.Герцена)
Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета Ленинградского университета.

Веб-публикация: **Vive Liberta**, 1 вандемьера ССХХI года
Ссылки на тематически связанные материалы даны нами после текста статьи.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Текст здесь: <http://vive-liberta.diary.ru/p180910172.htm>

Ревуненков В.Г. (Ленингр. ун-т). Современные интерпретации Великой французской революции

Колосов Н.Е. (Ленингр. ун-т). Высшая бюрократия в политической системе Старого порядка

Озолин А.Е. (Ленингр. ун-т). Французская памфлетистика при Старом порядке

Шпаковская И.А. (Ленингр. ун-т). Роль периодической печати в политической системе Старого порядка

Пименова Л.А. (Моск. ун-т). О некоторых особенностях дворянского сознания на исходе «века Просвещения» (по приказам дворянского сословия Генеральным штатам 1789 г.)

Текст здесь: <http://enlightment2005.narod.ru/arc/lpimen.pdf>

Лукьянец И.В. (Ленингр. ун-т). Этико-политические взгляды аббата Сен-Пьера (1658-1743)

Коротков С.Н. (Ленингр. ун-т). Финансовая политика Французской революции: характер и итоги

Текст здесь: http://enlightment2005.narod.ru/arc/cambon_tarle_korotkov.pdf

Искюль С.Н. (ЛОИИ АН СССР). Дворянские привилегии и дворянство в эпоху революции

Соколов О.В. (МИАИВВС). Высшие офицеры французской армии и революционное правительство 1792-1794 гг.

Куркина Ю.В. (БАН АН СССР). Вареннский кризис и французское общественное мнение

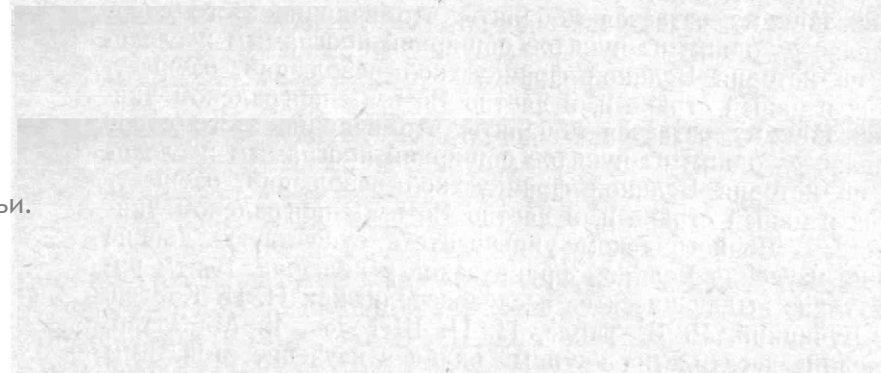
(по материалам памфлетов эпохи Великой французской революции)

Плавинская Н.Ю. (ИВИ АН СССР). «Дух законов» Монтескье и публицистика Великой французской революции 1789-1799 гг.

Текст здесь: <http://www.montesk.info/article/plavin1.html>

Хлобыстин А.Л. (Гос. Эрмитаж). Л.-Л.Буальи художник эпохи Великой французской революции (опыт социологической интерпретации)

Калитина Н.Н. (Ленингр. ун-т). О празднествах эпохи Великой французской революции

А. Л. Хлобыстин

Л.-Л. БУАЛЬИ — ХУДОЖНИК
ЭПОХИ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
(опыт социологической интерпретации)

Проблема соотношения искусства и социальной истории, ранее дискредитированная вульгарным социологизмом, ныне вновь привлекает внимание исследователей. Один из плодотворных путей ее решения — изучение творчества художников эпохи Великой французской революции.

творных путей в этой области заключается в сосредоточении исследований на локальных периодах, феноменах, отдельных художниках.

Обращаясь к творчеству французского художника Л.-Л. Буальи (1761—1845 гг.)¹ в контексте событий революции 1789 г., отметим второстепенное положение, отводимое ему в истории искусства эпохи рубежа XVIII—XIX вв., традиционно рассматриваемой как Давид и «окрестности», что увеличивает наше непонимание своеобразия этого живописца. В то же время, Буальи признан самым выдающимся и неординарным представителем условной группы «малых» художников — жанристов, пейзажистов, портретистов, пользовавшихся большим успехом у широкой публики, многие из которых испытывали влияние старой голландской и фламандской живописи.² Его многофигурные жанровые картины, посвященные современным событиям, повседневной жизни Парижа рубежа веков содержат огромное количество материала, редко привлекаемого исследователями.

Многофигурные жанровые композиции появляются в творчестве живописца около середины 1790-х годов.³ Его более ранние жанровые картины времени революции свидетельствуют, что далеко не все после 1789 г. перестали ощущать, «что такое радость жизни» (как провозгласил Талейран). Это небольшие

¹ О жизни и творчестве художника см. основную литературу: Garrisse H. L.-L. Boilly, peintre, dessinateur et litographe. Paris, 1898; Martoutan P. Le peintre Louis Boilly. Paris, 1913; Exposition L.-L. Boilly. Musée Carnavalet, 1930; Mabillet de Poncheville. Boilly. Paris, 1931; Benisovitch M. N. Une autobiographie du peintre Louis Boilly // Essays in Honor of Hans Tietze. New York, 1958; Hallam J. S. The two manners of Louis Léopold Boilly and French genre painting in transition // The Art Bulletin, 1981. Des. — Библиографию о работах Буальи, находящихся в отечественных собраниях, см.: Березина В. Н. Французская живопись XIX в. в собрании Государственного Эрмитажа. М., 1980; Кузнецова И. А. Французская живопись XVI—первой половины XIX вв. // Каталог. ГМИИ. М., 1982.

² Большой интерес как публики, так и художников к «малым» голландским и фламандским мастерам XVII в. имел оттенок оппозиции традиционным академическим догмам (Арциховская-Кузнецова А. А. Роль голландской и фламандской традиции в формировании французского бытового жанра XVIII в. // Тез. докл. ГМИИ за 1983 г. М., 1985).

³ В данной работе мы имеем возможность остановиться только на этой стороне творчества художника, хотя и его портретная живопись представляет большой интерес. В число почти 5 тыс. (!) портретов его работы (Allgemeines Lexikon der Bildender Künstler / V. Thieme und F. Becker. Leipzig, 1910. Vol. V. S. 225) входят изображения многих известных современников. Еще в 1783 г. в Аппасе Буальи создает изящный светский портрет 24-летнего адвоката Робеспьера. Он пишет Марата, Сен-Жюста, Филиппа Эгалите, Л. Демулен, мадам Тальен с дочерью, мадам Рекамье, первого консула Бонапарта, генералов Клебера и Дюрока, художников Давида, Приюдона, Реньо, Изабе, Гро, Тоне, Энгра, Жерара, Демарна, Виже-Лебрен, Свебаха, Ораса и Карла Верне, Гюбера Робера, Дроллинга, Летьера, скульптора Гудона, а также Тальма, Бомарше, Мармонтеля, Гумбольта, Лапласа и др.

по размеру галантные сцены в духе рокайля, портреты и Тромп-ре-l'oeil, которых еще до революции художник-самоучка, приехавший в Париж с севера Франции в 1785 г., создал уже сотни.

Толчком к созданию Буальи первой крупной картины, посвященной эпизоду современной истории, послужило событие, выделяющееся в биографии художника, не отличающейся особой яркостью. Несмотря на суровость революционных нравов, Буальи не слишком сдерживал себя условностями внешней благопристойности, и в столице продавалось большое количество гравюр, часто лубочного характера, с игриво-эротической тематикой. Это послужило причиной тому, что Буальи со своими работами типа «Сравнение маленьких ножек», «Позор тому, кто плохо об этом подумает»⁴ был упомянут в речи, произнесенной 3 флореаля II года учеником Давида патриотом Викаром в республиканском обществе искусств, где тот потребовал подобные произведения «сжечь под деревом Свободы». Напуганный Буальи уничтожил свои самые рискованные произведения и принялся набрасывать картину «Триумф Марата».

«Триумф Марата» (музей г. Лилля)⁵ повествует о событии 24 апреля 1793 г., разворачивающемся в Зале Потерянных шагов Дворца Правосудия. Толпа выносит на руках оправданного Друга Народа. Но это событие в трактовке Буальи трудно сопоставить как с древнеримским триумфом, сущность которого «антиисторична ввиду преобладания изобразительных декоративных и пластических моментов над духовно-личностными и социальными символами»,⁶ на что пытались ориентироваться в подобных сюжетах неоклассицисты, так и с мистицизмом наполеоновских апофеозов. Мы видим, скорее, сильно разросшуюся нравоучительную сцену в духе Греза, внешне напоминающую неоклассический мотив изокефалийного шествия, хотя более похожую на гулянье с вялым ритмом, встречным движением и разделением на отдельные сюжетные группы. Небольшая фигура Марата, помещенная на фоне огромного пилона, смещена вправо и вглубь. Помимо нескольких молодых людей, восторженно приветствующих триумфатора жестами героев «Клятвы в зале для игры в мяч» Давида, большинство составляют будничные персонажи. В монохромной размывке на тот же сюжет (муниципальный музей Версаля) ясно различаются мать с плачущим ребенком, пуасардка, сидящая за своим прилавком, продавец лимонада со всеми атрибутами и другие фигуры. Таким образом, Буальи говорит о современном историче-

⁴ Le Musée Galant du XVIII siècle: Facsimilés d'estampes originales en noir et en couleurs // Album N 1. Paris, S. 1.

⁵ Benoit F. La plinture au musée de Lille. Paris, 1909. T. III. P. 455—456.

⁶ Лосев А. Ф. Эллинистически-римская эстетика I—II вв. н. э. М., 1979. С. 57.

ском событии традиционным языком жанровой живописи, сосредоточиваясь на социальном, характерном типаже и игре ситуаций.

Жизнь Парижа на самых различных этапах революции запечатлена Буальи на многих картинах, гравюрах, карикатурах. Это «Защита семейного очага», «Национальная кокарда», «Очередь за молоком», «Горестная разлука», «Интерьер гауптвахты», «Кафе патриотов», «Сад Тюильри», «Банкет жирондистов», «Арест Гара», «Тюрьма Маделонет», «Невероятный марш», «Поводырь» и многие другие. В тех из них, которые являются многофигурными композициями, можно заметить развитие принципов изображения событий современности, намеченных в «Триумфе Марата». Художник моделирует события, стремясь достоверно передать обстановку действия и различного рода детали. Сюжет передается как занимательный анекдот и распадается на множество бытовых ситуаций. Фиксируются малейшие изменения в моде, бытовых предметах и, что особенно интересно, в манере держаться; мимике, жестах, позах — сигналах, легко читаемых современниками, смысл которых мы можем только пытаться реконструировать.

Сплаваясь в своих картинах бытовой и исторический жанры, а иногда и карикатуру, Буальи отличается от своих предшественников и современников-живописцев как в трактовке исторического события, так и в понимании принципов его изображения. Произведения Буальи передают жизнь революционной Франции, что само по себе редкость для того времени.⁷ Историческое событие предстает в них как позитивный факт, лишенный аллегорической, символической и в целом сакральной окраски, в его иконографии почти отсутствует рефлексия. Все изображается по принципу «как на самом деле», и картина приобретает характер правдивой иллюстрации, требующей внимательного разглядывания и сопереживания.⁸ В то же время у Буальи сохраняется значительная доля правоучительности рокального жанра «sensibilité»,⁹ и общий мелодраматизм, что наряду с вышеуказанными моментами будет характерно в той или иной степени для исторической и жанровой картины XIX в.

Мир в картинах Буальи предстает довольно холодным, четким. Ясно читаются все поверхности, оболочки, силуэты. Но осязаемость, оптическая достоверность, фактурность становится

оборотной стороной глубинного хаоса, бессодержательности, внутренней облегченности художественной формы. Кажется, что художник ощущает только внешнюю обыденную сторону жизненной материи. И только гротескность видения Буальи, с годами все более проявляющаяся, преодолевает эту однозначность, создает пространственность содержания картины.

Облегченность художественной формы в произведениях Буальи делает материю динамичной, податливой. Буальи равно близка роль и виртуоза, и ремесленника. Техническое мастерство — в центре внимания художника. И оттачивая его, Буальи кажется возможным иллюзорно изобразить любой материал, фактуру, в точности передать черты бесконечного количества портретируемых. Идя по этому пути, к концу 1790-х годов Буальи вырабатывает технику, которую сравнивают с миниатюрной, с живописью по фарфору, называют «манерой Терборха и Метсю», «техникой *trompe-l'oeil*»,¹⁰ которую не раз порицали за сухость и холодность. Старинный жанр *trompe-l'oeil* занимает в творчестве Буальи значительное место.¹¹ Но применение его приемов, оптическое торжество над материей может превратить мир картины в пустыню: все четко осязаемо, но обманчиво, на грани пустоты. При всей конкретности фона: Зал Потерянных шагов в «Триумфе Марата», улица *Notre-Dame des Victoires* в «Прибытии дилижанса на постоянный двор» (Салон, 1804 г., Лувр) это не более чем декорации и реквизит. Буальи с легкостью перемещает побившиеся ему персонажи (без изменений) из картины в картину и вписывает стаффаж в пейзажи Демарна.

Обмирщенность, обыденность предметного мира неразрывно связана с остросоциальным переживанием действительности.¹² На однофактурном фоне интерьеров и ведут и «оживают» человеческие фигуры. Главный персонаж картин Буальи не некий герой, а людская масса, толпа, социальное тело, занятое только собой и редко обращающее взор к небесам, на которых в буквальном и переносном смысле ничего не происходит. Окружающие предметы значимы лишь настолько, насколько они играют роль в общении людей, являются социальными символами. И сами человеческие фигуры предстают как социально-политические знаки, их анатомически недостоверные тела труд-

¹⁰ «От холодного, педантичного Буальи происходят все знаменитые «выписывальщики» XIX в. с Мейсоном и Жеромом во главе» (Художественные сокровища России. СПб., 1901. № 1. С. 60).

¹¹ Художник посвящает много времени околоживописной «алхимии» и виртуозным фокусам. Он ставит опыты со светом, оптикой, сам konstruiрует оптические приборы, изобретает лаки; пишет картины на стекле, с двух сторон холста, вырезанные в нескольких плоскостях, в живописи имитирует акварель и графику. Характернейший в этом отношении пример *trompe-l'oeil* «Распятие» 1812 г., где распятие соседствует с листком с адресом мастерской художника, что оборачивает религиозный символ ремесленнической рекламой мастерства.

¹² В. Н. Березина отмечает появление культа вещей во французской живописи в начале XIX в.

⁷ Березина В. Н. Французская живопись... С. 9.

⁸ Я. Бялостокский, исследуя вслед за Э. Виндом изменения в исторической живописи конца XVIII в., подчеркивает современность сюжета и бытовую правдивость картин Давида и ряда других художников, но отмечает в их глубокую аллегоричность, иконографичность, элементы христианской символики (Бялостокский Я. Искусство и политика: 1770—1830 // Советское искусствознание. 80. Вып. 1. М., 1981; Турчин В. С. «Марат» Ж.-Л. Давида: Образ, стиль, иконография // Советское искусствознание, 82. Вып. 1. М., 1983).

⁹ Hallam J. S. The two manners... P. 618.

но представить обнаженными: они срослись с костюмами, говорящими об их социальной, политической и профессиональной принадлежности. Смоделированность, искусственность и одновременно социально-политическая значимость даже обнаженного тела характерна для всего искусства того времени.¹³

Постепенно количество фигур в картинах Буальи увеличивается, их размеры уменьшаются. Если в картинах 1790-х годов толпа хаотична, разнонаправлена, аморфна, то к началу XIX в. эта социальная материя устремляется к организованности, симметричности, четкой осязаемости, фигуры ясно очерчиваются и часто размещаются фризобразно. В картинах «Ателье Изабе» (1898 г., Лувр), «Публика у картины „Коронация“» (1808 г.), «Галерея дворца Трибунала» (1804 г.), «Биллиард» (1807 г., Гос. Эрмитаж), «Уход новобранцев из Парижа в 1807 г.» (Салон, 1808 г.) вне зависимости от сюжета ощущается чинная, сдержанная упорядоченность, которая вновь сменяется бурлящей толпой в картинах конца 1810—1820-х годов. Картины «Вход на даровое представление в Амбигю Комик» (Салон, 1822 г.) или «Раздача вина и съестных припасов на Елисейских полях» (Салон, 1822 г.) изображают упоенную свалкой и мордобоем толпу простолюдинов. В это же время в полной мере проявляется и блестящий талант Буальи как художника гротеска.¹⁴

Все вышесказанное о произведениях Буальи, а также их своеобразное функционирование было связано с мироощущением и переживанием действительности. Старая культура, старое понимание мира (уже давно разрушавшееся) в революционную эпоху заменяются новыми. В это время материальная сторона повседневности постоянно подчеркивается, механистически констатируется. На уровне обыденного сознания идет поиск закономерностей, связей, глубинного содержания жизни. Единство мировоззрения обреталось в социальном и политическом, как казалось, наиболее всеобъемлющих, определяющих аспектах жизни. В «Биллиарде» не чувствуется никакого интереса к миру вне помещения, световой поток из фонаря в потолке не наделяется какой-либо значимостью, все сосредоточено на замкнутом мирке нюансов человеческого общения. Негативно трудно представить, что на замкнутое, «столичное» восприятие

¹³ В. Гаузенштейн говорит о механистичности обнаженных неоклассицистских тел и политической тенденциозности их изображения (Гаузенштейн В. Искусство и общество. М., 1923. С. 163; Турчин В. С. «Марат» Ж.-Л. Давида... С. 79). Вспомним, что и герои «Клятвы в зале для игры в мяч» в эскизе пишутся Давидом обнаженными.

¹⁴ Это проявилось прежде всего в создании замечательной литографической серии «Гримасы» (1823—28 гг.). Подобным произведением является и «Политиканы в Тюильрийском саду» (1832 г., Гос. Эрмитаж), где в месте, традиционно важном для революционной топографии Парижа, разворачивается теперь уже чисто сатирическая сцена. Гротескные произведения Буальи оказали влияние на молодого Домье.

жизни этих людей опиралась политика вплоть до перемещения в Париж мировых художественных ценностей. Реальные лица помещаются у Буальи в жанровые композиции среди персонажей вымышленных, и их индивидуальность теперь не воспринимается без соотнесения с толпой, с обществом в целом.

Через социальное и политическое преломляются действия и события, обретая в новых утилитаризованных символах и их обыгрывании реальность, динамичную и податливую. Такая констатация, символизация, имитация в ту эпоху принимала столь парадоксальные формы, что и «общественные беды входили в состав удовольствий». Осознание значимости реальности (каждого факта, действия, материальности предмета) рождало подчас сугубо практическое к ней отношение. За прахом Марата следует его ванна, за Вольтером — сундук с собранием его сочинений и план разрушенной Бастилии. Набальзамированные тела павших героев выставляются на обозрение, как памятники, существующие на мистической грани ирреального. 2000 фунтов пороха и взрывчатки уходит на театральный штурм Бастилии. В форме Бастилии строится фаянсовая печь, которая, как и мебель, была «патриотична» (в комиссию, следившую за этим, входил Прюдон), модницы носят чепец «Бастилия», камни Бастилии («конституционные бриллианты») вставляют в перстни. Сцены гильотинизирования разыгрываются заключенными в тюрьмах, настольными гильотинами режут хлеб и домашнюю птицу, маленькие гильотинки — в ушах модниц, а эффект «чихания в мешок» (отделения головы от тела) имитируется при поклонах на «балах жертв». Театральный зал, вооруженный дубинками, может потребовать изменения текста классических пьес Расина, Корнеля или Вольтера чуть ли не по ходу спектакля. Границы самого события, театра и повседневной жизни размываются. Реальная история обретает иные рамки; пространственность, осязаемость может обыгрываться и переигрываться. Хитрые сюжеты действительности обретают последовательность и закономерность, мир замыкается. Противоречие неоклассицизма — попытка заключить живую, современную реальность в четко организованное, закономерное классическое тело (Давид, сотрудничающий с мадам Тюссо и доктором Куртиусом при создании натуралистической восковой композиции, изображающей мертвого Марата в ванне) — вот один из характерных символов эпохи.

Социальное функционирование произведений Буальи тоже происходит по намеченной нами модели. В. С. Библер подчеркивает, что картины художников эпохи Просвещения рассчитаны на суждение просвещенного вкуса и служат лишь толчком, инъекцией для него.¹⁵ «Просвещенный человек столь же

¹⁵ Библер В. С. Век просвещения и критика способности суждения: Дидро и Кант // Западноевропейская художественная культура XVIII века. М., 1980. С. 169.

парадоксально и по форме и по содержанию судит о людях, о нравах, о семейных неурядицах, о книгах — о чем угодно...».¹⁶ Можно предположить, что порожденная просвещением способность суждения осуществляется в революционную эпоху в социально-политической жизни на популярном, демократическом, бытовом и даже вульгарном уровне «раскованной субъективности». Толпы народа, хлынувшие в двери художественных салонов, открытых ему революцией, мелкие буржуа, селечкиницы, носильщики, любовники, назначающие на выставках свидания, женщины, испытывающие «острые приступы чувствительности», глядя на сюжеты сентиментальные, — всё требует объяснений словом, стихами, куплетом (их к произведениям Буальи сохранилось довольно много) и чуть ли не действием. По свидетельствам современников, картины Буальи «буквально осаждались».¹⁷ Публика соглашается или спорит с художником. На выставках продаются брошюры типа «Жокрис в музее» или «Арлекин в музее», народным языком объясняющие или судящие картины. Для толпы это тоже форма общения с собой, игра парадоксами, вариациями и моральными нормами. Толпа воспринимала сюжет буквально, она видела в картинах Буальи самое себя, события, участницей или свидетельницей которых она недавно была, и в данном случае, по выражению Робеспьера, «являлась спектаклем для себя». Таким образом, репортерские картины Буальи, не требующие вчувствования, несамодостаточные, оживали и выполняли своеобразную социально-политическую функцию.

Мелодраматичность произведений Буальи тоже отвечала новому вкусу. Этот вкус также имел различные уровни проявления. В одном случае — это подчеркнуто грубоватая народная манера «папаша Дюшена», лубка, повседневной речи. Но те же граждане от выступлений в клубах, на революционных празднествах, в Салонах требуют «высокого» стиля, который в народном сознании понимается как мелодраматический.¹⁸

Чтобы завершить образ Буальи, заметим, что это художник-труженик, с 14 лет и до глубокой старости занимающийся как высоким так и коммерческим искусством, коллекционер, буржуа, кавалер ордена Почетного легиона, семьянин (имеющий 11 детей), даже канву автобиографии представляющий как этапы семейной жизни.

Суровый В. В. Стасов справедливо называет Буальи «добряком». Гуманизм художника, одновременно изображавшего с равным вниманием санкюлотов и мяскаденов, «жертв» и нуворишей, проявляется в добродушном и как бы всепонимающем

¹⁶ Там же.

¹⁷ Бенуа Ф. Искусство Франции эпохи Революции и Империи. М., 1940. С. 102.

¹⁸ Грамши А. Вкус к мелодраме // О литературе и искусстве. М., 1967. С. 112, 113.

взгляде на историю «снизу», когда она растворяется в повседневности. И кажется, что никакие политические догмы не могут повлиять на обыденное существование простых людей, на своем бытовом уровне решающих мировые проблемы.

Некоторые тематически связанные материалы

БУАЛЬИ Луи Леопольд

5.07.1761 - 4.01.1845

подборка материалов о нем:

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#lboilly>

Н.Калитина. Великая французская революции и развитие изобразительного искусства в конце XVIII века
http://vive-liberta.narod.ru/journal/arts_revolution_fe-87.pdf

Р.Пельше. Нравы и искусство Французской революции
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/pelche_mores_arts_revolution-francaise.pdf

Ф.Бенуа. Искусство Франции в эпоху Революции и Первой Империи
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/art_benois.htm

А.Чегодаев. "Наследники мятежной вольности".
Пути художественного творчества
от Великой французской революции
до середины девятнадцатого столетия
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/tchegodaev.pdf>

Ж.Тьерсо. Песни и празднества Французской революции
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p174766046.htm>

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А.А.ЖДАНОВА

ОТ СТАРОГО ПОРЯДКА К РЕВОЛЮЦИИ

к 200-летию Великой французской революции
Межвузовский сборник под ред. проф. В.Г.Ревуненкова
Л.: издательство ЛГУ. 1988

В сборнике рассматриваются основные проблемы политической истории Великой французской революции, 200-летие начала которой в 1989 г. готовится отметить все прогрессивное человечество. Статьи содержат материалы, опровергающие представления, которые пропагандирует буржуазная наука о неизменности социальных структур и политических институтов Старого порядка в послереволюционную эпоху. Особое внимание уделяется проблемам политической культуры.

Веб-публикация: **Vive Liberta**, 1 вандемьера ССХХI года

Ссылки на тематически связанные материалы даны нами после текста статьи

Предисловие

Текст здесь: <http://vive-liberta.diary.ru/p180910172.htm>

Ревуненков В.Г. (Ленингр. ун-т). Современные интерпретации Великой французской революции

Копосов Н.Е. (Ленингр. ун-т). Высшая бюрократия в политической системе Старого порядка

Озолинг А.Е. (Ленингр. ун-т). Французская памфлетистика при Старом порядке

Шпаковская И.А. (Ленингр. ун-т). Роль периодической печати в политической системе Старого порядка

Пименова Л.А. (Моск. ун-т). О некоторых особенностях дворянского сознания на исходе «века Просвещения»

Текст здесь: <http://enlightment2005.narod.ru/arc/lpimen.pdf>

Лукьянец И.В. (Ленингр. ун-т). Этико-политические взгляды аббата Сен-Пьера (1658-1743)

Коротков С.Н. (Ленингр. ун-т). Финансовая политика Французской революции: характер и итоги

Текст здесь: http://enlightment2005.narod.ru/arc/cambon_tarle_korotkov.pdf

Искюль С.Н. (ЛОИИ АН СССР). Дворянские привилегии и дворянство в эпоху революции

Соколов О.В. (МИАИВВС). Высшие офицеры французской армии и революционное правительство 1792-1794 гг.

Куркина Ю.В. (БАН АН СССР). Вареннский кризис и французское общественное мнение

Плавинская Н.Ю. (ИВИ АН СССР). «Дух законов» Монтескье и публицистика Великой французской революции 1789-1799 гг.

Текст здесь: <http://www.montesk.info/article/plavin1.html>

Хлобыстин А.Л. (Гос. Эрмитаж). Л.-Л.Буальи художник эпохи Великой французской революции

(опыт социологической интерпретации)

Калитина Н.Н. (Ленингр. ун-т). О празднествах эпохи Великой французской революции

Нина Николаевна Калитина

О ПРАЗДНЕСТВАХ

ЭПОХИ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Советская историография интересующего нас вопроса весьма примечательна. Празднества эпохи Великой французской революции особенно привлекали наших специалистов (искусствоведов, театроведов, музыковедов, филологов) в первые послеоктябрьские годы. Опыт самой великой из буржуазных революций, движущей силой которой были широкие народные массы, изучался в это время достаточно основательно. Переводились книги, брошюры, писались оригинальные статьи. В этом потоке литературы отводилось место и празднествам. Достижения французских революционеров, равно как и их просчеты в проведении зрелищных мероприятий, учитывались при проведении первых праздников молодой Советской республики.

Затем интерес к этим проблемам резко падает. В нашей стране накоплен большой собственный опыт проведения народных празднеств и «уроки» французам нам более не нужны. Но если отпадает, так сказать, практический интерес к этой теме, это не означает, что она перестает быть актуальной в историко-искусствоведческом аспекте. Тем более, что труды французских историков-марксистов и советских специалистов, появившиеся после второй мировой войны, дают основание для уточнения и пересмотра некоторых важных вопросов. В последние годы во Франции появились серьезные труды о революционных праздниках, а в 1974 году в Клермон-Феране был проведен специальный коллоквиум по этому вопросу. Многие из его участников выступили затем на страницах «Исторических анналов французской революции» (выпуск 1975 года), опубликовали статьи в сборнике «Праздники революции» (1977).

Празднества эпохи революции были качественно новым явлением как по своему содержанию, так и по формам выражения. К началу революции было ясно, что старые праздники (религиозные, монархические, карнавальные) исчерпали себя. Самое чувство праздника переживало кризис.¹

Отметим сразу же, что в празднествах французской революции счастливо соединялись два начала: стихийное движение народа и организующая воля революционных правительств.

¹ Annales Historiques de la révolution française. 1975, juin.—sept. P. 355.

Несмотря на то, что в Париже происходили жестокие, подчас трагические события, народ, совершивший революцию, был настроен празднично. «С утра до вечера, — писала мадам де Сталь в 1791 г., — это танцы, иллюминации, праздники: наконец он (народ. — Н. К.) чувствует себя счастливым и хочет показать свое счастье перед лицом врагов».² Позднее Ж. Мишле напишет о прекрасных праздниках, когда «весь народ, одновременно и участник, и свидетель, являл собой ... порыв нравственного энтузиазма, когда каждое сердце преисполнялось величием Франции, Отечества...».³ С другой стороны, сменявшие друг друга на протяжении революционного десятилетия правительства, несмотря на принципиальные различия между ними, отдавали себе ясно отчет в огромных пропагандистских и воспитательных возможностях праздников. Могло меняться их содержание, характер, но сама праздничная форма общения с людьми была очень популярна в революционный период. Соединяясь, эти два, идущие снизу и сверху импульсы давали удивительные, не имевшие исторических precedентов результаты. Ж. Собуль назвал праздники 1789—1794 годов «высшим проявлением искусства революции».⁴

Определяющей чертой революционных празднеств был их синтетический характер, объединение разных видов искусства. И трудно сказать, какой из этих видов был ведущим. Гремела музыка, пели хоры, разворачивалась пантомима, разыгрывались сцены, украшались и перестраивались площади и улицы, создавались специальные костюмы, колесницы влекли аллегорические скульптуры, участники церемоний несли эмблемы революции. Иногда приоритет получал один вид искусства, иногда другой в зависимости от доминирующей идеи праздника и таланта тех, кто его готовил.

К сожалению, сейчас трудно представить себе в полном объеме то удивительное зрелище, которое являли собой революционные праздники. Сохранились рисунки, гравюры, чертежи; сохранилась музыка (писавшиеся по случаю увертюры, гимны, марши); сохранился текст песен, речей; есть эскизы костюмов. Но исчезло то, что соединяло все эти компоненты воедино — само действие, движение массы участников, и, если говорить об интересующей нас прежде всего изобразительной стороне, исчезли все те арки, колонны, панно, которые создавались из временных непрочных материалов, исчез цвет, бывший существенным зрелищным компонентом праздника. Очевидно, лишь современный кинематограф мог бы дать полное представление обо всем происходящем. Но его не существовало и сейчас только воображение, подогретое описаниями современников, способно

воссоздать величественную картину одного из самых впечатляющих явлений культурной жизни революционных лет. Помочь в этом могут страницы исторических и литературных трудов, то ли предвидевших будущее, то ли воскрешающих минувшее. «Неужели республике не нужно никаких зрелищ?» — вопрошал Ж. Ж. Руссо. И отвечал: «Напротив, их нужно много. Они родились в Республике, в ее лоне они блистают истинно праздничным светом... Но что будет служить предметом этих зрелищ? Что на них будут показывать? Ничего, если хотите. Поставьте посреди площади шест, увитый цветами, соберите вокруг него народ, и у вас будет праздник. Сделайте еще лучше: введите зрителей в зрелище, превратите их самих в актеров; пусть каждый видит и любит себя в других, для того, чтобы все соединялись крепче».⁵ Как увидит читатель, деятели революции, особенно Робеспьер, следовали заветам Руссо, во многом лишив, правда, революционные празднества идиличности и сельской простоты, которые в новых условиях были неуместны. «Система праздников, — утверждал Робеспьер; — служила бы одновременно созданию самых сладких уз братства и самым могущественным средством возрождения. Пусть у вас будут общие и более торжественные праздники для всей Республики; пусть у вас будут отдельные праздники и для каждой местности».⁶

Вряд ли целесообразно останавливаться на всех праздниках революционных лет. Их было много и происходили они не только в столице. Многие элементы праздничного ритуала нередко повторялись, тем более, что их организаторами чаще всего были одни и те же лица: живописец Давид, композиторы Госсек и Меюль, литератор М. Ж. Шенье. Поэтому выделим лишь некоторые, наиболее значительные праздники, которые и в идейном, и в художественном отношении определяли эволюцию в этой области.

Первый национальный праздник, имевший огромный резонанс по всей Франции, — это праздник Федерации, состоявшийся в годовщину взятия Бастилии 14 июля 1790 года. Местом его проведения было избрано Марсово поле, на котором необходимо было провести значительные подготовительные работы. Народ Парижа с радостью занялся ими. «Даже лишенные голоса пролетарии с воодушевлением трудились над подготовкой Марсова поля к празднику; были там „белая сторона“ и „черная сторона“, угольщики, черные от угольной пыли, и грузчики с Центрального рынка, белые от муки, и между „черными“ и „белыми“ развернулось веселое соревнование, кто больше перевернет земли во славу Революции... Выравнивая землю и на-

² Isambert G. La vie à Paris pendant une année de la révolution (1791—1792). Paris, s. d. P. 72.

³ Michelet J. Histoire de la révolution française. T. 1. Paris, 1868. P. 42.

⁴ Les fêtes de la révolution. Clermont-Ferrand, 1977. P. 3.

⁵ Тьерсо Ж. Празднества и песни Французской революции. Пг., 1917. С. 23.

⁶ Робеспьер М. Избр. произв. Т. III. М., 1965. С. 177.

сыпая ее для сооружения величественного амфитеатра... рабочие пели "Ça ira", революционные куплеты...». ⁷ Точно к сроку приготовления были завершены.

Гравюры сохранили нам изображения Марсова поля до и во время праздника. Перед зданием Военной школы создали величественную эллипсоподобную арену. С трех сторон ее окружал амфитеатр для публики. Напротив Сены (ближе к Военной школе) размещались трибуны для членов Национального собрания с королевским тронном в центре. Вход на арену осуществлялся через трехсводчатую арку, украшенную скульптурой. Свободное пространство арены предназначалось для движущихся колонн; в центре его возвышался Алтарь Отечества. Он представлял собой внушительное сооружение в форме четырехгранника, к которому вели четыре лестницы. Углы обозначались треножниками в античном духе. Композиция всего ансамбля отличалась простотой, продуманностью, выраженной ориентацией на античность. В грандиозных формах Алтаря и арки чувствовалась связь с той линией в развитии предреволюционной архитектуры, которая была представлена проектами Леду и Булле, так и не воплотившимися в жизнь.

Мы знаем из описаний современников обо всех этапах торжественной церемонии. Служил службу Талейран, говорил речь Лафайетт, присягали солдаты Национальной гвардии, депутаты, король, звучала музыка Госсека, стреляли пушки. Кorteж официальных лиц и департаментских делегаций дефилировал около четырех часов. Ведь своих представителей прислали восемьдесят три департамента страны! Причем церемония была окружена всякого рода микропраздниками, проходившими около Марсова поля, а после окончания официальной части и на нем. Именно в этом «кольце» истинно народного праздничного веселья раскрывается демократический характер происходящих событий. Ромен Роллан говорил о празднике Федерации как о «величественном», исполненном «братского воодушевления».⁸

Если же теперь обратиться к тому, что нас особенно интересует — к художественному оформлению праздника, то необходимо отметить следующее. Общую цельность стилистического решения, базирующуюся на усвоении опыта предшествующего развития, проходившего в значительной мере под знаком классицизма. Влияние античности проявлялось и в крупных сооружениях, например арке и в деталях (барельефы, треножники и т. д.). Были включены в общую декорацию элементы природы (ряды деревьев за трибунами, сама Сена, через которую был перекинут мост). Эта тенденция со временем будет усиливаться, свидетельствуя об углублении руссоистских влияний. Из всех

видов пространственных искусств доминировала архитектура, за ней шла скульптура. «Недостаток» живописи восполнялся широким введением в общую декорировку цвета (драпирующая трибуны материя, костюмы национальных гвардейцев, оркестрантов и др.).

Были введены в композицию праздника эмблемы и символы (треугольники, сферы, венки из лавра и т. д.), а также надписи.

Перевернем теперь несколько страниц истории революционных празднеств и остановимся на церемонии совсем иного типа, чем праздник Федерации. Мы имеем в виду перенесение останков Вольтера в Пантеон, ставший усыпальницей великих сынов Франции. Оно состоялось 11 июля 1791 года. Вольтер умер в 1778 году и, естественно, что элемент скорби от внезапной утраты, столь ярко выразившийся на похоронах Мирабо, а в дальнейшем Марата, на захоронении останков Вольтера отсутствовал. Ритуал прежде всего подчеркивал величие Вольтера, был его посмертным триумфом. Мотив шествия, бывший одним из ведущих элементов на празднике Федерации, в этот день получает дальнейшее развитие: шествие проходит теперь практически через весь центр Парижа. Оно начинается на площади Бастилии, где был установлен саркофаг, следует по правому берегу Сены до площади Людовика XV (ныне площадь Согласия), через мост переходит на левый берег и движется к Пантеону. По дороге делаются остановки перед зданием театров, где игрались пьесы Вольтера, перед домом, где он умер. Выступают артисты, играет музыка. Что касается самой процессии, то в ее оформлении было усилено изобразительное начало, что, быть может, было связано с участием Давида.⁹ Несли копию гудоновской статуи Вольтера, бюсты и медальоны Руссо и Франклина. В руках идущих был ларец с трудами Вольтера, написанные крупными буквами его изречения. Участники шествия несли копию здания Бастилии и «реальные» камни от разрушенного здания. Двенадцать белых лошадей влекли колесницу с саркофагом, украшенным надписями и фигурами гениев смерти. На саркофаге возлежала фигура Вольтера, сделанная из подкрашенного гипса. Крылатый гений бессмертия держал над головой Вольтера венок из лавра. В отличие от праздника Федерации, где, как мы уже отмечали, «вела» архитектура, на триумфе Вольтера главенствовала скульптура. Подражание античности ощущалось в оформлении церемонии очень ясно: характер колесницы, саркофага, его декор, парящий гений, статуя Вольтера в античном одеянии, бюсты, напоминающие римские скульптурные портреты, костюмы.

⁷ Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. т. 1. Кн. 2. М., 1977. С. 161—162.

⁸ Роллан Р. Собр. соч. Т. 14. М., 1958. С. 258.

⁹ Брукнер А. (Brookner A. David. London, 1980. P. 105) высказывается по этому поводу вполне определенно: колесница Вольтера была написана Давидом, А. Шнаппер (Шнаппер А. Давид. М., 1984. С. 118) более осторожен.

Можно, конечно, обвинить организаторов праздников в откровенном подражательстве, в эклектизме. Думается, однако, что по отношению к празднествам такого рода ориентация на античность сыграла положительную роль. Во-первых, как уже говорилось, она придавала зрелищам стилистическую цельность, а во-вторых, эта ориентация не была ни бездумной, ни слепой. Брали то, что могло «работать» на современность. От многократного повторения античных образов и символов они становились понятными для широкого зрителя, входили в быт. В-третьих, с античными элементами органично связывались иные детали, почерпнутые то ли из карнавальных шествий (например, фигура Глупости, следовавшая за Свободой на празднике в честь полка Шатовье 15 апреля 1792 г.), то ли из арсенала египетского искусства (пирамида на празднике в честь погибших 10 августа 1792 г., статуя Природы на празднике 10 августа 1793 г. — годовщина свержения монархии).

В проведении последних двух праздников наблюдаются некоторые новые по сравнению с первыми праздниками черты. Мишле пишет, воскрешая церемонию в память погибших 10 августа 1792 г., что никогда еще ни один праздник (мы позволим себе, как и другие авторы, воспользоваться этим словом и для обозначения торжественно-траурных церемоний) не наполнял души таким ощущением траура, смертельной тоски. Он вспоминает о черной сарже, драпировавшей пирамиду, о белых платьях с черными кушаками у участников, о черных саркофагах... Мишле завершает: «Строгие гимны Шенье, жуткая и грозная музыка Госсекса, надвигавшаяся со своим траурным флером ночь — все наполняло сердца каким-то упоением смертью и мрачными предчувствиями».¹⁰ Конечно, Мишле не был свидетелем описываемого, однако, изучая материал, он очень верно почувствовал особые нюансы, настроения, отличные от всего того, что происходило во время предыдущих траурных церемоний. Действие происходило в саду Тюильри, ставшем Национальным садом, его начало было приурочено к 9 часам вечера, а заканчивалось все в 12 ночи. Участники держали в руках тревожно мерцавшие факелы. Весь арсенал изобразительных средств вызывал не к безучастному, благоговейному созерцанию, а к сопереживанию, настраивал на меланхолический лад. М. Озуф пишет, что именно в такого рода празднествах наиболее ярко проявлялись элементы экспрессионизма, предромантизм.¹¹ Не вдаваясь здесь в споры по поводу возможности использования этих терминов, отметим, что с каждым годом расширялся тематический диапазон праздников, более разнообразными становились используемые художниками-оформителями средства.

Рационализм все чаще и чаще перемежался с чувствительностью. Возможно, как это делает Озуф, увидеть в этой апелляции к чувству ростки романтизма. Можно вспомнить и уходящий в прошлое сентиментализм. Очевидно, имело место и то и другое. В данном случае нам важно подчеркнуть иное. И Конвент, и Давид, который был фактически проводником его художественной политики, думается, прекрасно понимали, что невозможно ограничиться декларированием общих мест, высоких понятий, даже таких «святынь», как Свобода, Равенство, Братство, Родина. Необходимо было найти ключ к сердцу человека, живущего трудной повседневной жизнью. Так, скажем, на празднике 10 августа 1793 г., всецело организованном Давидом, был и поцелуй мира, и дети, влекущие повозку с престарелыми родителями, и выпускаемые на свободу птицы, и братская трапеза на траве, и многое другое в том же духе.

Своего рода завершением серии празднеств, связанных с периодом якобинского Конвента, явилось торжество в честь «Верховного существа», состоявшееся 8 июня 1794 г. Позволим себе в связи с упоминанием этого праздника остановиться на речи Робеспьера на заседании Конвента 7 мая 1794 г., ибо эта речь носит программный характер и дает основание для существенных выводов. Речь называлась «Об отношении религиозных, и моральных идей к республиканским принципам и о национальных праздниках». Первая ее часть носила исключительно политический характер. Во второй оратор говорил о нравственном воспитании через праздники и о культе Верховного существа. «Соберите людей; вы сделаете их лучшими, потому что собравшиеся люди будут стремиться нравиться друг другу и они смогут добиться этого только тогда, когда своими действиями вызовут уважение к себе. Пусть они соберутся по важному моральному или политическому поводу... Национальные праздники должны пробуждать благородные чувства: любовь к свободе, любовь к родине, уважение к законам». Они должны осуждать изменников и тиранов, воздавать общественную благодарность «героям свободы и благодетелям человечества... Пусть они будут украшены и отмечены соответствующими их предмету эмблемами». Робеспьер говорил и о том, что праздники должны проходить под покровительством Верховного существа (истинным служителем которого является природа, храмом — вселенная, культом — добродетель). Праздник в честь Верховного существа — «это радость великого народа, собравшегося перед ним для того, чтобы завязать сладостные узы всемирного братства и выразить ему признательность чувствительных и чистых сердец».¹²

С одной стороны, речь Робеспьера была адресована будущему, поскольку в ней говорилось о Верховном существе, культ

¹⁰ Michelet J. Histoire de la Révolution française. T. 4. P. 75—76.
¹¹ Ozouf M. La fête révolutionnaire. Paris, 1976. P. 97—98.

¹² Робеспьер М. Избр. произв. Т. III. С. 176—177.

которого только еще должен был быть введен. Но с другой стороны, в речи уже обобщался определенный опыт, в частности, опыт праздников, происходивших ранее. Большинство из названных Робеспьером положений (по части праздников) уже было реализовано в праздниках II года Республики.

В заключение выступления Робеспьер огласил проект декрета, принятого Конвентом. Среди пятнадцати включенных в него пунктов находился обширный перечень предстоящих праздников. Пункт IX гласил: «Национальный Конвент призывает всех талантливых людей, достойных служить делу человечества, к чести оказания помощи в устройстве праздников гимнами и гражданскими песнями и всеми средствами, которые могут сделать их более прекрасными и полезными». В пункте X значилось: «Комитет общественного спасения отличит работы, которые он сочтет способными выполнить эти цели и вознаградит их авторов».¹³ Так еще раз подтверждалось уже существовавшее сотрудничество революционного правительства и принявших революцию талантов. И, как бы подтверждая этот союз, на трибуну сразу же за Робеспьером поднялся Давид, огласивший план проведения праздника в честь Верховного существа.

Праздник состоял из двух частей. Он начинался в Национальном саду (Тюильри), заполненном народом. Военная музыка разгоняла сон и народ приветствовал восходящее светило (как тут не вспомнить языческие культы!). На балкон Павильона единства (один из павильонов дворца Тюильри) вышел Конвент во главе с Робеспьером. «Неподкупный» был в «голубом фраке и нанковых панталонах. В руках его, как и у всех его товарищей, был букет из колосьев, цветов и плодов».¹⁴ Между двумя речами Робеспьер спустился с балкона, взял в руки факел и поджег картонную статую Атеизма. Сгорая, она открыла спрятанную в футляре прекрасную статую Мудрости.

Затем следовало пение гимна в честь Верховного существа. На этом первая часть заканчивалась. Люди направлялись в сторону Марсова поля, ставшего Полем Единения. Не будем опять-таки перечислять всех входивших в состав шествия «составляющих». Была и статуя Свободы на колеснице, восседающая под дубом и окруженная атрибутами труда, искусств и плодами французской земли. Были трехцветные ленты, венки из цветов и т. д. На Марсовом поле, куда устремлялось шествие, были проведены новые подготовительные работы. На месте Алтаря отечества возвышалась Гора. Среди гротов, кустарников, камней на ее склонах разместились депутаты Конвента, музыканты; представители парижских секций, старцы и мальчики с одной стороны, матери семейств и девушки — с другой.

Юноши окружали подножие Горы, а по полю растекались двумя потоками колонны мужчин и женщин. По сигналу расположенных на вершине Горы трубачей началось исполнение гимна в честь Верховного существа. Затем под грохот канонады присутствующие бросали цветы, обнимались, благославляли на подвиги мужчин, потрясавших оружием (замечим, что после того, как в июле 1792 г. был принят декрет, объявляющий отечество в опасности, все праздники стали включать ту или иную демонстрацию патриотизма, непримиримости к врагам). Изобразительной доминантой праздника была Гора. Она символизировала возвысившийся в результате революции род человеческий и широко использовалась во время праздников в других городах Франции, например в Лионе на празднике Федерации в 1790 г. Если в Лионе ее увенчивала статуя Свободы, то в Париже — дерево Свободы с прикрепленным к нему шестом с фригийским колпаком и трехцветным флагом. Неподдалеку от Горы находилась колонна, увенчанная фигурой Гения Свободы.

Последующие события отбросили на праздник в честь Верховного существа зловещую тень. Не прошло и нескольких недель, как в июле 1794 г. главное действующее лицо праздника и его вдохновитель Робеспьер вместе со своими сторонниками был гильотинирован, а «режиссер» его — Давид оказался в тюрьме. Наступил период термодорианской реакции.

Чем же был праздник в честь Верховного существа? Он был своего рода кульминацией тех руссоистских тенденций, которые и раньше проявлялись в праздничных ритуалах, но приобрели теперь особенно широкое распространение. В этом, безусловно, сказались вкусы Робеспьера, находившие поддержку у Давида. Тема Робеспьер и Давид представляет огромный интерес для исследователя, ибо в этих двух личностях реально воплотился союз политики и искусства. Существуют мнения, что в установках Робеспьера и делах Давида были значительные различия.¹⁵ Думается, однако, что если эти различия и имели место, то были не столь значительны, чтобы усматривать противоречие во взглядах художника и политического деятеля. Организатора праздника в честь Верховного существа Давида, например, упрекали в том, что он мало вовлекал народ в действие, ориентировался на взгляд со стороны. Справедливо ли это обвинение? Напомним, что праздник 1794 г. проходил в совсем иных условиях, чем праздник Федерации. Друг за другом прошли казни Дантона, Эбера, Шометта и их приверженцев. Якобинцы потеряли поддержку шедших за ними раньше санкюлотов. Все это создавало обстановку напряженную, чреватую новым взрывом. И вот окрашенный идиллическостью праздник, на

¹³ Там же. С. 181.

¹⁴ Олар А. Культ разума и культ Верховного существа во время Французской революции. Л., 1925. С. 205.

¹⁵ Мазаев А. Празднества Великой французской революции // Декоративное искусство. 1978. № 1. С. 40.

который Робеспьер возлагает большие надежды. И действительно, план Давида создавал возможность для их реализации. Можно согласиться с А. Оларом, когда он называет его «прекрасным, достойным во всех отношениях как предстоящего торжества, так и артиста, его создавшего».¹⁶ Конечно, в этом плане особенно чувствовался Давид — мастер станковой картины, привыкший иметь дело не столько с пространством реальным, сколько с пространством, воссозданным на полотне. И в своем плане 1794 г. он сделал акцент на стороннее восприятие, что не исключало и непосредственного приобщения к нему желающих. Достаточно посмотреть гравюры, запечатлевшие праздник в честь Верховного существа, чтобы увидеть, что к нему так или иначе приобщилось достаточно много народа. Церемония в целом удалась, потому что народ ее поддерживал. И дело здесь было не в приверженности Робеспьеру, не в поддержке не очень понятного толпе культа Верховного существа, а в том, что и этот праздник, как и предыдущие, олицетворял торжество революции и заканчивался словами: «Да здравствует Республика!» Праздник был согрет искренним патристическим чувством. Ведь весной 1794 г. почти все военные операции были перенесены на территорию противника, а в мае при Туркуэне северная армия разбила австрийцев. Предоставим слово Стендалю: «... в 1794 году у нас не было никакой религии; наше сокровенное, подлинное чувство было сосредоточено на одной мысли: принести пользу отечеству. На улице наши глаза наполнялись слезами, когда мы видели надпись на стене в честь юного барабанщика Бара... Различные празднества, частые и волнующие церемонии, питали нас, не знавших никаких других многолюдных сборищ».¹⁷

С падением Робеспьера и его сторонников народные празднества не прекратились. Однако знакомство с разного рода праздниками, проведенными в период Термидора и Директории, дает впечатляющую картину того, как постепенно выдыхается праздничный ритуал, как из него уходят истинно народные черты, как трансформируется его стилистика. Из трех главных действующих лиц, игравших ведущую роль в проведении праздников II года Республики, на художественной арене после Термидора остался лишь М.-Ж. Шенье. Намеченный на 10 термидора праздник в честь перенесения в Пантеон останков юных героев Бара и Виала не состоялся — в этот день казнили Робеспьера.

Как это не парадоксально, первый праздник после термидорианского переворота был посвящен Марату. Новое правительство фактически к нему было мало причастно, так как решение

о почестях Пантеона для Марата было принято в начале II года. 21 сентября 1794 г. кортеж с останками Марата двинулся к Пантеону. Конвент не участвовал в нем. Тем не менее зрелище было внушительным. Народ помнил и любил своего друга. Он охотно пел песни, шел за колесницей, влекомой украшенными плюмажами лошадьми, нес эмблемами, цветы.

За перенесением останков Марата в Пантеон последовала церемония перенесения туда останков Руссо. Напомним, что Руссо был одним из кумиров революции. В столице и провинции устанавливались его бюсты, проводился конкурс на его статую, руссоистские идеи воплощались при оформлении празднеств и т. д. Конвент принял решение о перенесении останков Руссо в Пантеон еще 14 апреля 1794 года. 11 октября 1794 года это постановление было осуществлено. Руссо был похоронен в Эрменонвилле на острове. За два дня до церемонии его останки перевезли в Париж и поместили на искусственном острове посередине пруда в Тюильри. О том, как выглядел этот остров, дают представление картины художника Гюбера Робера, запечатлевшего остров при дневном и вечернем освещении. «Вечерний» вариант настраивает на романтический лад: трепещут отсветы факелов, освещающих кенотаф, из полумрака выступает вода и несколько людских фигурок. Заметим, что, как и другие временные сооружения (арки, горы, роши, колонны), остров Руссо был создан с невиданной дотоле быстротой. При проведении ритуала перезахоронения очень существенную роль играла музыка Госсека. В шествии участвовали представители естественных наук, ремесленники с орудиями своего труда и многие другие. Замыкал кортеж Конвент, которому предшествовала колесница со статуей Свободы. Участники церемонии несли тексты Декларации прав человека и гражданина.

Уже церемония перенесения останков Руссо, а особенно последовавшие за нею празднества продемонстрировали изменения в художественном оформлении торжеств. То, что Давид долгое время был ведущим при организации празднеств, накладывало на них свой отпечаток. Художник неизменно придавал большое значение всякого рода пространственным зрительным ориентирам (аркам, колоннам, пирамидам, алтарям), широко использовал скульптуру, органично связывал с изобразительными элементами надписи. С устранением Давида от оформления празднеств эти элементы стали постепенно исчезать, как исчез незаметно без каких-либо специальных решений культ Верховного существа. Некоторые сооружения, эмблемы стали сознательно уничтожаться, потому что их существование было признано вредным. Так, скажем, была разрушена Гора на Марсовом поле, как символ надменности и чванства, и на ее месте снова появился Алтарь. В 1795 г. (не прошло и года со времени пантеонизации Марата) начали исчезать разбиваемые «мюскаденами» бюсты друга народа. Термидорианский Конвент по-

¹⁶ Олар А. Культ разума и культ Верховного существа во время Французской революции. С. 204.

¹⁷ Стендаль. Собр. соч.: В 15 т. Т. 11. М., 1959. С. 206.

... самоуправство и постановил... выоросить, рассеяв их по ветру, останки Марата.

Вскоре после «триумфа» Руссо при обсуждении плана проведения национальных и декадных праздников в Конвенте выступил М.-Ж. Шенье. Настроенный враждебно против Робеспьера и Давида Шенье, признавая необходимость праздников, резко высказался по поводу тех праздников, которые прошли во II году республики. Он говорил о торжествах, «перегруженных гражданскими тряпками и претенциозными лохмотьями», о «мелочной регламентации», утверждал, что «декрет — не картина» и т. п. Приводящий эти слова Ж. Тьерсо замечает, что Шенье верно подметил некоторые слабые стороны давидовских идей. Но, отвергнув давидовские начинания, термидорианцы отвергли и «все, что в этих концепциях заключалось величавого и истинно художественного».¹⁸ С этих пор художественная сторона праздников неуклонно падает. В крайнем случае повторялось старое, привычное.

Если церемонии перенесения останков Марата и Руссо тяготели к эпохе Робеспьера и Давида, то праздник Побед, прошедший 21 октября 1794 года, был, как замечает Озуф, чисто термидорианским.¹⁹ Военные экзерсисы на Марсовом поле, марш к Храму Бессмертия, где были сложены трофеи, начертанные на стенах пирамиды названия армий — все это придавало празднику подчеркнуто военизированный характер. Надо сказать, что на 1794—1798 гг. приходится выдающиеся успехи республиканских армий. Они кружат головы, вызывают неподдельный энтузиазм и ... оттесняют на второй план политические праздники вроде праздника в честь взятия Бастилии или дня провозглашения республики, а также морально-этические торжества вроде праздника Супружества, Детства и т. д. Так, 29 мая 1796 г. прошел праздник «Благодарения и Побед в честь первых успехов в итальянской кампании». Затем последовали праздники в честь заключения Кампоформийского мира, а 29 июля 1798 г. состоялся «Праздник Свободы и торжественный въезд предметов наук и искусств из Италии». Последний праздник заслуживает особого упоминания. В его проведении, как в зеркале, отразился изменившийся характер праздничных ритуалов. Перед парижанами дефилировали трофеи: книги, рукописи, картины, статуи, переправленные из Италии, а позднее и других стран в результате завершения победоносных военных операций. Такого рода «шествия» подогревали шовинистические настроения, но как им было далеко до веселых песен и танцев в честь всемирной республики в день Федерации или идиллического «пития» воды из груди статуи Природы, делающего всех людей братьями!

На фоне всех этих блистательных торжеств с каждым годом

¹⁸ Тьерсо Ж. Празднества и песни Французской революции. С. 208.

¹⁹ Ozouf M. La fête révolutionnaire. P. 139.

все более отчетливо вырисовывается фигура Бонапарта. «Я прекрасно помню тот восторг, который его юная слава возбуждала во всех благородных сердцах», — вспоминал Стендаль.²⁰ И не так легко было рядовым французам, тягостно переживавшим первые военные неудачи республиканских войск, сменившиеся блистательными победами, почувствовать, когда эти войны стали превращаться из войн во имя защиты отечества в войны завоевательные. Тем более, что сам молодой генерал широко пользовался всем арсеналом республиканских праздников для поднятия собственной популярности.

Военные праздники становятся просто хорошо организованным парадом, должествующим поразить воображение созерцающих их со стороны прохожих. Что касается других праздников, то все чаще и чаще местом их действия выбираются уже не улицы и площади, а закрытые помещения вроде залов заседаний Совета старейшин и Совета пятисот, сменивших в 1795 г. Конвент. Такие праздники становятся замкнутыми, камерными. Утрачивая присущие революционным праздникам черты, праздники времени Директории начали включать в себя и некоторые новые элементы, предвосхищая уже XIX век. Так, в 1798 г. праздник в честь Республики ознаменовался открытием на Марсовом поле Храма индустрии, в котором были показаны изделия французских фабрик и мануфактур.

После государственного переворота 18 брюмера (9 ноября 1799 г.) народные праздники исчезли окончательно. Еще отмечались дни взятия Бастилии и провозглашения республики, но келейно, при закрытых залах. Военные же церемонии шли на улицах и площадях, привлекая толпы. Но эти церемонии уже не имели ничего общего с революционными празднествами.

Так закончилась одна из самых блистательных эпох в истории французских народных празднеств. Если попытаться графически воспроизвести кривую развития этих празднеств, имея в виду их демократический характер, идейную направленность и художественное своеобразие, то кривая эта будет выглядеть так. Неуклонное нарастание вплоть до 1794 года. Даже после Термидора в праздничных ритуалах держатся какое-то время утвердившиеся ранее черты, хотя, расправившись с «бешеными» и лишив себя народной поддержки, якобинцы в значительной мере подорвали и народную основу массовых празднеств. С 1795 года кривая развития праздников падает.

В праздниках революционных лет с особой силой проявилось народное воздействие на искусство. Г. В. Плеханов подчеркивал, что, «сделавшись „санкюлотским“, искусство вовсе не умерло и не перестало быть искусством, а только прониклось совершенно новым духом».²¹ В праздниках, процессиях и торжествах Великой французской революции видел Плеханов проявление народного духа.

²⁰ Стендаль. Собр. соч. Т. 11. С. 383.

²¹ Плеханов Г. В. Литература и эстетика. Т. 1. М., 1958. С. 98—99.

Некоторые тематически связанные материалы

Н.Калитина. Великая французская революции и развитие изобразительного искусства в конце XVIII века
http://vive-liberta.narod.ru/journal/arts_revolution_fe-87.pdf

Р.Пельше. Нравы и искусство Французской революции
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/pelche_mores_arts_revolution-francaise.pdf

Ф.Бенуа. Искусство Франции в эпоху Революции и Первой Империи
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/art_benois.htm

А.Чегодаев. "Наследники мятежной вольности". Пути художественного творчества от Великой французской революции до середины девятнадцатого столетия
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/tchegodaev.pdf>

Ж.Тьерсо. Песни и празднества Французской революции
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p174766046.htm>